

Гуманитарные исследования Центральной России

Humanities researches of the Central Russia

№ 1 (2), 2017

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-65656 от 13 мая 2016 г.)

Информация о материалах научного журнала предоставлена в систему РИНЦ
по договору № 151-03/2017 от 29.03.2017 г.

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Липецкий государственный
педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, Российская Федерация,
Липецкая область,
г. Липецк, ул. Ленина, д. 42

РЕДАКЦИЯ:

398020, Российская Федерация,
Липецкая область,
г. Липецк, ул. Ленина, д. 42
Телефон: +7 (4742) 32-83-12

Издается с 2016 года.
Периодичность издания – 4 раза в год.

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
“Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky
University”
42, Lenina St.,
398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia

EDITORIAL OFFICE:

42, Lenina St.,
398020,
Lipetsk, Lipetsk region, Russia
Telephone: +7 (4742) 32-83-12

Published since 2016.
Publication frequency: quarterly.

**e-mail: gicr-lspu@yandex.ru
<http://lspu-lipetsk.ru/giceros>**

При цитировании ссылка на журнал «Гуманитарные исследования Центральной России» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов, опубликованных в журнале,
допускается только с разрешения редакции.

ISBN 978-5-88526-842-4

© ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический
университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», 2017

Научный журнал «Гуманитарные исследования Центральной России» публикует научные материалы результатов фундаментальных и прикладных исследований по широкому спектру проблем гуманитарного знания.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников по следующим отраслям наук:

07.00.00. Исторические науки и археология
13.00.00 Педагогические науки
22.00.00. Социологические науки

Журнал осуществляет научное рецензирование (двустороннее слепое) всех поступающих в редакцию материалов с целью экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Рецензии хранятся в издательстве и редакции в течение 5 лет.

Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики, в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования, изданий и авторства научных публикаций и рекомендаций Комитета по этике научных публикаций.

Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

The scientific journal «Humanities researches of the Central Russia» publishes scientific papers results of basic and applied researches in a wide range of humanitarian problems.

The content and the titles of sections correspond to the scientific branches and to the scientists' specialties groups according to the Nomenclature of specialties for scientists:

07.00.00 Historical sciences
13.00.00 Pedagogical sciences
22.00.00 Sociological sciences

For the complex expert evaluation all manuscripts undergo "double-blind" review. All the reviewers are acknowledged experts in areas they are responsible for. The Reviews are stored in the publishing house and publishing office during 5 years.

The Editorial staff sends to the submitted materials' authors the reviews' copies or a substantiated refusal. The Editorial staff of the journal sends the reviews' copies to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation by request.

«Humanities researches of the Central Russia» journal is registered in the Russian Index of Scientific Citations and submits information about the published articles to the Russian Index of Scientific Citations. The opinions expressed by the journals' authors do not necessarily reflect those of the Editorial Staff.

The journal is indexed and archived by the Russian Index of Scientific Citations.

Богуславский Михаил Викторович, главный редактор, заведующий Центром истории педагогики и образования Института стратегии развития образования РАО, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО (г. Москва, Россия).

Бурмыкина Ирина Викторовна, заместитель главного редактора, проректор по научной работе ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор кафедры управления, доктор социологических наук (г. Липецк, Россия).

Шевченко Иван Александрович, ответственный секретарь, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, кандидат исторических наук (г. Липецк, Россия).

Бабинцев Валентин Павлович, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук (г. Белгород, Россия).

Беляков Владимир Владимирович, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Военного университета МО РФ, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Габор Дьёни, научный сотрудник университета имени Лоранда Этвеша, Центр русистики, кандидат исторических наук (г. Будапешт, Венгрия).

Грот Лидия Павловна, директор консалтингово-образовательного предприятия «НОР-РКОН АБ», кандидат исторических наук (г. Лулео, Швеция).

Захаров Виктор Николаевич, заместитель директора Института российской истории РАН, профессор, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Мельникова Раиса Ильинична, ректор Воронежского института экономики и социального управления, профессор, доктор социологических наук (г. Воронеж, Россия).

Скворцова Светлана Алексеевна, профессор кафедры математики и методики ее обучения Южноукраинского национального педагогического университета имени К.Д. Ушинского, доктор педагогических наук (г. Одесса, Украина).

Федина Нина Владимировна, и.о. ректора ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доцент, кандидат педагогических наук (г. Липецк, Россия).

Mikhail V. Boguslavskiy, editor in chief, head of the Centre history of pedagogy and education of the Institute of the education development strategy of RAE, Dr. Sci (Pedagogy), professor, corresponding member of RAE (Moscow, Russia).

Irina V. Burmykina, deputy editor in chief, Dr. Sci (Sociology), professor, Chair of management, provost, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Ivan A. Shevchenko, executive editor, Ph. D. (History), docent, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Valentin P. Babintsev, Dr. Sci (Philosophy), professor, chair of social technologies, Belgorod State University (Belgorod, Russia).

Vladimir V. Belyakov, Dr. Sci (History), leading researcher of the Institute of oriental studies RAS, professor, Military University (Ministry of Defence of the RF) (Moscow, Russia).

Gabor Dëni, Ph. D. (History), researcher, Loránd Eötvös University, Russian Studies center (Budapest, Hungary).

Lydia P. Groth, Ph. D. (History), director of consulting and educational enterprise "NORR KON AB" (Lulea, Sweden).

Viktor N. Zakharov, Dr. Sci (History), professor, deputy director of the Russian History Institute (RAS) (Moscow, Russia).

Raisa I. Melnikova, Dr. Sci (Sociology), Rector of Voronezh Economics and Social Management Institute, professor (Voronezh, Russia).

Svetlana A. Skvortsova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, chair of mathematics and teaching methods, South Ukrainian national pedagogical university named after K.D. Ushynsky (Odessa, Ukraine).

Nina V. Fedina, Ph.D. (Pedagogy), acting rector of Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, docent (Lipetsk, Russia).

Вашкау Нина Эмильевна, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Волков Владимир Алексеевич, профессор Московского педагогического государственного университета; профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Данакин Николай Семенович, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова, доктор социологических наук (г. Белгород, Россия).

Долгих Аркадий Наумович, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Дюжакова Марина Вячеславовна, заведующая кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования Воронежского государственного педагогического университета, доцент, доктор педагогических наук (г. Воронеж, Россия).

Егорова Галина Ивановна, заведующая кафедрой химии и химической технологии Тюменского индустриального университета (филиал в г. Тобольске), профессор, доктор педагогических наук, член-корреспондент РАН (г. Тобольск, Россия).

Елисеев Владимир Константинович, заведующий кафедрой педагогики, психологии и специального образования, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор, доктор педагогических наук (г. Липецк, Россия).

Емельянова Елена Олеговна, профессор кафедры географии, биологии и химии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор педагогических наук (г. Липецк, Россия).

Земцов Леонид Иосифович, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Катаев Дмитрий Валентинович, доцент кафедры философии, социологии и теологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор социологических наук (г. Липецк, Россия).

Мангер Татьяна Эдуардовна, заведующая отделением допрофессионального образования Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, профессор, доктор педагогических наук (г. Тамбов, Россия).

Панин Сергей Борисович, профессор кафедры социально-экономических дисциплин Педагогического института Иркутского государственного университета, доктор исторических наук (г. Иркутск, Россия).

Патрушев Владимир Иванович, профессор Одинцовского гуманитарного университета, доктор социологических наук (г. Одинцово, Россия).

Перевезенцев Сергей Вячеславович, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Рослякова Надежда Ивановна, заведующая кафедрой дошкольной педагогики и психологии факультета педагогики, психологии и коммуникативистики Кубанского государственного университета, профессор, доктор педагогических наук (г. Краснодар, Россия).

Фомин Вячеслав Васильевич, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Черешнева Лариса Александровна, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Шмарион Юрий Васильевич, профессор кафедры философии, социологии и теологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор социологических наук (г. Липецк, Россия).

Editorial board

Nina E. Vashkau, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Vladimir A. Volkov, Dr. Sci (History), professor, Moscow State Pedagogical University, Russian Academy of painting, sculpture and architecture (Moscow, Russia).

Nikolai S. Danakin, Dr. Sci (Sociology), professor, chair of sociology and administration, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov (Belgorod, Russia).

Arkadiy N. Dolgikh, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Marina V. Dyuzhakova, Dr. Sci (Pedagogy), docent, head of pedagogy and methodology of preschool and primary education chair, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia).

Galina I. Yegorova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, head of chemistry and chemical technology chair, Tyumen industrial University (branch in Tobolsk), corresponding member of RANH (Tobolsk, Russia).

Vladimir K. Eliseev, Dr. Sci (Psychology), professor, head of pedagogy, psychology and special education chair, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Elena O. Emel'janova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, Chair of geography, biology and chemistry, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Leonid I. Zemtsov, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Dmitry V. Kataev, Dr. Sci (Sociology), docent, Chair of philosophy, sociology and theology, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Tatiana E. Munger, Dr. Sci (Pedagogy), professor, head of pre-professional education Department, Tambov State Derzhavin University (Tambov, Russia).

Sergey B. Panin, Dr. Sci (History), professor, chair of social and economic disciplines, Pedagogical Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Vladimir I. Patrushev, Dr. Sci (Sociology), professor, Odintsovo humanities University (Odintsovo, Russia).

Sergey V. Perevesentsev, Dr. Sci (History), professor, chair of the history of socio-political doctrines, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Nadezhda I. Roslyakova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, head of preschool pedagogy and psychology chair, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

Vyacheslav V. Fomin, Dr. Sci (History), professor, head of chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Larisa A. Chereshneva, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Yuri V. Shmarion, Dr. Sci (Sociology), professor, Chair of philosophy, sociology and theology, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Содержание

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ОБУЧЕНИИ

Егорова Г.И.

*Полиэтническая культура
бакалавров.....7*

Гребенникова А.А., Масляков В.В.

*Некоторые вопросы повышения
профессионализма муниципальных
служащих.....16*

ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Мокшин Г.Н.

*Е.Д. Максимов как первый исследователь
культурного народничества.....22*

Вандалковская М.Г.

*Адаптация русских ученых-эмигрантов в
научной и культурной жизни Европы
в 20–30-е гг. XX в.....29*

Сидорова Л.А.

*К вопросу о «символическом статусе»
ученого в сообществе советских истори-
ков 1920–1930-х гг.....42*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Пауль А.

*Империя франков и балтийские
славяне в эпоху каролингов.....49*

Болотова Е.Ю., Гаевская Ж.Ю.

*«За право пользования правами граждан
нашей родины...»: положение советских
граждан, вернувшихся из плена
в период и после окончания
Великой Отечественной войны
(по документам личного
происхождения).....59*

ИЗ АРХИВОВ

Тихонов Ю.Н.

*Доклад Джемаль-паши советскому нарко-
му иностранных дел
Г.В. Чичерину.....67*

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Катаев Д.В.

*Типология капитализма
в Веберовской перспективе.....85*

PEDAGOGICAL ASPECTS IN TRAINING

Egorova G.I.

Polyethnic culture of bachelors.....7

Grebennikova A.A., Maslyakov V.V.

*Some issues to improve the professionalism
of municipal employees.....16*

PROBLEMS OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Mokshin G.N.

*E.D. Maximov as the first researcher of cultural
populism.....22*

Vandalkovskaya M.G.

*The adaptation of russian emigrant scientists
in the scientific and cultural life of Europe
in the 20–30s of the xx century.....29*

Sidorova L.A.

*To the question of “symbolic status” of the
scientist in the community of soviet historians
of the 1920–1930.....42*

ACTUAL PROBLEMS OF RUSSIAN AND UNIVERSAL HISTORY

Paul A.

*Frankish empire and the baltic slavs in
the carolingian era.....49*

Bolotova E.Y., Gaevskaya Zh.Yu.

*“For the right to exercise the rights of the
citizens of our motherland ...”: the status of
the soviet citizens who returned from captivity
during and after the Great Patriotic war
(based on personal provenance
documents).....59*

FROM ARCHIVES

Tikhonov Yu. N.

*The report of Djemal Pasha mo the soviet
commissar for foreign affairs
G.V. Chicherin.....67*

HISTORY AND THEORY OF SOCIOLOGY

Kataev D.V.

*The typology of capitalism in Weberian
perspective.....85*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ОБУЧЕНИИ

УДК 377.031

ПОЛИЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА БАКАЛАВРОВ

Г.И. Егорова

*Д-р пед. наук, Тобольский индустриальный институт
(филиал Тюменского государственного индустриального университета),
egorovagi@list.ru*

В статье представлена система процесса развития полиэтнической культуры бакалавров. Обосновано сочетание целевого, когнитивного, личностного, деятельностного, оценочного компонентов, направленных на приращение системы полиэтнических знаний, умений, качеств и опыта по их приобретению, с учетом усложнения видов поисковой деятельности, на основе принципов: гуманизма, интеграции, непрерывности, преемственности, диалога культур, межпредметности. Показано, что эффективность процесса достигалась путем реализации учебно-методического комплекса (программы, содержательных модулей, комплекта средств на краеведческом материале) и педагогических условий для эффективного полиэтнического, межкультурного взаимодействия бакалавров. Обоснован краеведческий материал как элемент содержания, неотъемлемый уровень процесса развития полиэтнической культуры, средство образования личности. Раскрыты особенности средств на основе краеведческого материала, влияющих на поиск полиэтнической информации, смысла полиэтнического факта, явления с учетом содержательных вариативных и инвариантных содержательных направлений.

Ключевые слова: полиэтническая культура, полиэтническая культура как система и процесс, разноуровневые средства на основе краеведческого материала в активизации процесса и получения качественного результата.

POLYETHNIC CULTURE OF BACHELORS

G.I. Egorova

*Doctor of pedagogical sciences, Tobolsk Industrial Institute
(Tyumen State Industrial University branch), egorovagi@list.ru*

The article deals with the system development process of a multi-ethnic culture of bachelors. The author proves the combination of such components as target, cognitive, personality, activity and evaluation which are aimed at the increase of the system of multi-ethnic knowledge, skills, qualities and experience to acquire them, given the complexity of the search activity types, based on the principles: humanity, integration, continuity, the dialogue between cultures and inter-disciplinary principle. It is shown that the efficiency of the process was achieved through the implementation of educational - methodical complex (program, content modules, a set of tools to study materials) and pedagogical conditions for effective multi-ethnic, intercultural interaction. Local history material, as part of the content, an essential level of the development process-ethnic culture, a means of education of the person is

also substantiated. The peculiarities of the means on the basis of local history materials are developed that affect the search of multiethnic information, the meaning of a multiethnic fact, taking into account the effects of content of variant and invariant content areas.

Keywords: multi-ethnic culture, multi-ethnic culture as a system and a process, the means of different levels based on local history material in the intensification of the process and the production of quality results.

Развитие высшей школы невозможно без осознания огромной роли полиэтнической культуры и полиэтнического образования, самореализации педагога и обучающегося. Характерные для современного общества изменения во всех сферах жизни и деятельности человека, активное освоение поликультурных ценностей объективно требуют превращения высшей школы в институт воспроизводства и создания полиэтнической личности обучающегося. Но какие бы перемены ни происходили в высшей школе, все они обязательно касаются преподавателя вуза, педагога и ученого как носителей научного знания, культурно-исторического опыта многонационального общества. В полиэтнической культуре обучающегося и педагога проявляется социокультурный, интеллектуальный, нравственный, полиэтничный потенциал, который должен быть своевременно востребован и рационально использован.

К сожалению, имеющиеся научно-педагогические исследования, передовой педагогический опыт приводят лишь к частичным усовершенствованиям компонентов полиэтнической культуры. В своей принципиальной основе ей не уделяется достаточного внимания, она остается неизменной. Объясняется это, на наш взгляд, недостаточным осознанием и теоретической неразработанностью самой сути полиэтнической культуры обучающегося, недооценкой преобразо-

ваний в содержании, технологии и результатах учебно-воспитательного процесса в вузе.

Необходимость повышения уровня развития полиэтнической культуры обусловлено возрастающими требованиями к уровню общекультурной и специальной подготовки выпускников вузов: сменой общеобразовательных парадигм, утверждением новых ФГОС, фиксирующих ключевые требования к уровню развития общекультурных и профессиональных компетенций, с учетом перехода от массово-репродуктивных форм и методов преподавания к индивидуально-творческим; подготовкой будущих бакалавров к профессиональному, компетентному вхождению в рынок труда с прочно сформированными потребностями в постоянном профессиональном самообразовании и саморазвитии. С этой целью педагогическая подготовка преподавателей вузов, удовлетворяющая требованиям обучения, развития, воспитания обучающихся в рамках традиционной образовательной системы, оказалась сегодня малоэффективной для обеспечения действительного профессионализма и компетентности будущих специалистов. Сложившаяся ситуация в высшей школе привела к возникновению противоречия между требованиями, предъявляемыми обществом к уровню подготовки в новых социально-экономических условиях, и уровнем полиэтнической культуры обучающих-

ся. Это противоречие порождает целый комплекс проблем, связанных с определением содержания педагогической подготовки будущего педагога, выявлением возможностей и разработкой теоретических основ, условий и механизмов развития полиэтнической культуры будущего учителя.

Для разрешения этих проблем должны быть включены социокультурные, общепедагогические, лично-творческие механизмы, укрепляющие и стимулирующие педагогическую деятельность преподавателя.

Отметим, что вопросы развития полиэтнической культуры отражены во многих нормативно-правовых документах, регламентирующих деятельность образовательных учреждений. Федеральный закон Российской Федерации № 273-ФЗ от 29.12.2012 г., «Национальная доктрина образования Российской Федерации», Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России и другие документы указывают на необходимость создания условий для развития полиэтнической культуры обучающихся, как условия построения российского гражданского общества [1]. Актуальность процесса развития полиэтнической культуры подчеркивается ключевыми направлениями развития педагогического знания: кросс-культурное образование (Дж. Бэнкс), школа диалога культур (В.С. Библер), поликультурное образование (Л.Л. Супрунова), поли-культуризм в образовании (Г.М. Коджаспирова), поликультурное воспитание (А.А. Реан, А.Н. Джуринский), многокультурное образование (Г.Д. Дмитриев), сложно-культурный подход (В.А. Тишков), воспитание конвертируемого человека (В.Д. Семенов), глобальное образова-

ние (А.Ю. Коджаспиров) и многими другими.

Изучение и анализ современного состояния проблемы позволили уточнить сущностные основы понятия «полиэтническая культура» [2]. В нашем понимании полиэтническая культура – часть общей культуры личности и система взаимосвязанных компонентов: полиэтнических знаний (понятия, факты, явления межэтнического характера из науки, истории, культуры различных этносов); умений межкультурного познания; личностных качеств (позитивное отношение к этническому обществу), обеспечивающих готовность к межкультурному взаимодействию на основе толерантности, гуманности.

Учитывая многие авторские позиции [3, с. 25; 4, с. 27], мы говорим о сущностных основах процесса развития полиэтнической культуры, под которым *понимаем сложную динамическую систему количественных и качественных изменений, происходящих в деятельности обучающегося в связи с овладением им полиэтнического опыта взаимодействия с учетом возрастных, индивидуальных особенностей его психики.*

Полиэтнические знания бакалавра развиваются с учетом культурно-исторических достижений, традиций в многоэтническом мире. Система полиэтнических умений бакалавра обеспечивает адаптацию личности в полиэтническом пространстве, формирует готовность к межэтническому взаимодействию с учетом развития собственных этнических ресурсов и задают широту полиэтнического взаимодействия.

Отметим и тот факт, что развитие полиэтнической культуры мы рассматриваем как процесс взаимообогащения этнической культуры бака-

лавра, на основе краеведческого материала, принципов гуманизма, интеграции, непрерывности, преемственности, диалога культур, межпредметности. Процесс развития полиэтнической культуры – это еще и результат, который проявляется в степени развития полиэтнических знаний, умений, качеств личности обучающегося, что, на наш взгляд, обеспечивает высокий уровень полиэтничности как важного качества человека, живущего в поликультурном обществе [5].

Нами разработаны специальные средства на основе краеведческого материала, включенные учебно-методический комплекс, среди них: средства на печатной основе (*ситуативный* уровень развития полиэтнической культуры) развивают первоначальное представление о полиэтнических явлениях, фактах; средства информационно-коммуникативных технологий (презентации Power Point; интерактивные занятия, Web весты), позволяющие визуализировать, осуществлять поиск полиэтнической информации, смысла полиэтнического факта, явления с учетом содержательных направлений (*продуктивный* уровень); система поисковых заданий, проектов исследовательского характера, технологий (*продуктивный* уровень) развития полиэтнической культуры.

Отработанные и закреплённые полиэтнические умения, знания развиваются по спирали на основе операций анализа, синтеза, сравнения, обобщения по поиску, закреплению полиэтнической информации и положены в основу различного уровня развития. Ситуативный уровень связан с выполнением элементарно-поисковых заданий по отработке по-

лиэтнической информации: поставьте вопрос, составьте карту по образцу; узнайте...; перескажите...; воспроизведите... и т.д. Здесь мы использовали средства на печатной основе: тексты, таблицы, именные, информационные карты краеведческого содержания.

На допустимом уровне использовали средства информационно-коммуникативных технологий (презентации Power Point, интерактивные занятия, тренинги на основе краеведческого материала). При этом бакалавры были ориентированы на осознание структуры изучаемого материала (составление плана ответа, проведение доказательств, осознание полиэтнических фактов, явлений, установление сходства и различия полиэтнических объектов, отнесение личного и общественного, единичного и многозначного, нахождение общего и т.д.).

Продуктивный уровень связан с выполнением проблемно-поискового задания (оцените результат; докажите верность выводов; придумайте способы предоставления полиэтнической информации и т.д.). Здесь мы использовали элективные курсы, игровые технологии, исследовательские проекты. Использование знаний из разных областей, нахождение дополнительных источников для сравнения, самостоятельное распределение объектов и их свойств, организация поисковой деятельности, рассмотрение объектов, явлений с различных точек зрения помогают выявить полиэтнические закономерности.

Качественные изменения в развитии полиэтнических умений бакалавров определяются сложностью поисковой деятельности по формирова-

нию нового знания. В рамках реализации ФГОС нового поколения нами проведено сопоставления компонентов полиэтнической культуры и общекультурных и профессиональных компетенций.

Существенным моментом является обоснование процесса развития полиэтнической культуры с позиции совокупности подходов (культурологического, полиэтнического, системно-деятельностного, регионального, этнического), которые методологически обеспечивают встраивание процесса в образовательную деятельность учреждения. Руководством к действию является совокупность вытекающих принципов: (*преемственности* – выявление связей между всеми участниками процесса); *непрерывности* – развитие полиэтнической культуры по вертикали и горизонтали образовательного процесса); *гуманизма* – признание каждого субъекта неповторимой личностью с этнических возможностей); *региональности* – соотнесение процесса с реальным жизненным пространством региона); *диалога культур* – понимание представителей различных народностей, межнациональное сотрудничество); *межпредметных связей* [2].

Для развития полиэтнической культуры имеет значение и отбор *содержания* с учетом принципов: научности, доступности, систематичности, но при этом мы дополняем их, усиливая вариатив и инвариант содержания краеведческим материалом [5]. *Культурологическое направление* повышает интерес бакалавров к региональным фактам, усиливает полиэтническую функцию знания (культура этносов и глобальные проблемы современности, роль культуры этноса в

культуре наций и региональной культуре, в развитии региона). *Историческое направление* создает целостное представление об истории, роли края и величайших представителях региона в истории человечества (исторические национальные персоналии региона в науке, первооткрыватели земли Сибирской, многонациональные стройки). *Эколого-географическое направление* раскрывает условия проживания этносов при быстрой смене технологий); *социально-экономическое направление* показывает роль различных этносов в освоении природных ресурсов, стратегии устойчивого развития многонационального региона. Освоение содержательных модулей обеспечивает понимание, накопление, проявление полиэтнических знаний, умений, осознание их значимости для личности, межэтническое взаимодействие – *когнитивный компонент* процесса.

Деятельностный компонент рассматривался с двух позиций: деятельности педагога и деятельности обучающегося. Деятельность педагога заключается в разработке и использовании краеведческого материала, соответствующих содержанию направлений, организации деятельности бакалавров по составлению, применению, контролю усвоения информации с использованием краеведческого материала; консультировании, получении обратной связи. Деятельность бакалавров: восприятие и осмысление информации, сопровождаемое работой с краеведческим материалом: средствами на печатной основе; ИК технологиями; программами, элективными курсами; через сбор, обобщение, анализ краеведческого материала, выделение

структурных единиц, установление связей; выполнение поисковых заданий, презентаций. Деятельностный компонент определялся внедрением в образовательную практику мероприятий дополнительного характера, научно-исследовательскими, проектными работами (рефератами, научными статьями, конкурсами научных работ и т.д.).

Личностный компонент процесса развития полиэтнической культуры связан с проявлением интереса к межэтническому взаимодействию, развитием полиэтнических качеств, коммуникативности, бесконфликтности, межнациональной идентичности, толерантности, что составляет основу общекультурных компетенций, является значимым не только с позиции нашего исследования, но и с позиции выполнения требований реализации ФГОС нового поколения.

Оценочный компонент позволяет провести оценку развития компонентов процесса развития полиэтнической культуры по следующим показателям: тесты, контрольные, продуктивность научно-исследовательской, проектной деятельности, портфолио достижений на основе использования краеведческого материала.

На формирующем этапе в ходе реализации модели процесса развития полиэтнической культуры отмечали изменения в полиэтнических знаниях, умениях. Контрольные работы включали предметные задания и знания по содержательным модулям на основе краеведческого материала. По результатам контрольной работы в каждой группе определяли средние значения конечных знаний (Кэ и Кк), рассчитывали средний для обоих видов групп показатель прироста полиэтнических знаний (ПЗ) за первый год обучения с введением экспериментального фактора. Средний прирост полиэтнических знаний (ПЗ) для контрольных групп эксперимента составил $ПЗ_k = 3,24\%$, для экспериментальной группы – $ПЗ_э = 7,47\%$. Эффективность методической системы на начальном этапе ее реализации оценивалась по разности среднего прироста полиэтнических знаний ($ПЗ_{ср}$) для экспериментальных и контрольных групп: $ПЗ_{ср} = Д_э - Д_k = 7,47 - 3,24 = 4,23\%$. Динамика уровней прироста когнитивного критерия на основе использования краеведческого материала (полиэтнические знания) представлена на рисунке 1.

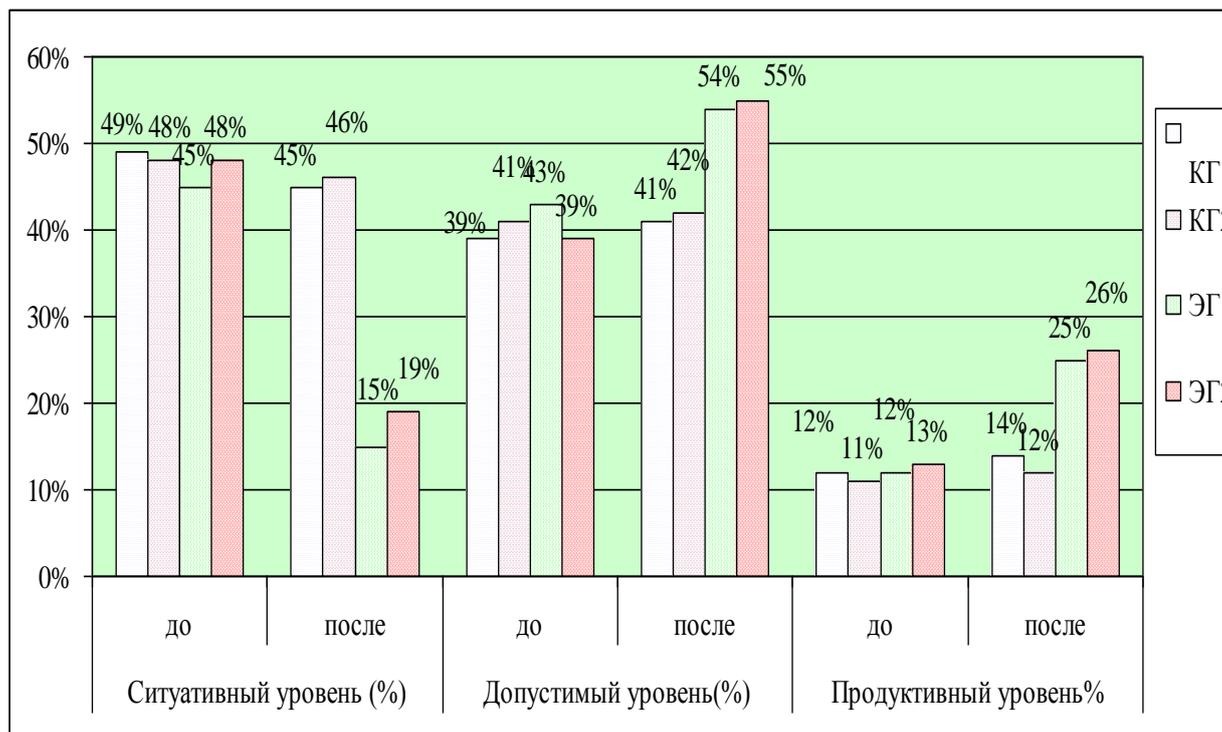

Рисунок 1. Динамика уровней прироста полиэтнических знаний на основе использования краеведческого материала (когнитивный критерий процесса)

Если на первом этапе ситуативный уровень полиэтнических умений демонстрировали в группе КГ₁ 49% обучающихся контрольной группы, допустимый – 39%, продуктивный – 12%, то на завершающем этапе в этой же группе зафиксированы следующие результаты: ситуативный уровень показали 45%, допустимый – 46%, продуктивный – 14% бакалавров. Увеличение по продуктивному уровню составило 2% студентов. В экспериментальных группах прирост полиэтнических умений на продуктивном уровне составил 13%. Поли-

этнические умения (межкультурная коммуникация), освоение полиэтнической информации на основе анализа, синтеза, сравнения, обобщения материала (общеучебные, логические умения), межэтническое взаимодействие (личностные качества), коррекция, рефлексия, выработка гуманного отношения, чувства гордости к человеку другой национальности, толерантность (личностные качества) бакалавров по этапам реализации модели имели высокие показатели на третьем этапе (рисунок 2).

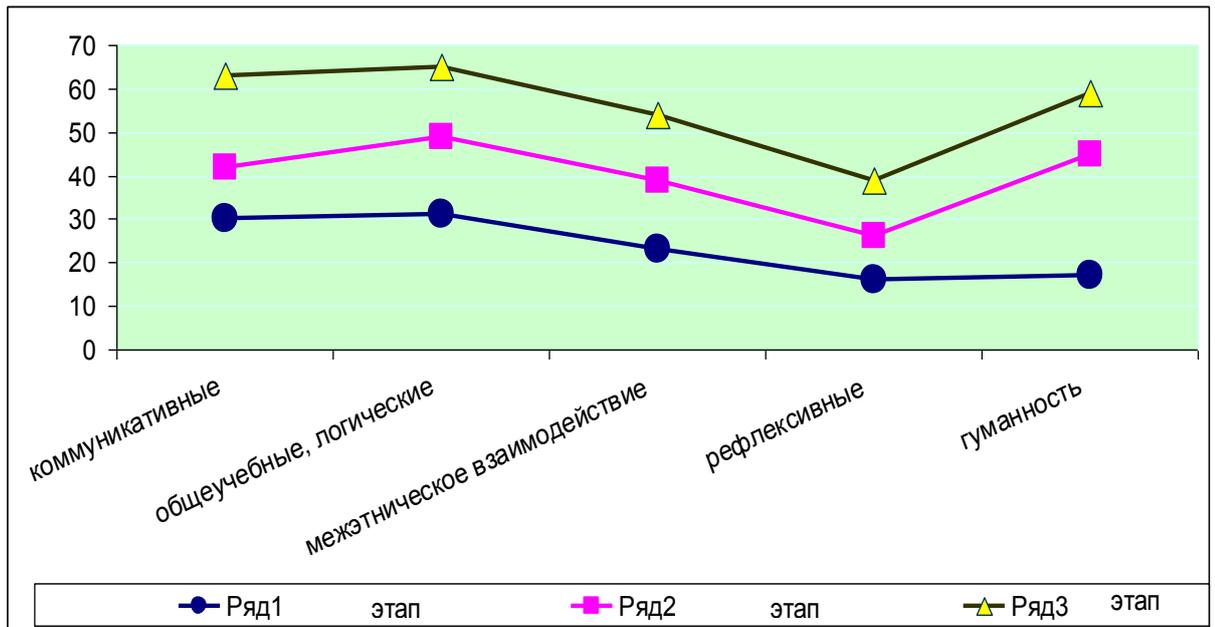

Рисунок 2. Средняя выраженность полиэтнических умений по этапам реализации модели

Изменения личностного компонента процесса развития полиэтнической культуры отмечены следующие. При одинаковых стартовых результатах в экспериментальной группе в конце

эксперимента ситуативный уровень показали 18%, допустимый – от 55%, продуктивный – 27% бакалавров. При этом отмечали прирост полиэтнических качеств (рисунок 3).

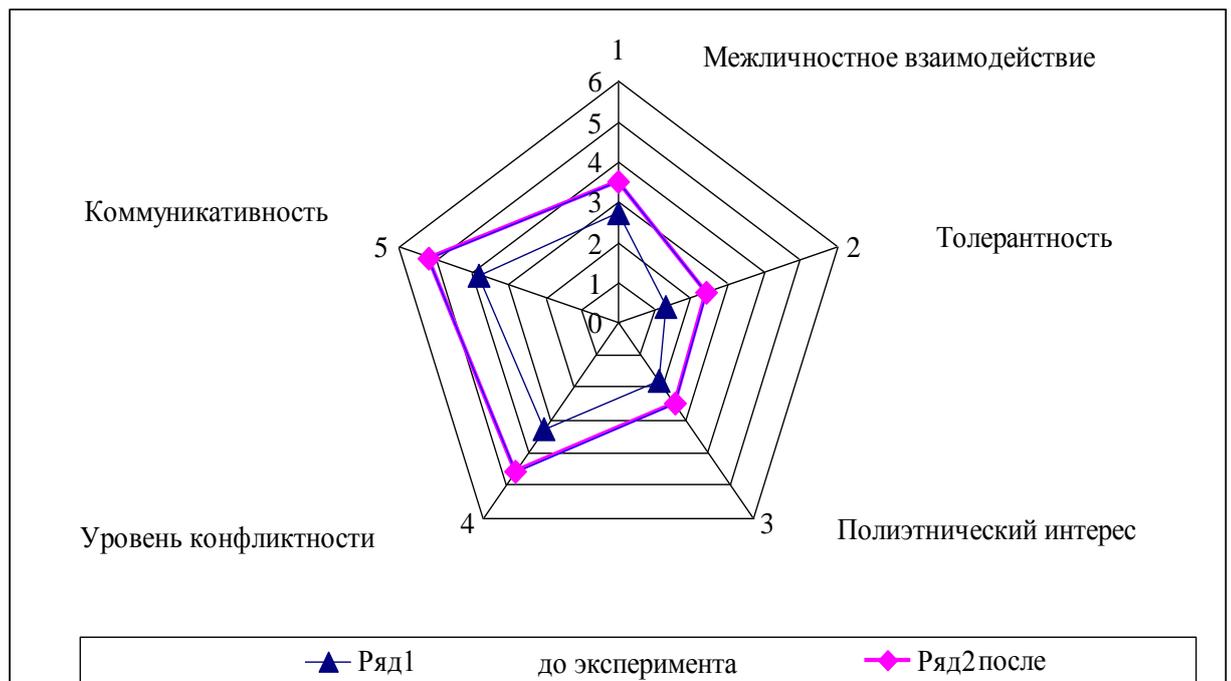

Рисунок 3. Лепестковая диаграмма динамики личностного компонента процесса развития полиэтнической культуры

Анализ результатов опытно-экспериментальной работы по всем отборочным критериям (деятельностному, когнитивному, личностному) показал, что качественная успеваемость, общая успеваемость, накопительный рейтинг были выше в экспериментальных группах, где осуществлялось внедрение модели процесса развития полиэтнической культуры.

Достоверность различий результатов, полученных в ходе эксперимента, определялась с помощью критерия Фишера для уровня значимости 0,05.

Анализ статистических данных показал $F_{\text{крит}} > F_{\text{эмп}}$ (3,44 > 1,92; 3,44 > 1,42; 3,44 > 1,18) для всех уровней развития полиэтнических умений, что доказывает отличие в развитии полиэтнических умений обучающихся экспериментальных и контрольных групп. Полученные в результате констатирующего и обучающего эксперимента данные позволяют сделать вывод об эффективности предлагаемой модели процесса развития полиэтнической культуры средствами краеведческого материала.

Список литературы

1. **Егорова Г.И.** Сущностные основы полиэтнической культуры современной образовательной системы // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2013. – № 2 (37). – С. 92-94.
2. **Егорова Г.И.** Формирование полиэтнической культуры как основа социализации обучающихся в современных условиях // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 5. [Электронный ресурс]. URL: www.science-education.ru/120-16863
3. **Заббарова М.Г.** Формирование полиэтнической культуры подростков в процессе усвоения традиций народов Поволжья: автореф. дис... канд. пед. н. – Ульяновск, 2014. – 24 с.
4. **Карпушина Л.П.** Этнокультурный подход как фактор социализации учащихся общеобразовательных учреждений: автореф. дис... д. пед. н. – Саранск, 2012. – 41 с.
5. **Сязи Н.М.** Теория полиэтнической культуры: содержание и сущность // Преподавание истории в школе. – 2015. – № 4. – С. 44-48.

The list of references

1. **Egorova G.I.** Sushchnostnye osnovy poliehtnicheskoj kul'tury sovremennoj obrazovatel'noj sistemy // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologiya. EHkonomika. Politika. – 2013. – № 2 (37). – S. 92-94.
2. **Egorova G.I.** Formirovanie poliehtnicheskoj kul'tury kak osnova socializacii obu-chayushchihsya v sovremennyh usloviyah // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2015. – № 5. – [EHlektronnyj resurs]. URL: www.science-education.ru/120-16863
3. **Zabbarova M.G.** Formirovanie poliehtnicheskoj kul'tury podrostkov v processe usvoeniya tradicij narodov Povolzh'ya: avtoref. dis... kand. ped. n. – Ul'yanovsk, 2014. – 24 s.
4. **Karpushina L.P.** EHtnokul'turnyj podhod kak faktor socializacii uchashchihsya obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij: avtoref. dis... d. ped. n. – Saransk, 2012. – 41 s.
5. **Syazi N.M.** Teoriya poliehtnicheskoj kul'tury: sodержanie i sushchnost' // Prepodavanie istorii v shkole. – 2015. – № 4. – S. 44-48.

УДК 34

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

А.А. Гребенникова

*Канд. ист. наук, Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина РАНХиГС*

В.В. Масляков

*Д-р мед. наук, Саратовский медицинский университет «Реавиз»,
maslyakov@inbox.ru*

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся повышения профессионализма муниципальных служащих, представлена законодательная база и типовые квалификационные требования, предъявляемые к уровню профессионального образования и стажу граждан, претендующих на должности муниципальных служащих, а также мероприятия, направленные на повышение профессионального уровня таких служащих.

Ключевые слова: профессионализм, муниципальные служащие.

SOME ISSUES TO IMPROVE THE PROFESSIONALISM OF MUNICIPAL EMPLOYEES

A.A. Grebennikova

*Ph.D., Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin (the branch
of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)*

V.V. Maslyakov

*Doctor of Medical Sciences, Saratov Medical University "Reaviz",
maslyakov@inbox.ru*

The article deals with the issues concerning enhancing the professionalism of municipal employees, represented by the legal framework and standard qualification requirements to the level of professional education and experience of citizens applying for the position of municipal employees, as well as measures aimed at increasing the professional level of employees.

Key words: professionalism, municipal employees.

Профессионализм занимает особое место в деятельности муниципальных служащих. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. №25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» закрепляет профессионализм и компетентность муниципальных служащих в качестве основных принципов муниципальной службы [1, ст. 4].

С учетом динамичного развития общества, внедрения новых управленческих технологий, проведения административной и муниципальной реформ, а также реформирования муниципальной службы в Российской Федерации необходимо совершенствовать систему профессионального развития муниципальных служащих.

Разные исследователи по-разному определяют понятие термина «про-

фессионализм». Сегодня наиболее распространено определение профессионализма как высшего уровня психофизических, психических и личностных изменений, происходящих в процессе длительного выполнения служебных обязанностей, обеспечивающих качественно новый, более эффективный уровень решения сложных профессиональных задач в особых условиях [2, с. 501].

В контексте определения профессионализма муниципальных служащих возникают еще два аспекта, встречающихся в законодательстве о местном самоуправлении и муниципальной службе, - «компетентность» и «квалифицированность» [3, с. 16].

Под компетентностью следует понимать широкий круг компетенций как общекультурных, так и профессиональных, которые предъявляются к образованию, поведению, внешнему и моральному облику муниципальных служащих. Компетентность не следует путать с компетенцией, под которой понимается совокупность юридически закрепленных полномочий по предметам ведения, предоставленных муниципальным служащим для осуществления своих функций [4, с. 17].

Квалифицированность можно определить как соответствие муниципальных служащих квалификационным требованиям, необходимым для занятия конкретных должностей муниципальной службы. Такие требования, как правило, предъявляются к образованию, стажу (причем как к общему стажу работы, так и стажу по специальности), повышению квалификации, прохождению аттестации муниципальных служащих.

Соответственно, профессионализм муниципальных служащих представ-

ляет собой не только соответствие муниципальных служащих квалификационным требованиям, закрепленным в российском законодательстве о муниципальной службе, но и наличие у муниципальных служащих общекультурных и профессиональных компетенций, отраженных в должностных регламентах.

Одним из основных способов повышения профессиональных качеств и компетенций муниципальных служащих является повышение квалификации, подготовка, переподготовка и стажировка.

Большую роль в развитии профессионализма муниципальных служащих играет управленческая культура на муниципальной службе. Именно управленческая культура как совокупность знаний, ценностей, норм, иерархий, стереотипов, образцов и моделей поведения определяет характер взаимоотношений на муниципальной службе и специфику управленческой деятельности, а также поведение муниципальных служащих.

Поддержанию должного уровня управленческой культуры способствует принятие этических кодексов на муниципальной службе. Решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции 23 декабря 2010 года был одобрен Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. Данный кодекс включает в себя перечень общих принципов, предъявляемых к профессиональной деятельности, и основных правил служебного поведения. В соответствии с типовым кодексом в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях принимаются

этические кодексы, призванные повысить правовую и моральную ответственность служащих [4, ст. 1].

В процессе прохождения муниципальной службы муниципальным служащим присваиваются квалификационные разряды, которые указывают на соответствие уровня профессиональной подготовки квалификационным требованиям в соответствии с классификацией муниципальных должностей муниципальной службы согласно реестру.

Реестр должностей муниципальной службы представляет собой перечень наименований должностей муниципальной службы, классифицированных по органам местного самоуправления, избирательным комиссиям муниципальных образований, группам и функциональным признакам должностей, определяемым с учетом исторических и иных местных традиций.

Как правило, законы субъектов Российской Федерации о муниципальной службе в перечень квалификационных требований включают требования к уровню профессионального образования с учетом группы и специализации муниципальных должностей муниципальной службы, к стажу и опыту работы по специальности, к уровню знаний федерального и регионального законодательства, а также муниципальных правовых актов, необходимых для исполнения соответствующих должностных обязанностей.

Так, Закон Саратовской области 25 июля 2007 года «О некоторых вопросах муниципальной службы в Саратовской области» устанавливает:

1. Типовые квалификационные требования, предъявляемые к уровню профессионального образования:

1) к высшим, главным и ведущим должностям муниципальной службы – наличие высшего профессионального образования;

2) к старшим и младшим должностям муниципальной службы – наличие среднего профессионального образования, соответствующего направлению деятельности.

2. Типовые квалификационные требования, предъявляемые к стажу муниципальной службы или стажу работы по специальности для граждан, претендующих на должности муниципальной службы:

1) для высших должностей муниципальной службы – наличие не менее шести лет стажа муниципальной службы или не менее семи лет стажа работы по специальности;

2) для главных должностей муниципальной службы – наличие не менее четырех лет стажа муниципальной службы или не менее пяти лет стажа работы по специальности;

3) для ведущих должностей муниципальной службы – наличие не менее двух лет стажа муниципальной службы или не менее четырех лет стажа работы по специальности;

4) для старших и младших должностей муниципальной службы – без предъявления требований к стажу [6, ст. 3].

Для лиц, имеющих дипломы специалиста или магистра с отличием, в течение трех лет со дня выдачи диплома устанавливаются типовые квалификационные требования к стажу муниципальной службы или стажу работы по специальности для замещения ведущих должностей муниципальной службы – не менее одного года стажа муниципальной

службы (государственной службы) или стажа работы по специальности.

Типовые квалификационные требования предъявляются также к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей муниципальными служащими в органах местного самоуправления.

Поддержание высокого уровня квалификации, необходимого для надлежащего исполнения должностных обязанностей муниципальными служащими, входит в число основных законодательно закрепленных требований. Вместе с тем данный принцип зависит от собственного решения муниципального служащего о повышении профессионального уровня.

Повышение профессионализма муниципальных служащих должно осуществляться непрерывно, в течение всего прохождения муниципальной службы, в форме повышения квалификации, получения дополнительного профессионального образования и стажировок. Следовательно, повышение профессионализма муниципальных служащих должно осуществляться на основе специального федерального закона, который сегодня отсутствует.

В настоящее время основаниями для направления муниципального служащего на профессиональную переподготовку или повышение квалификации являются только: назначение муниципального служащего на новую должность, включение муниципального служащего в кадровый резерв, итоги аттестации муниципального служащего. В результате профессиональной переподготовки муниципальному служащему может быть присвоена дополнительная квалификация. Таким образом, повыше-

ние профессионализма является возможностью муниципального служащего продвинуться по служебной лестнице.

Сегодня основными формами повышения квалификации муниципальных служащих являются:

1) программы краткосрочного обучения по конкретным вопросам служебной деятельности (по месту работы);

2) программы среднесрочного обучения в образовательных учреждениях по профилю служебной деятельности;

3) программы длительного обучения в образовательных учреждениях в целях углубленного изучения вопросов по профилю служебной деятельности;

4) стажировка в органах местного самоуправления другого муниципального образования.

Основными направлениями профессионального обучения и повышения квалификации муниципальных служащих являются:

- первичное обучение в соответствии со спецификой служебной деятельности;

- обучение для ликвидации разрыва между требованиями муниципальной должности и личными качествами муниципального служащего;

- обучение для повышения общей квалификации муниципального служащего;

- обучение для работы по новым направлениям развития муниципального образования;

- обучение для усвоения новых форм, приемов, методов, инструментов и технологий выполнения операций в процессе служебной деятельности.

В настоящее время к организации процесса повышения профессиона-

лизма муниципальных служащих имеется целый ряд вопросов:

Во-первых, неразработанным вопросом при рассмотрении квалификационных требований к должностям муниципальной службы является признание профессионального образования равноценным требуемому образованию. Нет однозначного ответа на вопросы: какое образование, по каким специальностям при оценке квалификационного уровня можно отнести к равноценному образованию. Данный вопрос должен быть решен на законодательном уровне.

Во-вторых, для гарантированного финансирования на основе долгосрочного планирования курсов повышения профессионализма муниципальных служащих необходимо широко внедрять программно-целевые методы управления. Кроме того, единая программа повышения профессионализма муниципальных служащих даст возможность скоординировать деятельность исполнителей, подойти к решению проблемы комплексно, обеспечить необходимые последовательность и системность реализации программных мероприятий. Программа повышения профессионализма муниципальных служащих призвана способствовать формированию у них необходимых профессиональных компетенций, знаний, умений и навыков, позволяющих эффективно исполнять должностные обязанности.

В-третьих, в целях повышения эффективности реализации программ повышения профессионализма муниципальных служащих также следует внедрять новые образовательные технологии, планировать в учебном процессе такие формы профессио-

нального развития, как научно-практические семинары, выездные занятия, организационно-деловые игры, тренинги, коучинги, кейсы, мастер-классы, фокус-группы и т.п.

При реализации программ повышения профессионализма муниципальных служащих необходимо отходить от традиционного информационного образования и применять проектные, модульные, групповые и игровые технологии, а также технологии мастерских и интегрированного обучения. Учебный процесс подготовки муниципальных служащих не должен сводиться к трансляции учебной информации, а должен быть направлен на освоение профессиональных компетенций.

В-четвертых, органы местного самоуправления должны принимать более активное участие в контроле качества исполнения программ повышения профессионализма муниципальных служащих.

В условиях проведения реформ возрастает потребность общества в хорошо подготовленных, высококвалифицированных кадрах, специалистах нового поколения, способных решать инновационные задачи. Для этого необходим широкий спектр знаний, профессиональных умений и навыков, психологическая готовность к работе в современных условиях и мотивация их достижений.

Важной составляющей процесса реформирования муниципальной службы является повышение уровня профессионализма муниципальных служащих путем совершенствования нормативно-правовой базы и развития социальных институтов, осуществляющих культурно-нравственное просвещение и образование.

Список литературы

- 1. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. №25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»** // Российская газета. – 2007. – 4 марта.
- 2. Охотский Е.В.** Теория и механизмы современного государственного управления: учебно-методический комплекс. – М.: Юрайт, 2013. – 671 с.
- 3. Наумов С.Ю., Сергушко С.В., Подсумкова А.А.** Теория государственного и муниципального управления. – М.: Форум, 2011. – 320 с.
- 4. Подсумкова А.А.** Муниципальное управление: словарь-справочник. – Саратов: ПАГС, 2008.
- 5. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих** / одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 года (протокол N 21) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420254359> (дата обращения: 20.02.2017).
- 6. Закон Саратовской области 25 июля 2007 года «О некоторых вопросах муниципальной службы в Саратовской области»** [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/933010104> (дата обращения: 20.02.2017).

The list of references

- 1. Federal'nyj zakon ot 2 marta 2007 g. №25-FZ «O municipal'noj sluzhbe v Rossijskoj Federacii»** // Rossijskaya gazeta. – 2007. – 4 marta.
- 2. Ohotskij E.V.** Teoriya i mekhanizmy sovremennogo gosudarstvennogo upravleniya: uchebno-metodicheskij kompleks. – M.: YUrajt, 2013. – 671 s.
- 3. Naumov S.YU., Sergushko S.V., Podsumkova A.A.** Teoriya gosudarstvennogo i municipal'-nogo upravleniya. – M.: Forum, 2011. – 320 s.
- 4. Podsumkova A.A.** Municipal'noe upravlenie: slovar'-spravochnik. – Saratov: PAGS, 2008.
- 5. Tipovoj kodeks ehniki i sluzhebnogo povedeniya gosudarstvennyh sluzhashchih Rossijskoj Federacii i municipal'nyh sluzhashchih** / odobren resheniem prezidiuma Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po protivodejstviyu korrupcii ot 23 dekabrya 2010 goda (protokol N 21) [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420254359> (data obrashcheniya: 20.02.2017).
- 6. Zakon Saratovskoj oblasti 25 iyulya 2007 goda «O nekotoryh voprosah municipal'noj sluzhby v Saratovskoj oblasti»** [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/933010104> (data obrashcheniya: 20.02.2017).

ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 430/1(470)

Е.Д. МАКСИМОВ КАК ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КУЛЬТУРНОГО НАРОДНИЧЕСТВА

Г.Н. Мокшин

Д-р ист. наук, Воронежский государственный университет, mok410@mail.ru

Статья посвящена некоторым аспектам творчества Е.Д. Максимова – экономиста, публициста и общественного деятеля России второй половины XIX – начала XX века. Часть своего творчества Максимов – представитель легально-народнического направления – посвятил изучению истории так называемого «культурного народничества». На основе анализа трудов Максимова (Слобожанина), его писем делается вывод о том, что культурное народничество возникло в 1860-х годах одновременно с революционным направлением, его идеологом можно считать П.Л. Лаврова. В начале XX века Максимов сам становится во главе данного направления, однако на сегодняшний день имя ученого незаслуженно забыто.

Ключевые слова: Е.Д. Максимов, Слобожанин, культурное народничество, легальное народничество.

E.D. MAXIMOV AS THE FIRST RESEARCHER OF CULTURAL POPULISM

G.N. Mokshin

Doctor of Historical Sciences, Voronezh State University, mok410@mail.ru

The article is devoted to some aspects of the legacy of E.D. Maximov – an economist, publicist and public figure of Russia in the second half of XIX – the beginning of XX century. Part of his work Maximov - a representative of the legal-populist direction - dedicated to the study of the history of the so-called "cultural populism." Based on the analysis of the works by Maximov (Slobozhanin), his letters, it is concluded that "cultural populism" emerged in the 1860s, together with the revolutionary direction, and P.L. Lavrov can be considered to be its ideologue. At the beginning of the XX century Maksimov became the head of this direction, but today his name is undeservedly forgotten.

Keywords: E.D. Maksimov, Slobozhanin, cultural populism, legal populism.

Евгений Дмитриевич Максимов (1858–1927) – экономист, статистик, публицист и общественный деятель легально-народнического направления. Больше всего он известен как один из идеологов и организаторов

кооперативного движения начала XX в. и видный русский ученый [2, с. 17]. В данной публикации мы постараемся приоткрыть еще одну страницу его творческой биографии, связанную с изучением истории так на-

зываемого «культурного народничества». Максимов – человек с не совсем обычной для народника судьбой. Он происходил из дворян Курской губернии. В 1870-е гг. учился в Полтавской гимназии и Московском техническом училище. Тогда же сближается с народниками. В 1879–1883 гг. Максимов работает сельским учителем в родном Суджанском уезде, затем становится гласным местного земства.

В конце 1880-х гг. он уезжает во Владикавказ, где в качестве секретаря Терского областного статистического комитета изучает экономический быт народов Северного Кавказа. С 1892 г. Максимов живет в Петербурге. Служит начальником благотворительного отделения Хозяйственного департамента МВД, управляющим делами Комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах и на др. ответственных постах. В 1905 г. он выходит в отставку, дослужившись до действительного статского советника. Со второй половины 1900-х гг. Максимов – один из лидеров кооперативного движения. После февраля 1917 г. – на преподавательской работе в Петроградском кооперативном институте, позднее – в ЛГУ [18, с. 453-454].

Литературная деятельность Максимова начинается в 1881 г. со статей по проблемам сельского кредита. В начале 1890-х гг. он сближается с народниками-культурниками С.Н. Кривенко и В.П. Воронцовым. Сотрудничает в издаваемых ими «Русском богатстве», «Новом слове», «Сыне отечества», публикуя статьи по проблемам земского самоуправления, народного образования и кооперации [18, с. 453]. Особенно тесные отношения сложились у Максимова с Кривенко, который

воплощал лучшие, с его точки зрения, качества борца за народное дело: это бескорыстная преданность интересам народа, отзывчивость на всякое горе и личное, и общественное и, наконец, деятельное участие в реализации народнических идеалов. Не случайно именно Максимов стал первым биографом этого главного теоретика культурного народничества 1890-х гг.

Сразу после смерти товарища в июне 1906 г. Максимов почтил его память небольшой заметкой, характеризующей Кривенко как одного из «последних могикан народничества». Максимов выражал надежду, что история литературы не забудет имени этого «замечательного журнального работника» и «кристально чистого человека» и оценит его вклад в дело осуществления вековых чаяний русского народа [10]. Однако появление статьи С.Н. Южакова и ряда других некрологов, по мнению Максимова, грубо искажающих содержание и смысл деятельности Кривенко как представителя «культурного» народничества [19], заставило его обратиться к более подробному изучению жизненного пути почившего литератора. Общий замысел данной работы изложен в письме к А.Н. Куропаткину в октябре 1906 г.: «Из С.Н. Кривенко не выработалось крупного писателя, но он и не был мелкой сошкой в литературе, а русская журналистика обязана ему кое-чем весьма серьезно. Главное же в высоких душевных качествах его, в его жизни и деятельности ярко и определенно отразилось одно из тех направлений русской литературы и мысли вообще, которые составляют в истории важную и почетную страницу. В этих именно видах я и пишу его биографию» [15, д. 27, л. 2].

В поисках необходимых сведений Максимов обращается к личному архиву Кривенко, изучает его статьи, переписку с Г.И. Успенским, Н.К. Михайловским, Н.В. Шелгуновым, собирает воспоминания родственников (его второй жены С.Е. Усовой, братьев Александра и Ивана Кривенковых) и ближайших сподвижников по литературной и общественной деятельности. Широко используются и собственные впечатления о Кривенко, с которым он часто общался последние 12 лет¹. В 1908 и 1910 г. Максимов публикует два больших очерка. В первом рассматриваются детские и юношеские годы будущего публициста, начало его практической культурнической деятельности в борисоглебском кружке народников и кавказской земледельческой колонии 70-х гг. XIX в. На фоне господствующих в обществе идей и настроений исследуется формирование взглядов Кривенко и отличительные черты усвоенной и разрабатываемой им в дальнейшем народнической доктрины. Второй очерк был посвящен сотрудничеству Кривенко в «Отечественных записках» и, в частности, вопросу о его взаимоотношениях с Г.З. Елисеевым и М.Е. Салтыковым-Щедриним [5]. Смысл обеих работ выражался их названием. Это попытка установить связь деятельности Кривенко с прогрессивными идейными течениями 1860–1870-х годов, доказать, что разрабатываемые им программа и тактика не имеют ничего общего ни с толстовством, ни с теорией «малых дел» Я.В. Абрамова, как это утверждали бывшие оппоненты Кривенко из редакции «Русского богатства».

¹ Большая часть собранных Е.Д. Максимовым материалов хранится в его личном фонде в РОНБ (Ф. 1029. 121 ед. хр.)

По убеждению Максимова, Кривенко являлся выразителем так называемого «созидательного» (или морально-экономического) направления в народничестве. Его сторонники не отрицали необходимости для России радикальных социально-политических и экономических преобразований. В то же время подчеркивалось, что для их успеха требуются соответствующие материальные предпосылки в виде определенного уровня благосостояния населения и бытовых учреждений, основанных на новых экономических принципах, а главное – люди, подготовленные (насколько это возможно при существующих условиях) к восприятию иной, более высокой культуры человеческого общежития. Вот почему деятельность Кривенко «обнимала всю жизнь, использовала все силы страны» (с правительством и интеллигенцией во главе) и рассчитывалась на целую эпоху до тех пор, пока народ не будет готов сам из своей среды произвести коренное общественное переустройство [11, с. 283, 293, 294].

В конечном счете, это была «творческая переработка всего практически значимого в народничестве», включая «ортодоксальное» народничество В.П. Воронцова, «критическое» Н.К. Михайловского и «государственное» И.И. Каблицы, с целью выявления конкретных путей к осуществлению народных идеалов (или, по крайней мере, их части) в условиях русской действительности того времени. Недаром так много внимания уделено в очерках работам Кривенко о физическом труде, народных артелях, о развитии в стране кооперативного движения и их роли в воспитании нового человека и постепенном (эволюцион-

ном) устранении негативных сторон существующего порядка.

Максимов внес самый большой вклад в изучение Кривенко как писателя и человека. Вместе с тем созданный им образ деятеля народнического движения не во всем может быть признан историческим. Кривенко у него, скорее, напоминает «икону, сорвавшуюся со стены» (как когда-то в шутку называл его Михайловский), а не реального человека со своими слабостями, ошибками и заблуждениями. Впрочем, Максимов и не собирался сознательно делать из него героя или праведника. Все объясняется тем, что, представляя Кривенко в качестве одного из творцов пути к общечеловеческому счастью, Максимов, по сути дела, использует его народническое прошлое для пропаганды собственной культурнической программы. Это быстро заметила критика: «Скучный очерк Слобожанина (литературный псевдоним Е.Д. Максимова. – Г.М.) о сотрудничестве... "Отечественных записок" С.Н. Кривенко, – пишет А.С. Изгоев, – кажется еще скучнее. Две-три характерные черточки из жизни интеллигентного и мелкопоместного "кающегося дворянина" 70-х годов тонут в море философско-социалистической воды, на которую не поскупился г. Слобожанин» [1].

И все же приходится только сожалеть, что работа Максимова над биографией Кривенко ограничилась рубежом 80–90-х гг. XIX в. Закончить задуманную им книгу помешала литературная душеприказчица писателя С.Е. Усова. Не согласная с тем, как свободно трактовалось положение ее мужа в литературе, она изъяла у Максимова предоставленные ему

ранее материалы, намекнув, что опровергать инсинуации против Кривенко и изгладить дурное впечатление о нем можно только человеку с талантом, а иначе не стоит и браться за это дело. Максиму оставалось лишь сетовать на недостаточную чуткость к нему – «единственному писателю, взявшему на себя выяснить литературное и общественное значение забытого деятеля, сыгравшего, по его мнению (тоже пока единственному), историческую роль» [16, д. 30, л. 3.]. В конце 1909 г. Максимов опубликовал в первом номере своего нового журнала «Жизнь для всех» статью «К вопросу о культурной работе в ее историческом развитии». И хотя большая часть очерка была посвящена тому же Кривенко, изложенная в нем история «культурного» народничества позволяет говорить о Максимове как о его первом исследователе.

Попытаемся реконструировать основные положения его концепции возникновения и эволюции культурно-народнического направления. Начнем с термина «культурное народничество». Впервые он встречается в 1906 г. в некрологах С.Н. Кривенко. Интересно, что первым его употребил не Максимов, а И. Корсаков, причем в негативном смысле, как синоним того «микроскопического социального прожектерства», которое характеризовало «ненавистные» 1880-е гг. [3]. Сам термин «культурное народничество» (производное от «культурной работы», к которой призвали интеллигенцию его представители), впоследствии будет подхвачен историками как лучше всего отражающий суть данного направления [12]. Но в начале XX в. Максимов, по понятной причине, использует его только один раз [9] и в своих

статьях о Кривенко будет говорить не о «культурном», а о «созидательном» народничестве.

Зарождение движения в пользу развития и распространения «культурной работы» Е.Д. Максимов относит к 1860-м гг., связывая его с началом эпохи Великих реформ Александра II. Иными словами, революционное и мирное, эволюционное течение в народничестве возникли одновременно и развивались параллельно друг другу. Более того, по мнению исследователя, у истоков культурничества стоял сам Н.Г. Чернышевский. В своем знаменитом романе «Что делать?» он «чуть ли не впервые указал на новые виды культурной работы» и на «новое ее содержание» (воспитание «новых» людей). Становление культурно-народнического течения Максимов связывал со временем подготовки первого массового «хождения в народ» (конец 1860-х – начало 1870-х гг.).

Главным идеологом данного течения он называет П.Л. Лаврова как автора идеи подготовки будущего общественного строя параллельно с разрушением старого. Необходимо было сохранять и развивать трудовое начало и «традицию солидарности» в общине и артели, дать крестьянину образование и помочь организовать собственную политическую партию и т.п. В теории, пишет Максимов, все это должно было служить средством для социалистической пропаганды, быть «маской революционной организации». На практике же конечные цели движения отодвигались далеко вперед, а на первый план выходили упомянутые выше задачи «строительной, творческой, органической культурной работы» [6, стб. 41-43].

Среди народников 1870-х гг. – сторонников культурной работы «высшего порядка» – Максимов называет таких «властителей умов» тогдашней интеллигенции, как Н.Н. Златовратский, Н.К. Михайловский, Г.И. Успенский. Но наиболее определенный и последовательный представитель культурнического движения – это, конечно же, С.Н. Кривенко. Именно он разрабатывал конкретные пути (тактику) сближения интеллигенции с народом, основанную на идее совместного занятия физическим трудом. В этом ключе рассматривается участие народника в борисоглебском кружке на рубеже 1860/70-х гг. и в кавказской земледельческой колонии-общине 1870-х гг., а также пропаганда им на страницах «Отечественных записок» идеи приобщения к физическому труду учащейся молодежи. Середину 1880-х – начало 1890-х гг. Максимов в духе сложившейся традиции характеризует как период «безвременья» для идей общественного переустройства России. Развивать идею органической культурной работы стало затруднительно, и ее мало-помалу при содействии газеты «Неделя» совсем престали отличать от проповедуемых Я.В. Абрамовым «малых дел». А различие, по Максиму, заключалось в том, что сторонники «малых дел» отказывались от «широких задач» в пользу общекультурных мероприятий, в то время как «органическая культурная работа», пропагандируемая С.Н. Кривенко и его единомышленниками, была нацелена на подготовку и осуществление коренного общественного переустройства «в пределах действительной возможности» [6, стб. 45-46, 49-51].

Историю культурнического движения 1890-х гг. и начала XX в. Максимова, как уже отмечалось, осветить не удалось. Но, судя по материалам его архивного фонда, развитие этого движения связывалось с деятельностью народнической фракции В.П. Воронцова и С.Н. Кривенко. Пытаясь примирить между собой сторонников «малых» и «больших» дел, они выдвинули идею консолидации интеллигенции, власти и народа на почве решения общей для всех культурно-исторической задачи: преодоление раскола между народом и привилегированным обществом. Попытка эта закончилась расколом «Русского богатства» середины 1890-х гг., которое оказалось в руках сторонников Н.К. Михайловского [4, д. 11, л. 27, 28, 33, 41 об.]. Но история культурно-созидательного народничества на этом не завершается. После революции 1905–1907 гг. активным пропагандистом идеи органической культурной работы становится сам Е.Д. Максимов

[7, 8]. В 1909 г., подводя итог развитию «культурной работы» за последние тридцать лет, Максимов напишет, что земская школа, медицина и статистика, распространение в деревне агрономических знаний, насаждение артелей и кооперации «составляет едва ли не самое ценное, самое богатое прогрессивными последствиями достояние, приобретенное русским народом» [6, стб. 52].

Современные российские исследователи легально-реформаторского народничества, за исключением автора данной статьи [13, 14], на исторические работы Е.Д. Максимова не ссылаются. А между тем, некоторые его разработки до сих пор не утратили своей актуальности, как, например, его трактовка понятий «малые дела» и «органическая культурная работа» (второе шире первого), как основа оригинальной концепции эволюции культурно-народнической мысли, вполне обоснованной и имеющей право на существование.

Список литературы

1. Изгоев А.С. Литературно-общественный дневник. Люди 70-х годов // Речь. – 1908. – № 29. 3 февраля.
2. Кабанов В.В. Кооператоры России: штрихи к портретам // Кооперация. Страницы истории. – М., 1994. Вып. 4. – С. 102-127.
3. Корсаков И. Заметки социалиста о текущем // Голос. – 1906. – № 14. 7 (20) июня.
4. Максимов Е.Д. Выписки, заметки, копии документов и другие материалы к работе о С.Н. Кривенко [1906–1907] // РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1.
5. Максимов Е.Д. Слобожанин М. Из истории созидательного народничества (Черты из журнальной деятельности С.Н. Кривенко) // Жизнь для всех. – 1910. – № 7, 8-9, 11.
6. Максимов Е.Д. Слобожанин М. К вопросу о культурной работе в ее историческом развитии // Жизнь для всех. 1909. – Декабрь. – Стб. 41-56.
7. Максимов Е.Д. Слобожанин М. Культурная работа // Слово. – 1908. – № 665; 1909. № 696, 746, 773, 802.
8. Максимов Е.Д. Слобожанин М. На культурной работе. Очерки и воспоминания. – СПб., 1907.
9. Максимов Е.Д. Слобожанин М. Памяти человека и писателя (письмо в редакцию // Сегодня. – 1906. – № 21. 14 сентября.
10. Максимов Е.Д. Слобожанин М. С.Н. Кривенко // Наша жизнь. – 1906. – № 465. 7 июня.
11. Максимов Е.Д. Слобожанин М. Черты из жизни и деятельности С.Н. Кривенко. – № 5–6.

12. Мокшин Г.Н. «Культурное» или «культурническое» народничество? (о значении понятий в истории отечественного народниковедения) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. – 2016. – № 1. – С. 65-74.
13. Мокшин Г.Н. Народники-культурники в трудах дореволюционных и советских исследователей // В.Ф. Антонов. Памяти учителя: воспоминания и статьи. – М., 2015.
14. Мокшин Г.Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX в. – Воронеж: Научная книга, 2010. – 298 с.
15. Письмо Е.Д. Максимова к А.Н. Куропаткину. 16 октября 1906 г. // РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.
16. Письмо Е.Д. Максимова к С.Е. Усовой. Сентябрь 1910 г. // РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.
17. Прокопенко З.Т. Е.Д. Максимов-Слобозханин и В.Е. Евгеньев-Максимов: Из истории российской науки. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. – 268 с.
18. Телицын В.Л., Геронин А.Э., Леонтьев Я.В. Максимов Евгений Дмитриевич // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 3. – М., 2000. – С. 453-454.
19. Южаков С.Н. Памяти С.Н. Кривенко // Русское богатство. – 1906. – № 7.

The list of references

1. Izgoev A.S. Literaturno-obshchestvennyj dnevnik. Lyudi 70-h godov // Rech'. – 1908. – № 29. 3 fevralya.
2. Kabanov V.V. Kooperatory Rossii: shtrihi k portretam // Kooperaciya. Stranicy istorii. Vyp. 4. – М., 1994. – С. 102-127.
3. Korsakov I. Zametki socialista o tekushchem // Golos. – 1906. – № 14. 7 (20) iyunya.
4. Maksimov E.D. Vypiski, zametki, kopii dokumentov i drugie materialy k rabote o S.N. Krivenko [1906–1907] // RO RNB. F. 1029. Op. 1.
5. Maksimov E.D. Slobozhanin M. Iz istorii sozidatel'nogo narodnichestva (CHerty iz zhurnal'noj deyatel'nosti S.N. Krivenko) // ZHizn' dlya vsekh. – 1910. – № 7, 8-9, 11.
6. Maksimov E.D. Slobozhanin M.K voprosu o kul'turnoj rabote v ee istoricheskom razvitii // ZHizn' dlya vsekh. 1909. – Dekabr'. – Stb. 41-56.
7. Maksimov E.D. Slobozhanin M. Kul'turnaya rabota // Slovo. – 1908. – № 665; 1909. № 696, 746, 773, 802.
8. Maksimov E.D. Slobozhanin M. Na kul'turnoj rabote. Ocherki i vospominaniya. – SPb., 1907.
9. Maksimov E.D. Slobozhanin M. Pamyati cheloveka i pisatelya (pis'mo v redakciyu // Segodnya. – 1906. – № 21. 14 sentyabrya.
10. Maksimov E.D. Slobozhanin M. S.N. Krivenko // Nasha zhizn'. – 1906. – № 465. 7 iyunya.
11. Maksimov E.D. Slobozhanin M. CHerty iz zhizni i deyatel'nosti S.N. Krivenko. – № 5–6.
12. Mokshin G.N. «Kul'turnoe» ili «kul'turnicheskoe» narodnichestvo? (o znachenii ponyatij v istorii otechestvennogo narodnikovedeniya) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. – 2016. – № 1. – С. 65-74.
13. Mokshin G.N. Narodniki-kul'turniki v trudah dorevolucionnyh i sovetskih issledovatelej // V.F. Antonov. Pamyati uchitelya: vospominaniya i stat'i. – М., 2015.
14. Mokshin G.N. EHvolyuciya ideologii legal'nogo narodnichestva v poslednej tretii HHH – nachale HKH vv. – Voronezh: Nauchnaya kniga, 2010. – 298 s.
15. Pis'mo E.D. Maksimova k A.N. Kuropatkinu. 16 oktyabrya 1906 g. // RO RNB. F. 1029. Op. 1. D. 27. L. 2.
16. Pis'mo E.D. Maksimova k S.E. Usovoj. Sentyabr' 1910 g. // RO RNB. F. 1029. Op. 1. D. 30. L. 3.
17. Prokopenko Z.T. E.D. Maksimov-Slobozhanin i V.E. Evgen'ev-Maksimov: Iz istorii rossijskoj nauki. – Belgorod: Izd-vo BelGU, 2002. – 268 s.
18. Telicyn V.L., Geronin A.EH., Leont'ev YA.V. Maksimov Evgenij Dmitrievich // Otechestvennaya istoriya. Istoriya Rossii s drevnejshih времен do 1917 g. EHnciklopediya. T. 3. – М., 2000. – С. 453-454.
19. Yuzhakov S.N. Pamyati S.N. Krivenko // Russkoe bogatstvo. – 1906. – № 7.

УДК 947.05

**АДАПТАЦИЯ РУССКИХ УЧЕНЫХ-ЭМИГРАНТОВ
В НАУЧНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЫ В 20–30-е гг. XX в.**

М.Г. Вандалковская

Д-р ист. наук, Институт российской истории РАН

В статье рассматривается проблема научной адаптации русских ученых-эмигрантов в Чехословакии и Франции. Отмечено, что приспособленность к условиям жизни и научной работе в другой стране определяются объективными и субъективными факторами: политикой властей принимающей стороны по отношению к эмигрантам, а также психологическими особенностями личности ученого. Проведение «русской акции» помощи русским эмигрантам в Чехословакии, создание специальных учебных заведений для русских ученых, приглашение русских ученых сотрудничать в традиционно действующих учебных заведениях (Карлов университет, Сорбонна) способствовали консолидации русских и иностранных ученых и интернационализации научных знаний.

Ключевые слова: совместимость, сотрудничество, консолидация, интегрированность, единомыслие, интернационализация, взаимовлияние, взаимосвязь.

**THE ADAPTATION OF RUSSIAN EMIGRANT SCIENTISTS
IN THE SCIENTIFIC AND CULTURAL LIFE OF EUROPE
IN THE 20–30s OF THE XX CENTURY**

M.G. Vandalkovskaya

*Doctor of Historical Sciences, the Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences*

The article deals with the problem of scientific adaptation of Russian emigrant scientists in Czechoslovakia and France. It was noted that being included in the conditions of life and scientific work in another country is determined both by objective and subjective factors: the policy of the host country authorities towards immigrants, as well as the psychological characteristics of the scientist's individuality. Running the campaign of "Russian action" to help Russian emigrants in Czechoslovakia, the creation of special schools for the Russian scientists, inviting Russian scientists to cooperate in the traditional educational institutions (such as Charles University, Sorbonne) contributed to the consolidation of Russian and foreign scientists and internationalization of scientific knowledge.

Keywords: compatibility, collaboration, consolidation, integration, unity of mind, internationalization, interaction, relationship.

Проблема адаптации ученых-эмигрантов в новую среду сложна и многоаспектна и имеет сущностное значение для изучения эмиграции.

Две стороны этой проблемы – бытовая и научная – чрезвычайно важны для жизни ученого. Бытовая адаптация включает разные факторы: вла-

дение иностранным языком, жилищные условия, материальное благополучие, – словом, все атрибуты повседневной жизни, во многом определяющие возможность плодотворной работы. Научная адаптация связана с профессиональной деятельностью эмигрантов и зависит от политики правительства той страны, где осели эмигранты, а также от способности самого эмигранта вписаться в непривычную обстановку. Приобщенность к условиям жизни другой страны, ее бытовому и научному климату, особенно для людей среднего поколения (значительная часть известных историков, оказавшихся после революции 1917 г. в эмиграции, находилась в возрасте более 45 лет), всегда сопровождается трудностями объективного и субъективного свойства. Психологические моменты в умении приспособиться к иной, непривычной жизни играют в этом немалую роль.

Для одних ученых, например, Е.Ф. Шмурло, прожившего много лет в Италии, занимающегося изучением документальных материалов итальянских архивов, или для П.Н. Милюкова, не раз посещавшего Англию, Болгарию и другие страны и имевшего прочные научные связи с французскими и английскими учеными, эта проблема была значительно облегчена. Давнее знакомство лидера российского либерализма, парламентария и известного историка Милюкова с английскими историками Д. Уоллесом, Р. Пэрсом или французскими профессорами Сорбонны П. Буайе, Л. Эйзенманном способствовали налаживанию научных контактов для совместной работы. Кроме того, в доэмигрантский период, когда Милюков создавал свои «Очерки по истории

русской культуры», он активно пользовался трудами Ф. Гиддингса, Ф. Гизо, О. Конта, К. Лампрехта, Г. Спенсера, Л. Уорда и был подготовлен к соприкосновению с иной научной культурой. Для других – прославленных в России профессоров, например, А.А. Кизеветтера – профессиональный опыт, привычка к публичным выступлениям и широкому общению смягчали процесс вживания в новую среду. Однако подавляющая часть ученых ощущала большие трудности включения в новую эмигрантскую атмосферу. Данная статья – попытка наметить наиболее значимые аспекты научной адаптации в области преподавательской и научной деятельности, т.е. в чтении лекций, создании совместных трудов, в деятельности эмигрантской прессы, в проведении Дня русской культуры. Географически статья ограничена Францией и Чехословакией, в которых процесс адаптации проходил достаточно интенсивно.

Правительственная политика Франции и Чехословакии были открыты для русских эмигрантов. Франция являлась единственной страной, признававшей правительство Врангеля (июль 1920 г.), она же брала под защиту русских беженцев. Этому способствовали и экономические причины – людские потери страны в Первую мировую войну вызывали необходимость притока новых рабочих сил. Чехословакия занимала особое место в эмигрантской диаспоре. Президент Чехословакии Масарик формировал новое отношение Чехословакии к славянской проблеме и роли в ней России. Он отрицал теократизм, монархизм и милитаризм как в Чехословакии, так и в России, отвергал монархические, феодальные и клерикальные основы старой славян-

ской общности под скипетром царской России. Мысль о том, что Россия – европейская страна, отличающаяся от других европейских стран лишь уровнем развития, «разницей исторического возраста», была созвучна русским либералам-демократам. Милюков был для чехов близким русским единомышленником. Масарик причислял Милюкова к кругу «личных знакомых и друзей», оказавших ему содействие в «великом подвиге его жизни» [6, т. 1, с. 148, т. 2., с. 142; 8]. В Чехословакии Милюков считался первым из иностранных политических деятелей, который высказался за создание нового государства (Чехословакии); пресса писала, что его имя войдет в историю страны и ее освободительных усилий.

Общая направленность политических взглядов деятелей чехословацкого освобождения и русских либералов-демократов значительно способствовала благосклонному отношению чехословацкого правительства к русским эмигрантам из большевистской России, которую все они не принимали. В Чехословакии развертывалась так называемая «Русская акция», грандиозное мероприятие как по содержанию, так и по масштабам своей деятельности. Это был уникальный опыт создания иностранного, в данном случае русского научно-образовательного комплекса. Цель «Русской акции» – помощь России во имя ее будущего. Кроме того, Масарик осознавал, что новая Чехословакия нуждается в гарантиях и с Востока, и с Запада. Будущая демократическая Россия могла стать одним из таких гарантов. Проблема русской эмиграции становилась составной частью политической жизни Чехословацкой республики.

Политика стран, в которых разместились русские эмигранты в области научно-преподавательской деятельности, была благоприятной. Создание целой системы разнообразных учебных заведений создавало для иностранцев возможность взаимодействия с русской культурой и наукой; формировалось новое поколение русских, воспитанное в традициях свободной мысли и противостоящее советскому режиму. Кроме того, высшие учебные и научные заведения обеспечивали работой большую часть эмигрантской интеллигенции.

Создавались специальные, иногда однотипные в разных странах учебные заведения для русских: Русские народные университеты (Польша, Париж, София), исследовательско-учебные учреждения под названием «Русский научный институт». В 1919 г. в Париже был создан Институт славянских исследований, целью которого было изучение славянской проблематики и укрепление научных связей славянских и французских ученых. Высшие учебные заведения Чехословакии и Франции открывали даже отделения, предназначенные для обучения русских студентов.

Русских ученых приглашали преподавать как в специально созданные, так и в традиционно действующие учебные заведения. Так, в Парижском университете циклы лекций по темам «Религиозно-философское движение в России в начале XX в.» и «Русская церковь в последние катастрофические годы» были прочитаны А.В. Карташевым, бывшим министром исповеданий Временного правительства. В Карловом университете в Праге сотрудничали М.И. Новиков (зоолог), Н.П. Кондаков (археолог, историк, ис-

кусствовед), Н.А. Бердяев, Б.П. Выше-славцев (философы), А.А. Кизеветтер (историк). В рамках Карлова университета 18 мая 1922 г. состоялось открытие Русского юридического факультета. Его основателями были правовед, до эмиграции профессор Московского университета и директор Коммерческого института П.Н. Новгородцев (первый декан факультета) и бывший профессор того же института юрист Н.Н. Алексеев. Здесь преподавали Г.В. Вернадский, Н.О. Лосский, Е.В. Спекторский, П.Б. Струве и другие. Это был единственный во всей российской диаспоре чисто русский и чисто университетский факультет.

П.Н. Милюков читал лекции в Сорбонне, в Коллеже социальных наук, во Франко-русском институте. В Париже Милюков был учредителем и председателем Общества русских писателей и журналистов, Клуба русских писателей и ученых, одним из организаторов Русского народного университета. Темы его выступлений «Славянство и демократия», «Франция и Россия», «Россия и эмиграция», «Россия сегодня и завтра», «Творческий гений России» (о Пушкине) и общественная деятельность пробуждали интерес французов к России, способствовали доброжелательному отношению к России и русским и гостеприимной атмосфере для эмиграции. Большое внимание Милюков уделял созданию в Чехословакии русско-чешских объединений. Таким объединением явился «Русский очаг», созданный по инициативе дочери Масарика Алисы Масарик и мецената Д. Крейна, где проходили многочисленные заседания. Популярностью пользовались, основанные в 1935 г. курсы «К познанию России», в рамках

которых часто во время своих приездов в Прагу читал лекции Милюков. Здесь выступали как русские, так и чешские ученые – Ян Славик, Я. Бидло, византист, член Чешской академии наук и искусств, М. Мирко, директор славянского института.

В Сорбонне для русских студентов были открыты три факультета – юридический, историко-филологический и физико-математический. Преподавание в них вели как французские, так и русские профессора. На юридическом факультете преподавали В.Д. Кузьмин-Караваев (русское уголовное право), приват-доцент А.М. Михельсон (русское финансовое право), Б.Э. Нольде (введение в русское публичное право), приват-доцент М.В. Вишняк (эволюция русского публичного права в XX в.), профессор П.П. Гронский (история русского права), профессор Д.М. Одинец (история русского древнего права), профессор А.М. Кулишер и приват-доцент Б.С. Миркин-Гецевич (Государственный строй Советской России). На физико-математическом факультете общий курс по зоологии читал профессор К.Н. Давыдов, по биологии – профессор С.И. Метальников, по химии – приват-доцент А.А. Титов, геохимии – академик В.И. Вернадский, физиологии – приват-доцент Л.И. Кепинов, по дифференциальному и интегральному исчислению – профессор С.Е. Савич. На историко-филологическом факультете читали лекции Л.И. Шестов (о Паскале, Достоевском, Л. Толстом), А.В. Койре на французском языке о Вл. Соловьеве и его современниках, М.Л. Гофман – о Пушкине и его времени. С.П. Ремизова-Довгелло, до эмиграции профессор Петроградского Археологическо-

го института, открыла курс по русской палеографии. Большой популярностью пользовались лекции профессоров бывшей Академии Генерального штаба А.А. Гулевича и Н.Н. Головина по истории русской армии и ее боевых действиях. Большое число слушателей стекались на лекции по русской литературе, которые читали известные русские писатели и поэты – А.И. Куприн («Последние дни Пушкина»), И.С. Шмелев и А.М. Ремизов. Лекции К.Д. Бальмонта «Любовь и смерть в мировой поэзии», «Образ женщины в поэзии и в жизни», прочитанные на французском языке, вызывали, по словам современника, «особую экспрессию», увлекавшую французских слушателей [4, 10, 12].

Сотрудничество русских и французских ученых было весьма плодотворным. Так, у Милюкова были старые связи с профессором Сорбонны П. Буайе. Они подружились еще в 1893 г., когда французский ученый приезжал в Россию учить русский язык для получения кафедры славянских языков в Парижском университете. В эмиграции их связи окрепли. Вместе с П. Буайе Милюков проводил в Сорбонне торжественное заседание, посвященное юбилею А.С. Пушкина. На нем присутствовали литераторы и политические деятели – М.А. Алданов, В.А. Маклаков, А.М. Ремизов, Н.В. Чайковский и др. В Сорбонне отмечались и другие памятные даты, посвященные русской теме: 250-летие со дня рождения Петра I (доклад Милюкова). Профессор Сорбонны по кафедре истории и цивилизации славян, генеральный директор Института славяноведения профессор Л. Эйзенманн и Милюков

читали параллельные лекции о России и Петре Великом.

27 декабря 1925 г. Сорбонна отмечала 200-летний юбилей декабристов, на котором выступали известные французские ученые Э. Мелье, А. Олар, из русских М.А. Алданов, П.Н. Милюков и В.А. Мякотин. 26 марта 1926 г. в Сорбонне происходило собрание, посвященное открытию Франко-русского института. Этот институт, как высшая школа социальных и политических наук, призван был продолжать традиции Русской высшей школы общественных наук, организованной в 1901 г. М. Ковалевским, де Роберти и Гамбаровым, традиции высшего учебного заведения для русских при участии французской и русской профессуры. В Правление Института входили с французской стороны – известный социолог Г. Жез (председатель), П. Лапи (ректор Парижского университета), профессора Л. Эйзенманн, А. Олар, Э. Фурнель (вице-председатель Комиссии по организации русского образования во Франции), профессора Сиббер, Э. Ренан; с русской стороны – П.Н. Милюков (вице-председатель), П.П. Гронский, Г.Д. Гувич, И.П. Ефремов, А.П. Марков и др.

На торжественном заседании А. Олар произнес речь «О декларации прав человека и гражданина в различных конституциях». П.Н. Милюков сделал доклад на тему «Россия и Европа», Л. Эйзенманн – «Франция и славянство», Г. Жез – «Методы социальных и политических наук». «Цель этого заседания, – писала газета "Последние новости", – состоит в том, чтобы усилить духовную связь между народами обеих стран» [9]. По сохранившимся данным, толь-

ко за один семестр 1926 г. во Франко-русском институте русскими учеными было прочитано 130 лекций. В рамках Сорбонны работал и Антропологический и Пастеровский институты, где также работали русские ученые.

Огромную роль в распространении православной русской культуры сыграли возникшие в эмиграции высшие религиозные учебные заведения. Богословский институт в Париже был создан по инициативе Митрополита Евлогия, кн. Трубецкого и писателя М.А. Осоргина. На частые эмигрантские пожертвования было куплено владение на рю де Кримэ, где было основано Сергиевское подворье и Богословский институт, ставшие памятником верности Православию и традициям русского народа. Церковь преподобного Сергия, устроенная при подворье, была расписана художником Д.С. Стеллецким в духе росписей XVI столетия, иконостас был устроен в древнерусском стиле с подлинными царскими вратами XIV в. К преподаванию в Богословском институте были приглашены специалисты из разных стран. Из Чехословакии приехали о. Сергей Булгаков и Г.В. Флоровский, из Сербии – епископ Кассиан (С.С. Безобразов) и будущий митрополит Вениамин (И.А. Федченков). О. Сергей Булгаков возглавил кафедру догматического богословия, курс патрологии читал Г.Ф. Флоровский, историю западных исповеданий – Г.П. Федотов; нравственное богословие – Б.П. Вышеславцев, литургику и философию – В.Н. Ильин. Ведущим преподавателем Института являлся А.В. Карташев.

Среди эмигрантских научных учреждений особая роль принадлежала Семинару (далее – Институту Н.П. Кондакова), Семинар возник по-

сле его смерти и работал с 1925 по 1945 гг. Н.П. Кондаков в разное время был профессором Петербургского и Новороссийского университетов, где читал лекции по истории русской иконы. В 1919 г., спасаясь от революционных беспорядков и осознавая неизбежность вторжения большевиков в Одессу, Кондаков решил эмигрировать за границу. Французские моряки, расквартированные в Одессе, помогли ему организовать отъезд: они знали, что за научные заслуги Кондаков был награжден орденом почетного легиона Франции. В эмиграцию Кондаков плыл в одной каюте с И. Бунным и его женой В.Н. Муромцевой. В 1920 г. он обосновался в Софии и в университете читал лекции по средневековому искусству и культуре Восточной Европы. Но вскоре перебрался в Прагу. Строительство новой русской церкви на Ольшанском кладбище, где была погребена большая часть российской эмиграции, осуществлялось в своей основе по проекту Н.П. Кондакова. За научные заслуги в области искусствознания и культуры Кондаков был избран почетным президентом II Конгресса русских ученых за границей, неоднократно награждался дипломами научных обществ и Академий разных стран. Кондаков и его ученики обогатили отечественную и мировую науку разработкой проблем древнерусского, византийского и восточного искусства в сравнительно-историческом измерении.

Важную роль в консолидации русских ученых и их связей с чешской наукой и внедрению русских научных и культурных традиций в чешскую среду сыграло создание в Праге Русского исторического общества. Оно объединяло представителей разных

исторических специальностей: русистов, славяноведов, источниковедов, историографов, византинистов, а также историков всеобщей истории, права, литературы, философии, экономики и т.д. За первые 9 лет работы в Обществе было прочитано более 170 докладов, их большая часть относилась к русской истории. Большинство прочитанных докладов было опубликовано в «Записках Русского исторического общества», вышедших в 3 томах. Общество отмечало также памятные, юбилейные даты крупных ученых и исторических событий: П.Г. Виноградова, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, С.Ф. Платонова, чешских ученых – археолога, антрополога, этнографа академика Л. Нидерле, историка права К. Кадлеца, а также декабристов, Пушкина, Л. Толстого, царей Петра I, Екатерины II, Александра I и др. Русская эмигрантская общественность Чехословакии отмечала 175-летие Московского университета, Татьянин день, годовщину основания Чехословацкой республики, 75 и 80-летие президента Т. Масарика.

Фактом огромного культурного значения было создание Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге в 1923 г. Идея создания Архива принадлежала русским ученым эмигрантам, ее поддержали министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш, его заместитель К. Крофта, по профессии историк, и В. Гирса, политик и общественный деятель. Основной задачей создания Архива было собирание материалов по истории русских революций 1905 и 1917 гг., I Мировой войны, а также документов, связанных с русской эмиграцией. Руководящим органом Архива являлся Совет, в который в

разные годы входили историки и общественные деятели: А.А. Кизеветтер (председатель), Н.И. Астров, П.Н. Милюков, В.А. Мякотин, Ян Славик, П.Б. Струве, Е.Ф. Шмурло, А.В. Флоровский, чешский историк и директор РЗИА (1928–1939). Собирательная деятельность Архива была чрезвычайно широка. Представители Архива имелись в Берлине (Б.И. Николаевский), в Париже (С.С. Минор, С.Г. Сватиков), в Белграде, Софии, Константинополе, Ревеле, Варшаве, Юрьеве, Гельсингфорсе, Ковно и в других городах. Кроме постоянных представителей, к 1938 г. Архив имел 1500 своих корреспондентов в 44 странах, где находились эмигранты из России. Помимо документального материала Архив образовал большое собрание книг, журналов и газет, ставших малодоступными в последующее время. После окончания II Мировой войны по решению правительства Чехословакии Архив был передан в СССР.

Ярким проявлением взаимодействия эмигрантской и зарубежной науки, их научного диалога явился выпуск совместных трудов. Влияние русских ученых, их авторитет, непосредственное знакомство, лекционные курсы русских, тесное сотрудничество в преподавательской и литературно-общественной деятельности (Сорбонна, Франко-русский институт, Карлов университет, общественные и благотворительные учреждения и др.) подготовляли почву для совместной работы.

В 1932 г. в Париже вышла в свет «История России» (в 3 т. на французском языке). Во главе этого издания стояли П.Н. Милюков и профессора Парижского университета Ш. Сеньобос и всемирно известный историк,

источниковед Л. Эйзенманн. С русской стороны в этом издании принимали участие, кроме Милюкова, профессор Московского и Карлова университетов А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин – профессор Петроградского, в эмиграции Софийского университетов, Б.С. Миркин-Гецевич, приват-доцент Санкт-Петербургского, профессор Института высших международных знаний Парижского университета, Академии международного права, генеральный секретарь Международного института публичного права, П.П. Гронский, профессор государственного права Санкт-Петербургского университета, Ковенского и Парижского университетов, Франко-русского института, а также генерал Н.Н. Данилов, военный историк, генерал от инфантерии, участник Первой мировой войны, бывший генерал-квартирмейстером Ставки Верховного главнокомандующего, а с 1917 г. – начальником Штаба Северного фронта. Его перу принадлежали труды «Россия в Мировой войне 1914–1915» (Берлин, 1924), «Великий князь Николай Николаевич» (Париж, 1930) и др.

Участвовал в этом труде и известный чешский археолог, антрополог, этнограф, академик и ректор (с 1921 г.) Карлова университета, почетный член Петербургской, Белградской, Софийской и др. академий Л. Нидерле. Французская сторона была представлена, кроме Ш. Сеньобоса и Л. Эйзенманна, профессором университета в Бордо С. Далмедиа, написавшем главу о географическом положении России, рельефе, климате, расселении племен. В известном смысле это издание имело международный характер.

В предисловии к этому изданию Ш. Сеньобос писал, что прославленные русские ученые, особенно уважаемый во всем мире Милюков, принесут этим изданием большую пользу французскому читателю, плохо знакомому с историей великого русского народа. Он подчеркивал, что создание подобного труда – не только подспорье французскому лектору, читающему историю России, но и выражение определенной точки зрения на ее историю. Русские авторы этого издания квалифицировались Сеньобосом как ученые, хорошо знающие не только Россию и Европу, но и их тесные связи. Французскому редактору импонировал взгляд на ход исторического развития России, отличный от панславистского и евразийского. Солидаризируясь с позицией русских ученых, участников издания, Сеньобос поддерживал мысль о том, что Россия развивалась по европейскому типу, прошла ту же эволюцию, но вступила на этот путь значительно позднее многих европейских стран, в частности Франции и Германии. Очевидно, таким образом, что этот труд издавался не только коллегами, заинтересованными в распространении профессиональных знаний о России во Франции, но и единомышленниками, имеющими общую точку зрения на исторические процессы в России.

Хронологически трехтомник охватывал период от древности до современного авторам времени Советского государства. Разумеется, участие авторов этого издания было неравномерным. Мякотиним были написаны главы о древнем периоде Руси, татаро-монгольском нашествии, о времени правления Николая I и Александра III; Маркиным-Герцевичем – об Алек-

сандре II, его эпохе и реформах, о внешней политике Николая II за период с 1905 по 1914 гг. (частично с Милюковым). В написании раздела о внешней политике России с 1894 по 1905 гг., кроме Миркина-Герцевича, принимали участие Гронский и генерал Данилов. Значительная и подавляющая часть этого издания была написана Милюковым и Кизеветтером. Эти ученые внесли свой значительный вклад не только в русскую, но и в зарубежную историческую науку. Кизеветтером в этом издании были написаны главы о Московской Руси, времени правления Бориса Годунова, эпохе Екатерины II, Павла I, Александра I. Милюков создал разделы и главы о первых Романовых, Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче, о Петре Великом, о Николае II. Текст о Николае II был значительно пространнее, чем тексты, связанные с личностью других правителей России. В главах о Николае II писалось о его характере, образовании, внешней и внутренней политике, отношению к Думе, Февральской и Октябрьской революциях. Специальная глава была посвящена «России под режимом Советов с 1917 по 1932 гг.».

Характер изложения исторического материала, расположенного по царствованиям, в сущности, сохранял основные подходы и особенности дореволюционной историографии. Традиции дореволюционной науки, носителями которых являлись русские ученые, внедрялись этим изданием в научно-образовательные слои французского читателя, создавали определенный образ России и ее истории, укрепляли русско-французские научные и культурные связи. Это издание, созданное совместными уси-

лиями русских и французских ученых, являлось в своем роде уникальным. В эмиграции не существовало подобного по своим целям и замыслу, объемного по содержанию и являющегося итогом исследовательской работы каждого из авторов труда. Нельзя преуменьшать и значение многочисленных эмигрантских изданий. В Праге выходили «Научные труды» Русского народного университета, «Записки Русского исторического общества в Праге», «Сборник Русского института в Праге»; в Париже в Белграде – Труды Русского научного института. Особое значение имел выход в Белграде «Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом» (1931–1941) в 2 т. Эти и многие другие издания являлись результатом работы огромного числа эмигрантских организаций, объединений, научных учреждений, обществ. Как правило, в их создании принимали участие как русские, так и чешские ученые.

Значительным как в научном, так и в практическом отношении был выход в свет работы «Местное самоуправление», напечатанной в двух выпусках в «Трудах общества для изучения городского самоуправления в Чехословацкой республике». Членами этого общества и авторами статей о городском хозяйстве и бюджете чешских городов, местном самоуправлении в Чехословакии, России, Германии, Подкарпатской Руси выступали русские ученые и общественные деятели, до эмиграции занимающиеся этими проблемами. В предисловии к книге было сказано, что ее авторы, стремясь осмыслить в «мировом масштабе» опыт городского управления и хозяйства, ставили цель усовершенствовать

управленческое устройство гостеприимной Чехословакии [7, с. 12-15].

Н.И. Астров, в бытность в России гласным Московской городской думы и губернского земского собрания, Московским городским головой, с 1920 г. находился в эмиграции, поселился в Праге. Его интересы не ограничивались вопросами организации городского хозяйства. В эмигрантский период жизни он публиковал статьи, посвященные памяти ушедших единомышленников, вопросам культуры и образования (Л.Н. Толстому, Ф.М. Достоевскому, юбилею Московского университета). Но его главное внимание было сосредоточено на проблемах городского самоуправления, деятельности городских муниципалитетов, их международному сотрудничеству. В этих статьях Астров делился своим огромным опытом бывшего московского головы, прекрасно знающего устройство городского хозяйства, с коллегами в Чехословакии [1, 13]. Труды русских эмигрантских ученых значительно продвинули изучение русско-чешских отношений, культурных, политических и научных связей. Ведущее место среди ученых, занимающихся этими проблемами, принадлежит В.А. Францеву и А.В. Флоровскому. В.А. Францев был родоначальником этих тем [5, 14]. Флоровский свои многочисленные статьи по этим сюжетам обобщил в труде «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.)». (Прага. Т. 1-2. 1935–1947). Его второй фундаментальный труд о чешских иезуитах в России (XVII–XVIII вв.) был издан на чешском языке.

Значительным показателем интегрированности русских эмигрантов в

западную среду являлась эмигрантская пресса. Она выполняла двойную задачу – внедрялась в жизнь страны, где издавалась, приобщалась к европейскому издательскому опыту и одновременно вносила, разумеется, в соответствии со своей политической программой в иностранную среду знания о России, ее истории и культуре, современном состоянии и задачах эмиграции. В эмиграции издавались многие газеты и журналы: «Руль», «Накануне», «Дни», «Современные записки» и др. Но особая роль принадлежала газете «Последние новости», выходившей в Париже. Под бессменным руководством Милюкова (с 1 марта 1920 по 11 июня 1940 г.) газета приобрела особую популярность, проводила либерально-демократическую программу, отстаивала республиканские и антиинтервенционистские (в отношении свержения Советской власти белой армией, находящейся в эмиграции) позиции, имела высокопрофессиональную редакцию – М.М. Винавер, Н.К. Волков, И.П. Демидов, А.И. Коновалов, В.А. Харламов и др.

В «Последних новостях» широко освещалась внутренняя и внешняя политика Советской России, с сочувствием сообщалось о крестьянских восстаниях, направленных против советской власти, о Кронштадтском восстании, выставившем лозунг «Советов без большевиков», т.е. «свободных Советов». С начала введения НЭПа «Последние новости» выражали недоверие к политике «большевистского компромисса», указывая на неизменность целей большевиков – подготовку мировой революции. Газета фиксировала процесс разрушения крестьянского хозяйства в результате сталинской коллективизации, прояв-

ления крестьянской активности и сопротивления, разоблачала диктаторскую сущность сталинской политики, разногласия в партии. В области внешней политики газета проводила мысль о «непроходимой пропасти» между Советской Россией и Западом, зорко следила за переговорами западных стран о признании Советской власти. Резкой критике в статьях Милюкова, помещенных в «Последних новостях», подвергалась политика СССР кануна II Мировой войны, Мюнхенский сговор, переговоры СССР и Германии. На формирование отношения к Советской России у иностранного читателя значительно влияла полемика, которую «Последние новости» вели в частности с «Возрождением», издававшимся П.Б. Струве. Споры шли о жизнеспособности монархизма и белого движения в России, о революции и эволюции, о соотношении этих понятий, о мерах борьбы с Советской Россией и поведении эмиграции. Характерно, что в эту полемику включалась и французская печать. Газета «Последние новости» являлась по существу источником, формирующим французское общественное мнение о России.

О роли «Последних новостей» ярко свидетельствовал заведующий иностранным отделом этой газеты, по образованию юрист, М.Ю. Бенедиктов: «...Образовался единый европейский фронт в отношении к русскому вопросу и большевизму. Вся французская печать от "Тан" до "Попюлер" – или английская – от "Таймс" до "Дейли Ньюс" – одинаково освещает и оценивает русские события... Никто (коммунисты, конечно, не в счет) более не отождествляет большевизм с русским народом; никто не

говорит об интервенции; никто не верит в "социализм" сталинских экспериментов; никого больше не вводит в заблуждение революционная фразеология коммунизма» [2, с. 47]. Эту эволюцию европейского общественного мнения Бенедиктов связывал с деятельностью газеты.

Об огромном интересе европейцев к России в стремлении получить достоверные сведения о ней свидетельствует и помощь французов финансами, наборной техникой, типографскими станками, и т.д. Так, например, владелец французской типографии г. Зимар неоднократно оказывал «Последним новостям» техническую и финансовую помощь. Информацией «Последних новостей» пользовались многие иностранные газеты; в редакцию газеты обращались французские журналисты за справками и разъяснениями по тем или иным русским вопросам; ряд парижских газет завели своих «русских сотрудников», которые для собственных статей и обзоров систематически пользовались материалами «Последних новостей». Широкое распространение газеты в Европе и других континентах, вплоть до Исландии, островов Таити и т.д. – также яркое свидетельство ее признания за рубежом. Один из известных публицистов, постоянный корреспондент «Последних новостей» по культуре Р. Словцев пронизательно заметил, что «Последние новости» образовали «своеобразный русский тип газеты: сохраняли просветительские и публицистические традиции русской газеты и приобретали бесстрастную информационность, в значительной мере характерную для западной прессы [11]. Газета «Последние новости» как исторический ис-

точник оставила ценнейшие сведения об истории современной России, русской общественной мысли, либерализме, отношении к Советской власти и об эмиграции.

Значительным событием для эмиграции, а также стран, где жили эмигранты, был проводившийся в разных странах – Франции, Чехословакии, Югославии, Болгарии и др. – «День русской культуры», посвященный памяти великих русских писателей. Проведением этого мероприятия реализовывалась идея национального единения, сохранения национальных традиций (язык, наука, культура). Одновременно с этим осуществлялось взаимодействие разных националь-

ных культур. Огромное духовное влияние русской культуры, научного мастерства и писательского искусства признавали многие европейские ученые и государственные деятели. Так, например, министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш писал: «Русская эмиграция при всех бедах, которые она переживает, сослужит большую службу себе, России и нам всем... Она сблизила хоть несколько некоторые славянские страны, научилась сама многому и научила других познавать некоторые стороны русской культуры. У нас русская эмиграция свободно работала в научном и культурном отношении, и ее заслуги великие, судя по результатам этой работы» [3].

Список литературы

1. **Астров Н.И.** Воспоминания. – Paris: YMCA Press, 1940. Т. 1. – 340 с.
2. **Бенедиктов М.** «Последние новости и иностранная печать» // Последние новости. Юбилейный сборник газеты «Последние новости». 1920–1930. – Париж, 1930.
3. **Бенеш Э.** О том, что должна делать русская эмиграция // Руль. – Берлин, 1926. – 16 апреля.
4. **Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX века. (Хроника).** – М.: АИРО-XX, 1998. – 312 с.
5. **Лаптева Л.П.** В.А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов // Slavia, – 1966. – R 35/1. – S. 79-95.
6. **Масарик Т.Г.** Мировая революция. Воспоминания. Т. I. – Прага: Пламя, 1926. – 248 с. Т. II. – Прага: Пламя, 1927. – 392 с.
7. **Местное самоуправление** // Труды общества для изучения городского самоуправления в Чехословацкой республике. – Прага, 1924. Вып. I. – С. 12-15.
8. **Милюков П.** Мои встречи с Масариком // Последние новости. – 1937. – 16 сентября.
9. **Последние новости.** 1926. 29 марта.
10. **Русские лекции в Сорбонне** // Последние новости. 1924. 8 ноября.
11. **Словцов Р., Калишевич Н.В.** Культурная роль «Последних новостей» // Последние новости. Юбилейный сборник газеты «Последние новости». 1920–1930. – Париж, 1930.
12. **Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике:** В 2 т. – Прага: Славянский институт АН ЧР, 2000. Т. 1. – 368 с. Т. 2.
13. **Юрнев П.П.** Николай Иванович Астров как общественный деятель и москвич // Астров Н.И. Воспоминания. – Paris, 1940. Т. 1.
14. **Syllaba. T.** Vladimír Andrejevič Francev. Praha, 1977.

The list of references

- 1. Astrov N.I.** Vospominaniya. – Paris: YMCA Press, 1940. T. 1. – 340 s.
- 2. Benediktov M.** «Poslednie novosti i inostrannaya pechat'» // Poslednie novosti. YUbi-lejnyj sbornik gazety «Poslednie novosti». 1920–1930. – Parizh, 1930.
- 3. Benesh EH.** O tom, chto dolzhna delat' russkaya eh migraciya // Rul'. – Berlin, 1926. – 16 aprelya.
- 4. Istoricheskaya nauka rossijskoj eh migracii 20–30-h gg. HKH veka. (Hronika).** – M.: AI-RO-XX, 1998. – 312 s.
- 5. Lapteva L.P.** V.A. Francev. Biograficheskij ocherk i klassifikaciya trudov // Slavia, – 1966. – R 35/1. – S. 79-95.
- 6. Masarik T.G.** Mirovaya revolyuciya. Vospominaniya. T. I. – Praga: Plamya, 1926. – 248 s. T. II. – Praga: Plamya, 1927. – 392 s.
- 7. Mestnoe samoupravlenie** // Trudy obshchestva dlya izucheniya gorodskogo samoupravleniya v Chekhoslovackoj respublike. Vyp. I. – Praga, 1924. – S. 12-15.
- 8. Milyukov P.** Moi vstrechi s Masarikom // Poslednie novosti. – 1937. – 16 sentyabrya.
- 9. Poslednie novosti.** 1926. 29 marta.
- 10. Russkie lekci v Sorbonne** // Poslednie novosti. 1924. 8 noyabrya.
- 11. Slovcov R., Kalishevich N.V.** Kul'turnaya rol' «Poslednih novostej» // Poslednie no-vosti. YUbi-lejnyj sbornik gazety Poslednie novosti. 1920–1930. – Parizh, 1930.
- 12. Hronika kul'turnoj, nauchnoj i obshchestvennoj zhizni russkoj eh migracii v CHEkho-slovackoj respublike.** V 2 t. – Praga: Slavyanskij institut AN CHR, 2000. T. 1. – 368 s. T. 2.
- 13. YUrenev P.P.** Nikolaj Ivanovich Astrov kak obshchestvennyj deyatel' i moskvich // Astrov N.I. Vospominaniya. – Paris, 1940. T. 1.
- 14. Syllaba. T.** Vladimir Andrejevič Francev. Praha, 1977.

УДК 947.05

**К ВОПРОСУ О «СИМВОЛИЧЕСКОМ СТАТУСЕ» УЧЕНОГО
В СООБЩЕСТВЕ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ 1920–1930-х гг.**

Л.А. Сидорова

Д-р ист. наук, Институт российской истории РАН, istnauka@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению эвристического потенциала понятия «символический статус» ученого для изучения сообщества советских историков в 20–30-х гг. XX в. Анализируется высказанное в литературе мнение, что после 1917 г. показатели экономического и социального положения Н.И.Кареева, его научной активности, а также круг общения историка не претерпели существенных изменений. В статье поставлен под сомнение тезис, согласно которому положение ученого “старой школы” в постреволюционном обществе определяли не готовность к компромиссу, не социальный и политический факторы, а его дореволюционный статус. Сделан вывод, что сохранение относительного физического и материального благополучия того или иного историка нельзя рассматривать в отрыве от духовной стороны жизни русских историков «старой школы», без учета взаимоотношений двух основных поколений историков, работавших в советской исторической науке 1920–1930-х гг., – «старой» и «красной» профессуры.

Ключевые слова: советская историческая наука, «символический статус» ученого, политика, идеология, поколения историков, историки-марксисты, историки «старой школы», Н.И.Кареев.

**TO THE QUESTION OF “SYMBOLIC STATUS” OF THE SCIENTIST
IN THE COMMUNITY OF SOVIET HISTORIANS OF THE 1920–1930**

L.A. Sidorova

Doctor of Historical Sciences, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, istnauka@rambler.ru

The article discusses the heuristic potential of the concept of "symbolic status" of the scientist to study the community of Soviet historians in the 1920s – 1930s. The author analyzes the opinion expressed in the literature that after the year of 1917 the indicators of economic and social status of N.I. Kareev, his scientific activity, as well as the social circle of the historian did not change significantly. The article casts doubts on the thesis according to which the status of the scientist of "the old school" in post-revolutionary society was determined not by his ability to compromise or by social and political factors but by his pre-revolutionary status. It was concluded that maintaining the relative physical and material well-being of the historian cannot be viewed apart from the spiritual side of life of Russian historians of "the old school", without taking into account the relationship of the two main generations of historians who worked in Soviet historical science in 1920s – 1930s - "old" and "red" professors.

Keywords: Soviet historical science, "symbolic status" of scientist, politics, ideology, generations of historians, Marxist historians, historians of "the old school", N.I. Kareev.

Изучение профессиональной деятельности, реального облика и сложившегося образа советских историков 20–30-х гг. прошлого века как в личностном, так и в собирательном плане с неизбежностью подводило всех исследователей, в том числе и автора данной статьи, к рассмотрению различных аспектов проблемы связи исторической науки и политики [5, 13, 14]. В изданной в 2015 г. книге – «Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914 – 1931 гг. Исследования и материалы» [15] – ее автор-составитель, Е.А. Долгова, во вводной статье, предваряющей публикацию архивных документов, связанных с жизнью и деятельностью Кареева в указанные годы, также затронула вопросы взаимоотношения известного русского историка и власти. Ею была предложена гипотеза, объясняющая особенности отношения властных структур к отдельному историку его «символическим статусом» – «занимаемой ученым позицией в иерархии научного сообщества» [15, с. 6]. Публикуемые в книге материалы о последнем периоде жизни и деятельности историка, социолога и методолога науки Н.И. Кареева (1850–1931), по мнению составителя, полностью ее подтверждают. Свой тезис Е.А. Долгова подкрепляет ссылкой на сформулированный в 1960-х гг. американским социологом Р.К. Мертоном «эффект Матфея в науке» [15, с. 6], при помощи которого им анализировался «феномен неравномерности распределения признания научных заслуг» [10, с. 259].

Е.А. Долгова полагает, что неготовность к компромиссу, «не социальный и политический факторы определяли

положение ученого "старой школы" в постреволюционном обществе, а, скорее, его дореволюционный статус (авторитет и позиция, занимаемая в поле избранной им тематики, административный ресурс и потенциал в научном поле) диктовал в соответствии с принципом кумулятивного накопления преимуществ особенности отношения к нему власти и специфику преломления в отношении него советской социальной политики» [15, с. 6]. Она утверждает, что после 1917 г. показатели экономического и социального положения Н.И. Кареева, его научной активности, понимаемой Долговой как возможность публикации книг, ведения преподавательской деятельности, условий продвижения по иерархической лестнице, не претерпели существенных изменений. Прежним остался и круг общения ученого [15, с. 6-7].

Более того, проведенное исследование убедило Долгову в том, что «символический статус ученого» предоставил Карееву определенный иммунитет, защищая от репрессивных акций, и обеспечил «некоторую привилегированность его положения в условиях 1920-х гг.» [15, с. 60-61]. В качестве доказательства в книге приведены факты, характеризующие социально-экономическое положение ученого в годы советской власти. Е.А. Долгова упоминает о сохранении у Н.И. Кареева в условиях повсеместных жилищных уплотнений 1920-х гг. дополнительной комнаты, об удовлетворении «прошений ученого о повышении довольствия и денежного обеспечения, снижении обязательного для всех "революционного" налога», о предоставлении взамен конфискованного у

историка смоленского имения подмосковной дачи и пр. На основании этих данных она делает вывод, что «после 1917 г. Карееву были предоставлены возможности как для ведения научной работы, так и для последующего получения материального вознаграждения за нее». Свое заключение автор распространяет не только на социальную и бытовую стороны жизни историка, но и на профессиональную. Она пишет, что «нет однозначных и убедительных свидетельств о том, что, обеспечив ученого в социально-экономическом плане, власть сузила для него как представителя "буржуазной профессуры" возможности ведения педагогической и научно-исследовательской работы».

В качестве единственного «цензурного казуса» Долгова называет историю с публикацией работы Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (1924). Одновременно исследователь признает, что записные книжки историка свидетельствуют о снижении его творческой активности после 1924 г. Таким образом, при отсутствии видимых препон со стороны новой власти свертывание научной деятельности Кареева и ослабление его «символического статуса» Е.А. Долгова трактует как «естественный процесс смены научных поколений» [15, с. 61]. Именно здесь и кроется, на наш взгляд, основное противоречие в предложенной ею трактовке.

Характер отношений двух основных поколений историков, работавших в советской исторической науке 1920–1930-х гг., – «старой» и «красной» профессуры, был в духе времени не эволюционным, а революционным, очень далеким, на наш взгляд, от «естественного». Молодые

историки-марксисты начинали свою научную и преподавательскую деятельность с сознательного отрицания наследия и опыта историков «старой школы». Это поколение историков воспринимало историческую науку как «самую политическую науку из всех существующих» [11, с. 360]. Одна из его ярчайших представителей, А.М. Панкратова говорила впоследствии, что историки-марксисты претворяли в жизнь «большую партийную задачу – подготовить себя как марксистски выдержанную профессуру для наших советских вузов, где орудовали враждебные нашему делу старые буржуазные профессора, либо саботировавшие, либо вредившие в то время нам, не желающие принимать ни нашего строя, ни нашей идеологии» [1, д. 186. л. 29].

Поэтому даже высочайший «символический статус» отдельного «буржуазного», а впоследствии, как можно было видеть, и марксистского ученого не мог гарантировать ему устойчивого и благоприятного положения в советской исторической науке 1920-х–1930-х гг. Так, историки «старой школы», обладавшие громкими именами в своей профессии, – М.К. Любавский, С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле и многие другие стали жертвами «Академического дела». Кстати, Е.А. Долговой было верно подмечено, что готовность к компромиссу с новой властью не служила историку охранной грамотой. Арестованный по «Академическому делу» Е.В. Тарле являлся как раз ярким примером такого положения дел. Свойственный ему конформизм – «сказали бы, что танцевать» [4, с. 45], – припоминали историки его фразу, демонстрировавшую способность

адаптации к концептуальным изменениям, – не защитил маститого ученого от репрессий.

Строки из заявления Тарле, сохранившегося в его следственном деле, как нельзя нагляднее раскрывают эту ситуацию. «Со мной, больным тяжелой и мучительной болезнью, пожилым человеком, которого как-никак представители западной науки признают в печати "гордостью советской исторической науки", – обращаются так, как обращались со мной сегодня», – с горечью писал Тарле 28 ноября 1930 г., находившийся к тому времени, говоря его собственными словами, уже «11-й месяц в каменном мешке». «Неужели в самом деле я абсолютно не нужен советской власти» [7, с. 575], – недоумевал он, активно сотрудничавший со следствием и отмежевывавшийся от С.Ф. Платонова и других историков, проходивших по «Академическому делу». В этих обстоятельствах становится понятной обостренная реакция Н.И. Кареева на критику, прозвучавшую в его адрес на открытом заседании Методологической секции Общества историков-марксистов, которое состоялось 18 декабря 1930 г. [2, с. 44-86]. На нем на примере историков Запада в СССР (В.П. Бузескула, Н.И. Кареева, Д.М. Петрушевского, Е.В. Тарле и др.) были подтверждены новые акценты во взаимоотношениях советских историков двух поколений, которые стали характеризовать историческую науку страны, начиная с 1928 г. [12, с. 156-189].

Противоречия между «старой школой» и молодыми историками-марксистами были переведены из разряда идеологических в политические. «Некоторые из вчерашних на-

ших идейных противников стали деятельными участниками антисоветских организаций, вроде академика Тарле или Платонова», – говорил в своем выступлении Н.М. Лукин, сделавший вывод, что «таким образом грань между идеологией и политикой здесь совершенно стерлась» [2, с. 45]. Вместо получения юбилейных адресов по случаю своего 80-летия Кареев был вынужден составлять оправдательные письма, могущие оградить его от вероятных последствий таких упоминаний. «Одна из причин плохого сна в предыдущую ночь заключалась в думах о том, как реагировать на доклад Лукина (академика), который тебе известен из газеты», – писал ученый своему брату В.И. Карееву 29 декабря 1930 г. Накануне он послал президенту Академии наук СССР академику А.П. Карпинскому и ее неизменному секретарю В.Л. Комарову письмо «с протестом против сближения с процессом Промпартии». В нем Н.И. Кареев указывал, что во всех его «писаниях он не может указать ни одного места, на котором отразились бы стремления господствовавших классов царской России» и что ряда его «работ антимарксистских в иностранной печати даже прямо и не существует». Историк был вынужден заниматься и распространением своей позиции среди научной общественности, рассылая копии с этого письма «некоторым знакомым академикам» [15, с. 194].

Требуется уточнения и вопрос о возможности и степени реализации научного потенциала Кареева в советский период его деятельности. В первую очередь необходимо ставить вопрос о влиянии морально-психологического фактора на исследователь-

скую работу ученого. Сохранение относительного физического и материального благополучия того или иного историка нельзя рассматривать в отрыве от духовной стороны жизни русских историков «старой школы». В воспоминаниях Кареева прямо указывается на изменение его мироощущения в постреволюционный период. «Не столько мои годы, сколько внешние обстоятельства превратили меня из участника жизни только в ее созерцателя, с чем тоже пришлось примириться», – писал он. Среди появившихся новых людей, учреждений и изданий он ощущал свое отчуждение, подчеркивая, что оно не было односторонним. «Кажется, с обеих сторон одинаково не было желания знакомиться», – делал вывод историк, констатируя, что «для новых общественных единений» он оказывался «неподходящим» [9, с. 300].

Образовавшаяся изоляция, хотя и не подкрепленная формальными запретами и ограничениями со стороны власти, приносила, тем не менее, свои плоды, ограничивая исследовательскую инициативу историка. Об этом можно судить, например, на основании письма Кареева другому именитому историку, И.М. Гревсу, датированного 23 июля 1927 г. В нем Кареев сообщал о том, что в течение нескольких дней внимательно читал «большую книгу Бухарина об экономическом материализме» [15, с. 242]. Историк имел в виду работу Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии», неоднократно переиздававшийся в 1920-е гг. [3]. В рукописи своего неопубликованного труда «Основы русской социологии» (отдельные фрагменты из него, затем

главы, а потом и книга целиком увидели свет в конце 80-х – середине 90-х гг. XX в.), в главе седьмой, посвященной марксистской социологии, Кареев анализировал эту работу Н.И. Бухарина в издании 1922 г. [8]. Хотя его собственных научных «взглядов она не переменяла», Кареев, полагая Н.И. Бухарина «не только ученым теоретиком, но практическим политическим деятелем», получившим высшее образование главным образом в эмиграции [8, с. 323], отнесся к книге серьезно. По прочтении историк сначала намеревался выступить с развернутой рецензией на нее: «Думал даже написать ее разбор», – сообщал он И.М. Гревсу. Но сам себя остановил, задаваясь вопросом: «а quoi bon? [какой смысл. – фр.]», так как не без оснований решил, что возможности обнародовать свои суждения у него не будет [15, с. 242]. Так и произошло. Анализ социологических взглядов Н.И. Бухарина, выполненный, тем не менее, Н.И. Кареевым, стал достоянием науки спустя несколько десятилетий после смерти ученого.

«Символический статус ученого», как бы он ни был высок, в условиях резкого размежевания поколений, отличавшего период становления и развития отечественной исторической науки в 1920–1930-е гг., не давал гарантий сохранения авторитета в научном сообществе в целом и полноценной исследовательской деятельности. Историки дореволюционной формации, оказавшиеся в одночасье осколками «старой школы», сталкивались лицом к лицу с проблемой упущенных научных возможностей. Работы, выполненные в духе классической русской исторической науки, становились все менее востребован-

ными. Кареев остро переживал эту ситуацию. «Так обгоняла меня быстро текущая жизнь, так все более сходил я с общественной сцены и даже при жизни начинал приходить в забвение», – сетовал он в своих воспоминаниях. «При создавшихся условиях стала невозможной даже простая перепечатка моих старых книг, наиболее ходких, как учебники истории, тем более, что школьное преподавание истории было радикально реформировано», – писал Кареев. Положение осложнялось также тем, что маститый историк не считал себя вправе «приспосабливаться и подделываться и хоть бы в мелочах с малейшим отречением от своего прежнего я» [9, с. 300-301].

Ослабление «символического статуса» Кареева имело под собой не только и не столько объективные причины, связанные с влиянием возраста

ученого на его исследовательскую активность. Оно находилось в прямой зависимости от научной экспансии молодых историков-марксистов. Условия, подрывавшие авторитет «буржуазных» историков, служили укреплению новой марксистской когорты, для которой, по верному замечанию историка «старой школы» Б.А. Романова, его поколение было «вредно своими сильными сторонами; и тем менее вредно, чем меньше в нем сильных сторон» [6, с. 87]. Таким образом, постановка вопроса о «символическом статусе ученого», несомненно, расширяющая возможности понимания процессов, происходящих в научных сообществах, не является универсальным методом для описания взаимоотношений исследователей и власти, особенно в переломные периоды истории.

Список литературы

1. **Архив РАН.** Ф. 697. Оп. 2.
2. **Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.)** // Историк-марксист. – 1931. – № 21. – С. 44-86.
3. **Бухарин Н.И.** Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. Изд 5-е. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – 390 с.
4. **Ганелин Р.Ш.** Советские историки: о чем они спорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. – СПб.: СПб ИИ РАН «Нестор-История», 2004. – 216 с.
5. **Дубровский А.М.** Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-е – 1950-е гг.). – Брянск: Изд-во Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, 2005. – 300 с.
6. **Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов.** Переписка 1940–1957 годов. – СПб.: «Лики России», 2010. – 479 с.
7. **Заявление Е.В. Тарле С.Г. Жупахину 28 ноября 1930 г.** // Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Часть вторая. – СПб.: Библиотека Академии наук, 1998. – 745 с.
8. **Кареев Н.И.** Основы русской социологии. – СПб.: Ламбех, 1996. – 368 с.
9. **Кареев Н.И.** Прожитое и пережитое / Подг. текста, авт. вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 382 с.
10. **Мертон Р.К.** Эффект Матфея в науке, II. накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. – 1993. Вып. 3. С. 256-276.
11. **Покровский М.Н.** Историческая наука и борьба классов. – М., Л.: Тип. «Пролетарское слово», 1933. Вып. 2. – 448 с.

12. **Сидоров А.В.** Марксистская историографическая мысль 20-х годов. – М.: Унив. гум. лицей, 1998. – 224 с.
13. **Тихонов В.В.** Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки. – М.: ИРИ РАН, 2014. – 218 с.
14. **Тихонов В.В.** Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. – М.: ИРИ РАН, 2012. – 390 с.
15. **Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы** / Автор-сост. Е.А. Долгова. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 512 с.

The list of references

1. **Архив РАН.** Ф. 697. Оп. 2.
2. **Burzhuznyye istoriki Zapada v SSSR (Tarle, Petrushevskij, Kareev, Buzeskul i dr.)** // Istorik-marksist. – 1931. – № 21. – С. 44-86.
3. **Buharin N.I.** Teoriya istoricheskogo materializma: Populyarnyj uchebnik marksistskoj sociologii. Izd 5-e. – М.; Л.: Gos. izd-vo, 1928. – 390 с.
4. **Ganelin R.SH.** Sovetskie istoriki: o chem oni sporili mezhdu soboj. Stranicy vospominanij o 1940-h – 1970-h godah. – SPb.: SPbII RAN «Nestor-Istoriya», 2004. – 216 с.
5. **Dubrovskij A.M.** Istorik i vlast': istoricheskaya nauka v SSSR i koncepciya istorii feodal'noj Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930-e – 1950-e gg.). – Bryansk: Izd-vo Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta im. Akad. I.G. Petrovskogo, 2005. – 300 с.
6. **Ekaterina Nikolaevna Kusheva – Boris Aleksandrovich Romanov.** Perepiska 1940–1957 godov. – SPb.: «Liki Rossii», 2010. – 479 с.
7. **Zayavlenie E.V. Tarle S.G. ZHupahinu 28 noyabrya 1930 g.** // Akademicheskoe delo 1929–1931 gg. Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU. Vyp. 2. Delo po obvineniyu akademika E.V. Tarle. CHast' vtoraya. – SPb.: Biblioteka Akademii nauk, 1998. – 745 с.
8. **Kareev N.I.** Osnovy russkoj sociologii. – SPb.: Lambekh, 1996. – 368 с.
9. **Kareev N.I.** Prozhitoe i perezhitoe / Podg. teksta, avt. vstup. st. i komment. V.P. Zolotarev. – L.: Izd-vo LGU, 1990. – 382 с.
10. **Merton R.K.** EHffekt Matfeya v nauke, II. nakoplenie preimushchestv i simbolizm intellektual'noj sobstvennosti // THESIS. – 1993. S. 256-276. Vyp. 3.
11. **Pokrovskij M.N.** Istoricheskaya nauka i bor'ba klassov. Vyp. 2. – М., Л.: Tip. «Proletarskoe slovo», 1933. – 448 с.
12. **Sidorov A.V.** Marksistskaya istoriograficheskaya mysl' 20-h godov. – М.: Univ. Gum. licej, 1998. – 224 с.
13. **Tihonov V.V.** Istoriki, ideologiya, vlast' v Rossii XX veka. Ocherki. – М.: IRI RAN, 2014. – 218 с.
14. **Tihonov V.V.** Moskovskie istoriki pervoj poloviny XX veka: nauchnoe tvorchestvo YU.V. Got'e, S.B. Veselovskogo, A.I. YAKovleva i S.V. Bahrushina. – М.: IRI RAN, 2012. – 390 с.
15. **Uchenyj v ehpoхu peremen: N.I. Kareev v 1914–1931 gg. Issledovaniya i materialy** / Avtor-sost. E.A. Dolgova. – М.: Politicheskaya ehnciklopediya, 2015. – 512 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 930.26:947.021

ИМПЕРИЯ ФРАНКОВ И БАЛТИЙСКИЕ СЛАВЯНЕ В ЭПОХУ КАРОЛИНГОВ

А. Пауль

Российско-немецкий исторический семинар (Росток, Германия)

В статье анализируются отношения Франкской империи и балтийских славян (ободритов и вильцев) в VIII – IX вв. Наряду с письменными источниками рассматривается посвящённая вопросу историография конца XX века, а также современные данные археологии. Данные автора позволяют подтвердить, что в эпоху ранних Каролингов происходит заимствование и усвоение балтийскими славянами многих элементов материальной культуры франкских элит и технологий, связанных с военным и керамическим ремеслом.

Ключевые слова: ободриты, вильцы, Франкская империя, эпоха Каролингов.

FRANKISH EMPIRE AND THE BALTIC SLAVS IN THE CAROLINGIAN ERA

A. Paul

Russian-German History Workshop (Rostock, Germany)

The article focuses on the relations between the Polabian Slavs (the Obodrites and the Wilzians) and the Frankish Empire in the VIII – IX centuries. Having reviewed the written sources, analyzed historiography of the late XX century and the modern archaeological materials, the author comes to the conclusion that the Polabian Slavs borrowed the material culture of the Frankish aristocrats and military and ceramic technology of the Frankish Empire in the early Carolingian Times.

Keywords: the Obodrites, the Wilzians, the Frankish Empire, Carolingian Times.

Вопрос отношений балтийских славян с Франкской империей и сменившим ее Восточным королевством уже не раз попадал в поле зрения исследователей. Действительно, упоминания контактов, союзов и войн с ободритами и вильцами занимают значительную долю в письменных источниках эпохи Каролингов. Также и данные археологии указывают на нема-

лое культурное влияние Франкской империи на северо-западные славянские племена в IX в. Появление в последние десятилетия нового, в первую очередь – археологического материала, позволяет сделать к уже имеющимся на настоящий момент работам немецких исследователей некоторые добавления.

1. *Контакты полабских племен с франками по данным письменных источников.* Начало контактов балтийских славян и франков восходят к эпохе Меровингов. Нуждаясь в союзниках во время завоевания Саксонии, франкские правители уже с первой половины VIII в. начали привлекать для этой цели проживавшие по другую сторону Эльбы племена. В хронике продолжателей Фредегара упоминается, что во время восстания саксов 747–748 гг. Пипин обратился к королям вендов и с их помощью устранил мятеж [см.: 7, р. 168-193]. Судя по географическому положению и участию фризов, речь должна была идти о соседствовавших с Саксонией с востока и севера вильцах или ободритах. По нескольким косвенным указаниям в источниках можно заключить, что контакты с этими племенами были заключены Каролингами еще на ранней стадии возвышения их династии. Так, в 789 г. осажденный Карлом Великим вильцкий король Драговит заявил, что получил свою власть некогда от *principis Carolo* [2, р. 789]. Эйнхард утверждал, что ободриты были подчинены франками в некий не названный период правления Карла Великого в ходе войны [8, р. 15]. Так как отношения ободритов и франков хорошо известны после 789 г., это подчинение могло прийти только на более раннее время.

С конца VIII в. отношения с вильцами и ободритами стали одним из главных аспектов франкской политики на севере. С этих пор и на протяжении всей первой трети IX в. упоминания обоих племен во франкских хрониках становятся практически ежегодными. Исследователями в этот период выделяется не менее 15 лич-

ных встреч ободритских и вильцских князей с франкскими правителями в разных частях империи [5, р. 76]. При этом отношения с вильцами и ободритами носили разный характер. Правители вильцев признавали верховную власть франкских королей по крайней мере с конца VIII в. Ободриты же при жизни Карла Великого в части франкских источников называются терминами союзники-федераты (*foederati*) и коалиционеры (*societati recepti*) [3, р. 789, 798], то есть представляются независимой дружественной силой. В другой части говорится об их вассальной зависимости от Карла [1, р. 795]. Неизменным остаются положительные высказывания о них франкских источников: в Лоршских анналах они названы «нашими славянами» (*Slavi nostri, qui dicuntur Abotridi*) и даже указывается, что несмотря на их язычество на их стороне был христианский Бог [1, р. 798; 8, р. 15]. Вильцы при этом характеризуются как «всегда враждебные франкам» [3, р. 789]. В действительности, в рассматриваемый период, ободриты были явными «фаворитами» франков. Именно их франки неизменно поддерживали в их войнах с другими славянскими племенами вильцев, линонов и смельдингов, а также саксов и данов. Очевидно, полное и окончательное признание ободритами вассальной зависимости от франков произошло намного позже вильцев и было тесно связано с личностью ободритского князя Дражко. В 804 г., кроме королевского титула, Карл Великий сделал ему грандиозный подарок, передав ему в управление Нордальбингию [2, р. 804], населенную тремя саксонскими племенами и фризами, область на юго-

западе Ютландии. Прирост территории королевства Држко от этого приобретения должен был составить не менее трети или даже половину. Кроме того, ободриты получали выход к Северному морю и контроль над частью важных саксонско-фризско-датских торговых путей.

В целом, до смерти Карла Великого отношения франков с ободритами были куда более тесными и дружественными, чем с вильцами. Кроме упомянутого выше частого пребывания ободритских посольств в королевских резиденциях франков, можно отметить и широкое взаимодействие в военном плане. Из источников известно, что франкские полководцы помогали Држко в командовании войсками. В распоряжение самого Држко по мере надобности Карл предоставлял саксонские войска. Известен и обратный пример взаимодействия, когда ободритские войска были предоставлены под командование франкского легата для похода в Ютландию [3, p. 798, 809, 815]. Во времена Людвига Благочестивого эти отношения начинают приходить в упадок. В 817 и 821 гг. происходят две неудачные попытки восстания ободритских правителей в союзе с данами. К середине IX в. наблюдается уже переход к стадии прямого военного (отражения экспансии франков) и религиозного (сопротивление попыткам христианизации) противостояния. Одновременно с этим происходит еще большее сближение балтийских славян с северными германцами в рамках языческой анти-франкской коалиции.

II. Археология. На наличие франкского импорта и заимствований тех или иных элементов материальной

культуры балтийскими славянами нередко указывалось немецкими археологами. Большинство из таких замечаний, впрочем, выдвигалось лишь в контекстах единичных находок в славянских землях на юге Балтики. Первые шаги по их систематизации и осмыслению феномена в целом начали проявляться лишь с конца 1970-х гг. и значительно оживились в 1990-х гг. На настоящий момент уже едва ли имеет смысл привлекать старые статьи Херрманна, Жака и Ваховского о франкских элементах в западнославянской культуре, так как имеется критический анализ их Братером. Вместе с тем до сих пор представляет интерес работа Габриеля о «придворной» культуре вагрской знати, касающаяся и других южнобалтийских регионов. Ценные дополнения к ней были сделаны Мессалем. Последним крупным трудом на данную тему на настоящий момент стала монография Гердса об изучении могильника в Гросс Штремкендорфе [5, 9, 10, 11, 12, 14, 15].

В своей статье Братер разделял «чужеземные товары» эпохи Каролингов, найденные в землях балтийских славян, на несколько основных категорий:

1. *Завезенные из Франкской империи вещи:* а) оружие: франкские мечи и шпоры с петлей и клепаным шипом (Ösensporen/ Schlaufensporen); б) «украшения», под которыми понимаются как украшение англо-каролингскими орнаментами различных предметов (в основном деталей ремней, всаднического обмундирования, ножен мечей), так и непосредственно носимые на одежде украшения, произведенные в западной части Каролингской империи

(Франция и Западная Германия); в) предметы быта, такие как керамика (Татингская, Бадорфская, круглые саксонские горшки, керамика с примесью ракушек), стеклянная посуда и изделия из базальтовой лавы (ручные мельницы) [5, р. 54-61, 69-72].

2. *Вещи, формы которых возникли у славян под влиянием франкских прототипов и технологий:* а) керамика (фельдбергская, «изящная ольденбургская керамика»); б) шпоры с крючком (Haken-sporen); в) архитектура (старигардского большого дома, крепостей). В силу ограниченности объема статьи в рамках ее нет возможности для подробного описания всех находок из перечисленных выше категорий. Все эти вещи, кроме 2(3), известны как с территорий вильцев, так и ободритов. Информацию об отдельных находках вместе с картами распространения и комментариями по датировкам можно получить из указанных выше ссылок. В случае развития форм фельдбергской керамики и шпор с крючком речь идет о культурном влиянии еще эпохи Меровингов. Можно признать справедливыми выводы исследователя о наблюдаемом перенятии славянскими элитами «придворной» культуры франкской знати (13). Действительно, все категории находок, кроме разве что базальтной лавы, были связаны с военным делом, роскошью и культурой элит. Нередко посещавшие резиденции франкских королей и императоров вильцские и ободритские князья, их сопровождение и послы могли получать некоторые из этих дорогостоящих и редких на севере вещей в процессе обмена дарами, сопровождавшего подобные встречи. Привозимые на родину они могли

служить символом статуса их владельцев и становиться прототипами для местных подражаний. Кроме того, пример с посольством Готтфрида к Карлу Великому показывает, что в качестве послов могли выступать и купцы [3, р. 809]. Кроме археологических, имеются и письменные источники об импорте франкского оружия на юг Балтики. В 805 г. Диденхоффским капитулярием был введен запрет на продажу мечей и доспехов в торговых городах по всей границе империи со славянами. Три перечисленных в нем места (Бардовик, Шезла, Магдебург) находились на границе с ободритами и вильцами, из чего можно заключить, что до начала IX в. импорт оружия в их земли должен был процветать. Едва ли запрет 805 г. мог распространяться, кроме других славян, и на ободритов. Вплоть до 815 г. франки активно использовали их войска для войн с саксами, данами и вильцами. Потому ограничение военного потенциала ободритов противоречило бы всей тогдашней политике Каролингской империи на севере.

Вполне подтверждая письменные источники, археологические находки также показывают наибольшее влияние франкской культуры на ободритов в конце VIII – первой половине IX века. Так, крепость Старигард/Ольденбург в горизонте 2а (приблизительно между 775 и 830 гг.) начинает переживать свой первый расцвет. Площадь крепости увеличивается практически вдвое, что говорит как о ее возросшем значении, так и об увеличении населения (предположительно – знатного) в ее пределах. Уже в конце VIII в. внутри появляется выдающееся своими размерами строение, интерпретированное

Габриелем как первый двор вагрийского князя. Строение не находит аналогов на юге Балтики того времени, но показывает большое сходство с королевской резиденцией Карла Великого в Падеборне того же времени. Непосредственно внутри или рядом с княжеским двором были найдены осколки стеклянных бокалов, произведенных во Франкской империи. Картину находок дополняют найденные в крепости и датированные тем же временем многочисленные предметы с англо-каролингской орнаментикой: детали ремней и конской упряжи, накладки и ремешки для ножен мечей, а также франкские петельчатые шпоры [9, р. 155-157, 182-193, 197], которые присутствуют здесь вместе с местными, уже славянскими имитациями.

Показательно присутствие в Старгарде импортной западноевропейской керамики из Франкской империи исключительно в горизонте 2 (775–885 гг.). Речь идет об осколках саксонских круглых горшков и фризско-франкских кувшинов Татингского типа. Исключительно в том же горизонте 2 встречается и особенный тип керамической посуды, названной Габриелем «изысканной ольденбургской керамикой». Этот тип возник в Старигарде на основе местной фельдбергской керамики под влиянием орнаментировки франкских татингских кувшинов (16). «Изящная ольденбургская керамика» изготавливалась лишь недолгий период в IX в., однако не исчезла бесследно. По мнению Мессаля, исследовавшего вильцскую крепость рядом с поселением Глинке, в восточной части земли Мекленбург-Передняя Померания, используя ольденбургскую керамику

в качестве примера, в IX в. местные гончары развили традиционную фельдбергскую керамику до новой, еще более роскошной формы, названной им типом Глинке [12, р. 84-95]. Подобно «ольденбургской изящной», тип Глинке изготавливался лишь в этой единственной крепости, являясь наглядным примером заимствования элитной культуры по требованию и для нужд местной славянской знати.

Наработки Братера можно дополнить крайне интересным материалом, найденным рядом с деревней Гросс Штремкендорф в Висмарской бухте, в районе расселения «восточных ободритов» или «ободритов в узком смысле». Основанное в первой половине VIII в., это древнеславянское поселение было типичным приморским эмпорием своего времени. В это время на южном побережье Балтики возникла целая цепь подобных торговых поселений (Росток-Дирков, Ральсвик на Рюгене, Менцлин на Пене, Волин), обеспечивавших торговлю местных жителей по морю со странами Скандинавии, Прибалтики, северной Руси и Восточной Европы. Обычными ремеслами здесь были обработка цветного металла, кузнечное и ювелирное дело, обработка стекла и производство бусин, обработка янтаря, кости и рога, включая производство гребней. В настоящее время ни у кого из немецких археологов уже нет сомнений в том, что речь идет об историческом Рерике, разрушение которого описывается во Франкских анналах в 808 г. Среди находок в Гросс Штремкендорфе бросается в глаза наиболее высокий процент присутствия западноевропейской керамики среди всех осталь-

ных эмпориев балтийских славян. В общем 5,6% от общего числа находок составляет найденная здесь керамика типов Татинг, Бадорф, Маен, Вальберберг, саксонские и фризские типы (в том числе с примесью раковин и амфоры), а также меровингская черная керамика [6, tab. I]. При этом половина этой импортной западноевропейской керамики была произведена в «центральном» для франкской империи Рейнском регионе. Другая половина приходится на типично фризские типы (саксонские типы представлены всего 0,1%). Для сравнения, в Старигарде импортная западноевропейская керамика в тот же период представлена менее, чем 1%; а доля скандинавской керамики в Гросс Штремкендорфе составляет лишь 2,2%. Такое распределение говорит о том, что торговля по «западному торговому пути» (из Рейских областей, через Фризию), представляла приоритетное направление для местных купцов.

Исследовавший найденный в Гросс Штремкендорфе значительный материал стеклянных вещей Пехе пришел к выводу, что для местного производства бусин здесь использовались импортированные из центров изготовления стеклянной посуды заготовки. При несомненном западном происхождении подавляющего большинства стеклянных изделий предполагается, что в Гросс Штремкендорф, как и в Скандинавию, они могли поступать по тому же «западному торговому пути» через Фризию из Рейнского региона или южной Англии [13, p. 204-205]. По всей видимости, к ранней Каролингской эпохе может восходить и усвоение славянами таких элементов культуры

франкской империи, как погребальный обряд знати. Внимание привлекает открытое в могильнике Гросс Штремкендорфа камерное захоронение, являющееся наиболее ранним из известных на южной Балтике. Камерные захоронения были широко распространены в Европе уже в первой половине I-го тысячелетия н.э. Однако в Скандинавии и на Британских островах традиция этого обряда прерывается в эпоху Великого переселения народов. В центральной Европе он сохраняется по линии Альп и Дуная – древней границе Римского и «варварского» мира.

Очевидно, этот обряд должен был являться элементом еще языческой культуры «варварских» племен на раннем этапе их романизации и христианизации. В южной части Германии, аллеманских и баварских землях он был известен до VII в., после чего начинает «отступать» на север. В VII–VIII вв. камерные захоронения широко распространяются в Саксонии, и появление этого обряда здесь определенно можно связать с франкским влиянием. К концу VIII в. использование погребальных камер сохраняется в основном в самых северных областях Саксонии, в Нордальбингии, округе Гамбурга, Вигмодии и прилегающей части Фризии. Последние северосаксонские захоронения датируются началом IX в. Потому вполне обоснована аргументация Гердса о том, что в Гросс Штремкендорф этот погребальный обряд должен был попасть из северной Саксонии или Фризии [10, p. 88]. Нельзя оставлять в стороне и то обстоятельство, что в последние годы существования Рерика ободритам принадлежала населенная саксами Нордальбингия (804–808/809 гг.).

С точки зрения франкско-славянских связей эта находка также может оказаться крайне интересной. Камерные захоронения были широко известны на юге Балтики и ранее. Принадлежность их местным славянам не вызывает сомнения [4, р. 139-140]. Однако до сих пор археологам не удавалось ответить на вопрос, откуда эта традиция здесь появилась. Точнее, вопрос состоял в том, откуда произошло ее заимствование, так как аргументировать независимое ее развитие, ввиду

идентичности саксонским и скандинавским камерам представляется непосильной задачей. Известные ранее южнобалтийские камерные захоронения были датированы X–XII вв.

Таким образом, датируемая концом VIII – началом IX века находка из Рерика оказывается своеобразным «связующим звеном» между прекратившейся к началу IX в. в северной Саксонии традицией и более поздними славянскими камерными захоронениями (рисунок).

Рисунок. Камерные захоронения VIII и IX вв. в северной Германии южной Скандинавии (Gerds 2015: 87)

Археология Гросс Штремкендорфа позволяет проследить также и путь проникновения камерных захоронений в Данию, где прежде предполагалось их достаточно спорное заимствование из Швеции. Однако в Швеции лишь редкие камерные захоронения относятся к IX в., в основном принадлежа к X в. В Дании же они впервые появляются в Хедебю во второй четверти IX в. в виде камерного лодочного захоронения и получают более широкое распространение в середине IX в. Учитывая, что в Рерике такой обряд практиковался незадолго до переселения его жителей в 808 г. в Хедебю, картина представляется достаточно наглядной. По всей видимости, в конце VIII – начале IX в. этот обряд из северной Саксонии или Фризии проник сначала в ободритские земли

и отсюда – возможно даже посредством исторически известного переселения жителей Рерика – попадает в Хедебю (первая половина IX века), из которого распространяется далее по всей Дании и даже Швеции (конец IX–X в.). Описанный выше пример наглядно показывает ранний этап становления надэтнической циркумбалтийской культуры. Среди населения балтийских эмпориев смешивались подкрепленные новыми культурными импульсами из Франкской империи старые славянские, скандинавские и саксонские «языческие» традиции. Этот начавшийся не позднее второй половины VIII в. процесс еще более усилился со второй трети IX в. после образования антифранкской «языческой коалиции» балтийских славян и скандинавов.

Список литературы

1. **Annales Laureshamenses** // Fragmentum annalium Chesnii. Monumenta Germaniae Historica. SS. – Hannover: Impensis Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826.
2. **Annales Mettenses priores** // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum. – Hannover & Leipzig, 1905.
3. **Annales Regni Francorum** // Monumenta Germaniae Historica. SSG in us. schol. – Hannover, 1895.
4. **Biermann F.** Bootsgrab-Brandgrab-Kammergrab. Die slawischen Gräberfelder von Usedom im Kontext der früh- und hochmittelalterlichen Bestattungssitten in Mecklenburg und Pommern. – Leidorf, 2009.
5. **Brather S.** Merowinger- und karolingerzeitliches «Fremdgut» bei den Nordwestslawen. Gebrauchsgut und Elitenkultur im südwestlichen Ostseeraum // Prähistorische Zeitschrift, Band 71, Walter de Gruyter. – Berlin-New York, 1996.
6. **Bronsson T.** The pottery from the early medieval trading site and cemetery at Groß Strömkendorf, Lkr. Nordwestmecklenburg. Wiesbaden, 2010.
7. **Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii** // Monumenta Germaniae Historica. SRM. V. II. – Hannover, 1888. P. 168-193. См.:
8. **Einhardi Vita Karoli Magni** // Monumenta Germaniae Historica, Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi 25. Hahn, sechste Aufl. – Hannover, 1911.
9. **Gabriel I.** Hofkultur, Heerwesen, Burghandwerk, Hauswirtschaft // Müller-Wille M. (Hrgs.) Strarigard/Oldenbourg. Ein slawischer Herrschersitz des früheren Mittelalters in Ostholstein. – Wachholtz Verlag Neumünster, 1991.
10. **Gerds M.** Das Gräberfeld des frühmittelalterlichen Seehandelsplatzes von Groß Strömkendorf, Lkr. Nordwestmecklenburg, Reichert Verlag Wiesbaden, 2015.
11. **Herrmann J.** Der Beitrag der Archäologie zur Geschichte der Beziehungen zwischen fränkischen Reich und nordwestslawischen Stämmen // Prace i mat. muz., Ser. arch. 25, Lodz.

12. **Messal S.** Glienke: eine slawische Burg des 9 und 10. Jahrhunderts im östlichen Mecklenburg, Reichert Verlag Wiesbaden, 2015.
13. **Pöche A.** Perlen, Trichtergläser, Tesserae. Spuren des Glashandels und Glashandwerks auf dem frühgeschichtlichen Handelsplatz von Gross Strömkendorf. Schwerin, 2005.
14. **Wachowski K.** Kultura karolinska a Slowianszczyzna zachodnia // Studia arch. 23, Wroclaw 1992.
15. **Zak J.** Frankijskie elementy kulturowe w kulturze protopolskiej (V/VI–IX w.) // Pomorania ant., 1979.

The list of references

1. **Annales Laureshamenses** // Fragmentum annalium Chesnii. Monumenta Germaniae Historica. SS. – Hannover: Impensis Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826.
2. **Annales Mettenses priores** // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum. – Hannover & Leipzig, 1905.
3. **Annales Regni Francorum** // Monumenta Germaniae Historia. SSG in us. schol. – Hannover, 1895.
4. **Biermann F.** Bootsgrab-Brandgrab-Kammergrab. Die slawischen Gräberfelder von Usedom im Kontext der früh- und hochmittelalterlichen Bestattungssitten in Mecklenburg und Pommern. – Leidorf, 2009.
5. **Brather S.** Merowinger- und karolingerzeitliches «Fremdgut» bei den Nordwestslawen. Gebrauchsgut und Elitenkultur im südwestlichen Ostseeraum // Prähistorische Zeitschrift, Band 71, Walter de Gruyter. Berlin-New York, 1996.
6. **Brorsson T.** The pottery from the early medieval trading site and cemetery at Groß Strömkendorf, Lkr. Nordwestmecklenburg. Wiesbaden, 2010.
7. **Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii** // Monumenta Germaniae Historica. SRM. V. II. – Hannover, 1888. P. 168-193. Sm.:
8. **Einhardi Vita Karoli Magni** // Monumenta Germaniae Historica, Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi 25. Hahn, sechste Aufl. – Hannover, 1911.
9. **Gabriel I.** Hofkultur, Heerwesen, Burghandwerk, Hauswirtschaft // Müller-Wille M. (Hrgs.) Strarigard/Oldenburger. Ein slawischer Herrschersitz des früheren Mittelalters in Ostholstein. – Wachholtz Verlag Neumünster, 1991.
10. **Gerds M.** Das Gräberfeld des frühmittelalterlichen Seehandelsplatzes von Groß Strömkendorf, Lkr. Nordwestmecklenburg, Reichert Verlag Wiesbaden, 2015.
11. **Herrmann J.** Der Beitrag der Archäologie zur Geschichte der Beziehungen zwischen fränkischen Reich und nordwestslawischen Stämmen // Prace i mat. muz., Ser. arch. 25, Lodz.
12. **Messal S.** Glienke: eine slawische Burg des 9 und 10. Jahrhunderts im östlichen Mecklenburg, Reichert Verlag Wiesbaden, 2015.
13. **Pöche A.** Perlen, Trichtergläser, Tesserae. Spuren des Glashandels und Glashandwerks auf dem frühgeschichtlichen Handelsplatz von Gross Strömkendorf. Schwerin, 2005.
14. **Wachowski K.** Kultura karolinska a Slowianszczyzna zachodnia // Studia arch. 23, Wroclaw 1992.
15. **Zak J.** Frankijskie elementy kulturowe w kulturze protopolskiej (V/VI–IX w.) // Pomorania ant., 1979.

УДК 331.03

**«ЗА ПРАВО ПОЛЬЗОВАНИЯ ПРАВАМИ ГРАЖДАН
НАШЕЙ РОДИНЫ...»: ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН,
ВЕРНУВШИХСЯ ИЗ ПЛЕНА В ПЕРИОД И ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО ДОКУМЕНТАМ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)**

Е.Ю. Болотова

*Д-р ист. наук, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*

Ж.Ю. Гаевская

*Канд. ист. наук, Центр документации новейшей истории
Волгоградской области, gaevskayajanna@gmail.com*

В данной статье на основе источников личного происхождения с привлечением нормативных документов и периодической печати проанализировано правовое положение советских граждан, вернувшихся из плена в годы Великой Отечественной войны и после её окончания.

Представлены факты законодательного ограничения свободы репатриантов, принудительного использования их труда, работы не по специальности на предприятиях черной металлургии, угольной и лесной промышленности, восстановлении жилых домов, предприятий и организаций в различных регионах Советского Союза. В противовес этому приведены данные о позиционировании репатриантов средствами массовой информации как полноправных советских граждан.

Ключевые слова: репатриация, репатрианты, государственная проверка, принудительный труд, ограничение прав, источники личного происхождения, документы архивного фонда Российской Федерации.

**““FOR THE RIGHT TO EXERCISE THE RIGHTS OF THE CITIZENS
OF OUR MOTHERLAND ...”: THE STATUS
OF THE SOVIET CITIZENS WHO RETURNED FROM CAPTIVITY
DURING AND AFTER THE GREAT PATRIOTIC WAR
(BASED ON PERSONAL PROVENANCE DOCUMENTS)**

E.Y. Bolotova

Doctor of Historical Sciences, Volgograd State Socio-Pedagogical University

Zh.Yu. Gaevskaya

*PhD, the Volgograd Region Documentation Center for the history of the modern world
gaevskayajanna@gmail.com*

This article provides the analysis of the legal status of the Soviet citizens who returned from captivity during and after the Great Patriotic war. The analysis is conducted on the basis of personal provenance documents as well as governing documents and periodicals.

The article provides the facts of legislative restrictions of freedom of the repatriates, using them as forced labour, making them work at the enterprises of ferrous metallurgy, coal mining and forestry, in the restoration of houses, plants and organizations in different regions of the Soviet Union. On the contrary, the data presented by the mass media about the status of the repatriates show that they enjoyed all the rights of the Soviet citizens.

Keywords: repatriation, repatriate, governmental inspection, forced labour, restriction of rights, sources of personal origin, documents of the Archival Fund of the Russian Federation.

Одной из самых горьких страниц нашей истории стала Великая Отечественная война. В обстановке войны произошло расширение сферы применения уголовных наказаний, появились новые составы преступлений. В связи с тем, что почти 2 млн. советских военнослужащих (49% от общего числа военнопленных за все годы войны) летом 1941 г. находились в плену, подлинным выражением состава преступления стал сам факт пленения [21, с. 92]. И.В. Сталиным было определено: «Русский солдат сражается до конца. Если он выбирает плен, он автоматически перестает быть русским» [подробнее см.: 22]. Негативное отношение со стороны властей к вернувшимся из плена советским гражданам еще в начале войны выразилось в создании специальных лагерей (спецлагерей) для их проверки и фильтрации [17, д. 17, л. 179-179об].

До июля 1944 г. лагеря данного вида входили в систему Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, то есть не имели отношения к исправительно-трудовым учреждениям ГУЛАГа. Содержавшиеся в спецлагерях бывшие военнослужащие не были осуждены, они проходили первоначальную проверку на предмет причастности к изменникам Родины [8, д. 2. л. 23об.-25об]. Однако стесненное правовое

положение позволяет приравнивать их к заключенным: находились на режимных условиях, исполняли принудительные работы. С ноября 1943 г. по октябрь 1944 г. в спецлагеря НКВД СССР поступило 421199 чел. [12, с. 4.]. Вернувшиеся из плена привлекались к работе на оборонных предприятиях [18, д. 161, л. 75-106], предприятиях угольной промышленности [19, д. 2, л. 41-42], а также на восстановлении ряда существующих и строительстве новых предприятий и учреждений [20, д. 2, л. 131-132].

Со второй половины 1944 г. спецлагеря НКВД СССР начали пополняться освобожденными из плена советскими гражданами, которые были вывезены за границу – репатриантами. Исследователи, занимавшиеся различными вопросами репатриации, отмечали, что во время Великой Отечественной войны на территориях Германии и союзных ей стран оказалось 10181356 советских граждан [23, с. 5]. В связи с потребностью компенсации репатриантами дефицита рабочей силы в СССР, необходимостью выявления изменников Родины и недопустимостью новой волны эмиграции, репатриация носила обязательный характер [11, с. 27]. Опасаясь, что прецеденты репрессивной государственной политики военного времени в отношении красноармейцев, находившихся в плену или окружении, и

граждан, проживавших на оккупированных территориях, повлияют на их желание вернуться в СССР, советскими властями была развернута пропаганда, направленная на формирование внешне лояльного отношения к репатриантам. Так, в начале ноября 1944 г. уполномоченный Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-полковник Ф.И. Голиков дал интервью корреспонденту ТАСС, отметив, что советские граждане «будут приняты дома, как сыны Родины. Даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину» [13, с. 2].

Однако репатриантам пришлось столкнуться с иной действительностью.

Большинство вернувшихся в СССР были ограничены в возможности выбора места проживания и работы. Они направлялись в проверочно-фильтрационные пункты, в спецлагеря НКВД СССР (с февраля 1945 г. – проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР [12, с. 48]), или зачислялись в отдельные рабочие батальоны НКВД [8, д. 1. л. 2-3]. По результатам прохождения проверки в ПФЛ НКВД СССР, граждан, не служивших в немецких формированиях, не являвшихся бывшими военными служащими Красной Армии и невоеннообязанных, предписывалось направлять к месту жительства, кроме режимных населенных пунктов [8, д. 1. л. 26], а бывших военнопленных Красной Армии и военнообязанных, не служивших в немецких формированиях и не являвшихся полицейскими,

предписывалось освободить и до особого распоряжения закрепить за предприятиями, на которых они работали [8, д. 1. л. 24].

Законодательно было разрешено использование труда освобожденных из плена советских граждан на предприятиях угольной и лесной промышленности, а также черной металлургии [18, д. 411, л. 49-51; д. 533, л. 41]. Бывшие пленные граждане привлекались к выполнению разнопрофильных работ в различных регионах СССР: на восстановление шахт Сталинской области [2, с. 470, 476], на предприятия угольной, металлургической и горнодобывающей промышленности Кузбасса [1], на заводы тяжелого машиностроения, черной, цветной металлургии, лесной промышленности в Свердловской области [3, с. 179], на восстановление жилых домов, предприятий и организаций Сталинградской области [4].

30 сентября 1946 г. вышло постановление Совета Министров СССР № 2220 «Об упорядочении использования в промышленности, на строительстве и транспорте репатриантов – бывших военнопленных и военнообязанных и о распространении на них льгот, предусмотренных для демобилизованных». Согласно ему, на репатриантов, переданных из рабочих батальонов в постоянные кадры предприятий истроек, полностью распространялись права и льготы штатных рабочих и служащих. Предписывалось предоставлять репатриантам работу согласно их гражданским специальностям. Постановлением было установлено распространение на бывших военнопленных льгот, предусмотренных для демобилизованных военнопленных» [6, д. 285, л. 240-241]. Однако

отмеченное постановление Совета Министров вовсе не обязывало администрации строек и предприятий освободить от работы и направлять репатриантов по месту жительства [7, д. 8, л. 13], то есть они оставались на предприятиях и после расформирования ОРБ НКО СССР, что говорит об ограничении прав данной категории советских граждан. Такое правовое поле, которое к тому же доходило до репатриантов не от первоисточника, в совокупности с официальной пропагандой и негативом со стороны общественности, порождало непонимание своего статуса и своих возможностей.

По документам личного происхождения – письмам, которые вернувшиеся из плена направляли в высшие инстанции, можно проследить несоответствие юридической и фактической стороны их правового положения. Если в советской исторической науке эти письма с трудом бы встроились в созданный советской пропагандой репрезентативный ряд нормативных, делопроизводственных документов и периодической печати, то сегодня они являются важным свидетельством, на эмоциональном уровне отразившим последствия плена. В документах архивного фонда «Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953)» [15], находящегося на хранении в Российском государственном архиве социально-политической истории, содержатся документы, присланные И.В. Сталину [16]. Среди входящей корреспонденции имеются письма репатриированных советских граждан, для которых глава государства – «последняя инстанция справедливости» [16, д. 867, л. 21] в вопросе их правового положения. Письма датированы 1946 г.

Письма за 1944 выявлены также в архивном фонде «Проверочно-фильтрационное лагерное отделение при УНКВД СССР по Сталинградской области» [5] Государственного архива Волгоградской области.

В письмах репатрианты обращались к Сталину исключительно как «Великий вождь», «дорогой», «родной отец народов СССР», «учитель» [16, д. 895, л. 104-105, 110-111] и желали ему: «искренне и от души [...] здравствовать многие лета и плодотворно крепить и расширять братский союз народов СССР на страх и гибель врагам» [16, л. 111]. Анализ комплекса писем репатриантов показал, что часто в текстах встречаются выражения, отражающие именно непонимание своего настоящего правового положения и возможных изменений этого положения: «решите обо мне вопрос, оставаться мне и дальше в лагере или быть ни в чем не виновным, идти на фронт или работать [...]» [5, д. 18. л. 198-200]; «потеряли всякую надежду на получение справедливого ответа и помощи на право пользования законодательным правом гражданина нашей Родины [...], считаем, что только от Вас сможем получить исчерпывающий ответ по вопросу нашего положения [...]. Когда же будет этому конец?» [16, д. 867, л. 21-22]; «просим Вас сообщить в скором времени нам точный ответ: сколько мы должны находиться оторванными от своих семейств, которые живут по всем концам нашей любимой страны. [...] Просим Вас сообщить нам точный результат нашей дальнейшей жизни» [16, д. 895, л. 33]; «мы просим Вас [...] разъяснить нам, кто мы и какие наши права в на-

стоящее время и что будет в дальнейшем с нами» [16, л. 105].

Приведенные отрывки писем включают в себе универсальное военное понятие, сохранившееся и в послевоенное время – ожидание. Однако в данном случае подтекст его иной, это не ожидание окончания войны и освобождения из плена, оно не зависело от военных сводок. Репатрианты ждали восстановления своих законных прав, срок которого в их понимании не был определен. На фоне правовой неопределенности после возвращения из плена сама горечь от ранений, контузий и тяжести нахождения в плену противника отходила на второй план. Перед репатриантами встала проблема бесправия на Родине, ощущавшегося во всем: «6 августа 1942 г. при отходе Южного фронта я попал в окружение. [...] Вскоре [после освобождения] я был мобилизован на восстановление моста через р. Дон, затем переведен на завод Ростсельмаш. Проработав на заводе до 28 февраля 1944 г. меня по повестке призвал военкомат Сталинского района и направил меня на проверку в спецлагерь № 205 г. Краснодара. 13 апреля 1944 г. меня перевезли в спецлагерь № 0108 [г. Сталинграда]. Здесь я нахожусь по настоящее время. [...] И к тому же, я не могу знать, в чем я виноват, почему меня держат в лагере. Конечно, может быть это так надо, но поражает, что и жену подвергли какому-то допросу о моих похождениях» [5, д. 18, л. 198-200]. «[...] Но вместо того чтобы после всех терзаний дать человеку нормальную жизнь, командование [...], вопреки всем существующим законам [...], нас, старогодичников, [...] направило в рабочий батальон в Горьковскую область

г. Дзержинск на завод им. Калинина для выполнения производственных работ [...]. Есть круг лиц, недопонимающих нашего положения, который отравляет нам жизнь [...]» [16, д. 867, л. 21-22]. «[...] Все мы имеем в разных краях и областях СССР детей, жен, братьев, сестер, которые также были участниками Отечественной войны непосредственно на фронте и в тылу [...]. Родные в письмах спрашивают нас, когда мы вернемся к ним и проживем вместе. Мы не можем что-либо писать семьям о возврате домой, так как от командования и особого отдела мы не добьемся никаких результатов. Наше военное командование говорило, что через три месяца после государственной проверки, которую мы прошли, нас должны направить по своим районам, а также многие из нас читали приказ генерала Голикова, в котором было сказано, что все граждане, не виновные в измене Родине, будут направлены по тем производствам и специальностям, где они работали до войны [...]» [16, д. 895, л. 110-111]. «[...] Мы приехали в Сталинскую область, станция Ханиасновка, шахта 21 им. Хрущева [...]. Майор нам говорил, что вы на этой шахте должны оправдать сами себя. Весь батальон приступил со всеми силами и с большой энергией, чтобы оправдать себя перед своей любимой Родиной. [...] У всех после этого поднялся дух, так как своих родных и семейств не видели по четыре и пять лет. Но после 1945 г. оказалось наоборот. Даже не стали пускать в отпуск, даже получали телеграммы, заверенные врачами, что родные больны или умерли и, то же самое, не пускали, говоря, что нам нужна рабочая сила [...]» [16, д. 895, л. 32-33]. «[...] В конце ноября 1945 г.

рабочий батальон, в который вошла и наша группа, был отправлен в г. Днепропетровск на гвоздильно-проволочный завод «Красный Профинтерн», где до конца февраля месяца 1946 г. проходили госпроверку и одновременно работали и работаем до сих пор. [...] До настоящего времени мы совершенно не имеем никаких документов, дающих нам право быть полноправными гражданами своей Родины. [...] В настоящее время дирекция завода объявила нам, что мы здесь на работе в заводе закреплены пожизненно и что мы к своим семьям не поедим, а предлагают ликвидировать свое хозяйство по месту жительства семей, а семью перевезти сюда, в то же время, не обеспечивая семей жилой площадью [...]» [16, д. 895, л. 104-105].

В письмах репатриантов присутствует много высказываний относительно работы не по специальности и профессиональной несостоятельности на той работе, где их труд применялся: «в Сталинграде по специальности машиниста крана я не работаю» [5, д. 18, л. 198-200]; «до войны мы были инженерами, техниками, учителями, врачами, а сейчас мы стали ненужными людьми и выброшены в мусорную яму» [16, д. 867, л. 22]; «мы уверены, что гораздо больше дадим пользы для страны, имея большой опыт в какой-либо работе» [16, д. 895, л. 111]; «но ведь сейчас мы находимся там, где не все могут принести пользу, хотя они всеми силами стараются, но у них ничего не получается, только мучают сами себя, [...] есть большие специалисты по другим отраслям, но не по угольной промышленности» [16, д. 895, л. 33]; «работаем мы на разных работах в

большей части не по своим специальностям, а среди нас имеются неплохие специалисты, которых используют в основном на подсобных работах и учениками» [16, д. 895, л. 104-105].

Иной смысл имели письма, подготовленные официальной пропагандой, которые записывались на пленку и передавались по радио. Письма датированы 1948 г. и находятся на хранении в архивном фонде «Управление Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации» [9] ГАРФ. Например, в письме репатриированного Т. читаем «[...] Нас, репатриировавшихся, везде встретили приветливо, по-дружески. Теперь все мы являемся полноправными и равными гражданами. Соотечественники на чужбине! Не медлите с возвращением на Родину [...]» [10, д. 559, л. 26]. В письме группы репатриированных граждан, возвращающихся в СССР, «министрам иностранных дел четырех держав» отмечено: «[...] Мы убедились, что единственный и справедливый путь беженцев – это путь возвращения на Родину [...]» [10, д. 559, л. 55].

В целом, привлечение источников личного происхождения обозначило факт неоднозначности правового поля, в котором находились советские граждане, вернувшиеся из плена. Приведенные письма имели разные цели, разных адресатов и, соответственно, несли разный смысл относительно одной правовой ситуации. Документы данного вида помогают оценить последствия политики советского государства в отношении освобожденных из плена и дополнить официальное представление об их судьбах.

Список литературы

1. **Бикметов Р.С.** Репатрианты в промышленности Кузбасса (1945–1948 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 300-1. – С. 82-86.
2. **Бичехвост А.Ф.** История репатриации советских граждан: трудности возвращения (1944–1953 гг.). – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008. – 536 с.
3. **Вертилецкая Е.В., Мотревич В.П.** Репатрианты в Свердловской области в 1945–1947 гг. // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. – Екатеринбург, Вып. 4. – 2004. – С. 179-193.
4. **Гаевская Ж.Ю.** Спецконтингент в составе сталинградских строительных организаций (1945–1950 гг.) // Актуальные проблемы историко-краеведческих исследований: сборник научных трудов / Ред. кол.: Е.Ю. Болотова, А.С. Лапшин, А.В. Липатов. – Краснослободск, 2015. С. 123-130.
5. **Государственный архив Волгоградской области.** Ф. Р-1128. Оп. 1. 165 ед. хр.
6. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5446. Оп. 1.
7. **ГАРФ.** Ф. Р-5446. Оп. 48.
8. **ГАРФ.** Ф. Р-9408. Оп. 1.
9. **ГАРФ.** Ф. Р-9526. Оп. 1-6. 2771 ед. хр.
10. **ГАРФ.** Ф. Р-9526. Оп. 1.
11. **Земсков В.Н.** К вопросу о репатриации советских граждан: 1944–1951 гг. // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 26-41.
12. **Земсков В.Н.** ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. – 1991. – № 7. – С. 3-16.
13. **Интервью уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Ф.И. Голикова корреспонденту ТАСС** // Правда. 11 ноября. 1944. – № 271. – С. 2.
14. **Латышев А.В.** Сеть проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР в 1942–1945 гг. // Клио. – 2014. – № 9. – С. 48-52.
15. **Российский государственный архив социально-политической истории.** Ф. 558. Оп. 1-11. 16174 ед. хр.
16. **РГАСПИ.** Ф. 558. Оп. 11. 1692 ед. хр.
17. **РГАСПИ.** Ф. 644. Оп. 1.
18. **РГАСПИ.** Ф. 644. Оп. 2.
19. **Российский государственный военный архив.** Оп. 1 и.
20. **РГВА.** Ф. 1/п. Оп. 23 а.
21. **Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий** // НиНИ. – 1996. – № 2. – С. 91-112.
22. **Толстой Н.Д.** Жертвы Ялты. – М.: Русский путь, 1996. – 453 с.
23. **Шевяков А.А.** Тайны послевоенной репатриации // Социологические исследования. – 1993. – № 8. – С. 3-11.

The list of references

1. **Bikmetov R.S.** Repatrianty v promyshlennosti Kuzbassa (1945–1948 gg.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2007. – № 300-1. – S. 82-86.
2. **Bichekhvost A.F.** Istoriya repatriacii sovetskih grazhdan: trudnosti vozvrashcheniya (1944–1953 gg.). – Saratov: Izd-vo GOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava», 2008. – 536 s.
3. **Vertileckaya E.V., Motrevich V.P.** Repatrianty v Sverdlovskoj oblasti v 1945–1947 gg. // Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost': sbornik nauchnyh trudov. – Ekaterinburg, Vyp. 4. – 2004. S. 179-193.

- 4. Gaevskaya ZH.YU.** Speckontingent v sostave stalingradskih stroitel'nyh organizacij (1945–1950 gg.) // Aktual'nye problemy istoriko-kraevedcheskih issledovanij: sbornik nauchnyh trudov / Red. kol.: E.YU. Bolotova, A.S. Lapshin, A.V. Lipatov. – Krasnoslobodsk, 2015. S. 123-130.
- 5. Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti.** F. R-1128. Op. 1. 165 ed. hr.
- 6. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii.** F. R-5446. Op. 1.
- 7. GARF.** F. R-5446. Op. 48.
- 8. GARF.** F. R-9408. Op. 1.
- 9. GARF.** F. R-9526. Op. 1-6. 2771 ed. hr.
- 10. GARF.** F. R-9526. Op. 1.
- 11. Zemskov V.N.** K voprosu o repatriacii sovetskih grazhdan: 1944–1951 gg. // Istoriya SSSR. – 1990. – № 4. – S. 26-41.
- 12. Zemskov V.N.** GULAG: istoriko-sociologicheskij aspekt // Sociologicheskie issledovaniya. – 1991. – № 7. – S. 3-16.
- 13. Interv'yu upolnomochennogo SNK SSSR po delam repatriacii F.I. Golikova korrespondentu TASS** // Pravda. 11 noyabrya. 1944. – № 271. – S. 2.
- 14. Latyshev A.V.** Set' proverochno-fil'tracionnyh lagerej NKVD SSSR v 1942–1945 gg. // Klio. – 2014. – № 9. – S. 48-52.
- 15. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoi istorii.** F. 558. Op. 1-11. 16174 ed. hr.
- 16. RGASPI.** F. 558. Op. 11. 1692 ed. hr.
- 17. RGASPI.** F. 644. Op. 1.
- 18. RGASPI.** F. 644. Op. 2.
- 19. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv.** Op. 1 i.
- 20. RGVA.** F. 1/p. Op. 23 a.
- 21. Sud'ba voennoplennyh i deportirovannyh grazhdan SSSR. Materialy komissii po reabilitacii zhertv politicheskikh repressij** // NiNI. – 1996. – № 2. – S. 91-112.
- 22. Tolstoj N.D.** ZHertvy YAlty. – M.: Russkij put', 1996. – 453 s.
- 23. SHevyakov A.A.** Tajny poslevoennoj repatriacii // Sociologicheskie issledovaniya. – 1993. – № 8. – S. 3-11.

УДК 947.084+958.1

**ДОКЛАД ДЖЕМАЛЬ-ПАШИ¹ СОВЕТСКОМУ НАРКОМУ
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Г.В. ЧИЧЕРИНУ²**

Ю.Н. Тихонов

*Д-р ист. наук, Липецкий государственный педагогический университет имени
П.П. Семенова-Тян-Шанского, tikhlip@mail.ru*

В хитроумных комбинациях большевиков в «Большой игре»³ на подступах к Британской Индии «революционной миссии» Джемаль-паши в Афганистан в 1920 г. отводилась одна из ключевых ролей. После рассекречивания некоторых советских дипломатических документов становится очевидным, что деятельность этого младотурецкого лидера не ограничивалась лишь дипломатической деятельностью в Кабуле в пользу Советской России. Он должен был подготовить почву для «революционных» потрясений в Азии с целью подрыва британского господства в Индии, о чем свидетельствует публикуемый доклад Джемаль-паши в Москву.

Ключевые слова: советско-афганские отношения, «Большая игра», «афганский коридор».

**THE REPORT OF DJEMAL PASHA TO
THE SOVIET COMMISSAR FOR FOREIGN AFFAIRS G.V.CHICHERIN**

Yu. N. Tikhonov

*Doctor of Historical Sciences, Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky University, tikhlip@mail.ru*

In the ingenious combination of the Bolsheviks in the "Great Game" on the outskirts of British India "the revolutionary mission" of Djemal Pasha in Afghanistan in 1920 was assigned a key role. After the declassification of some Soviet diplomatic documents it becomes evident that the activities of the Young Turk leadership is not limited to diplomatic activity in Kabul in favor of Soviet Russia. He was supposed to pave the way for a "revolutionary" up-

¹ Ахмед Джемаль-паша (1861/1872 -1922) – один из лидеров младотурок. В годы Первой мировой войны военно-морской министр и командующий 4-й турецкой армией в Сирии. Руководитель подавления арабского освободительного движения в Палестине, Ливане, Сирии. В 1918 г. бежал в Германию. В 1919 г. командованием английских оккупационных войск в Турции заочно приговорен к смертной казни. В 1920–1922 гг. тесно сотрудничал с Советской Россией в Афганистане, будучи главным инспектором вооруженных сил этой страны и доверенным лицом эмира Амануллы-хана. В 1922 г. убит дашнаками в Тифлисе.

² Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – советский государственный деятель и дипломат. 1918–1930 гг. - наркомом иностранных дел РСФСР и СССР. Участник Первого конгресса Коминтерна. 1922 г. – глава советской делегации на Генуэзской конференции. 1925-1930 гг. – член ЦК ВКП (б). Член ВЦИК и ЦИК СССР. С 1930 г. – на пенсии.

³ «Большая игра» («Great Game») – термин, обозначающий период острого соперничества между Российской империей/СССР и Великобританией в Азии в XIX – XX вв.

heaval in Asia to undermine British rule in India, as evidenced by the report published by Djemal Pasha to Moscow.

Keywords: Soviet-Afghan relations, “the Great Game”, “Afghan corridor”.

Тесное сотрудничество большевиков с антибританскими лидерами политических и религиозных организаций в Афганистане длительное время было «секретом» советской дипломатии в Центральной Азии. Однако сведения о поддержке Советской Россией восточных националистов регулярно становились достоянием зарубежных исследователей, но из-за различных запретов оставались тайной для отечественных востоковедов. Частичное открытие фондов архивов внешнеполитических ведомств и спецслужб, произошедшее в последние годы в нашей стране и за рубежом, позволило историкам осветить ранее «закрытые» проблемы новейшей истории стран Востока. В первую очередь это относится к изучению соперничества великих держав в Центральной Азии в первой половине XX в., поэтому закономерен пристальный интерес востоковедов к личности одного из лидеров младотурок⁴ Ахмеда Джемаль-паши, который сыграл значительную роль в становлении советско-афганских отно-

шений и сплочении восточных националистов в борьбе против Британской империи [см. подробнее: 3, с. 45 - 63; 4, с. 32-51; 5, с. 288-302].

Источники из фондов российских центральных архивов свидетельствуют о том, что антибританские интриги младотурок в странах мусульманского Востока после окончания Первой мировой войны 1914 – 1918 гг., включая деятельность «революционной миссии» Джемаль-паши, в Туркестане и сопредельных ему восточных странах настолько масштабны, что поле деятельности для современных исследователей указанной темы является на ближайшие десятилетия, фактически, безграничным. Что еще раз доказывает данная публикация очередного неизвестного документа из переписки турецкого политика с главой советского внешнеполитического ведомства Г.В. Чичерина.

Для более точного понимания специфики доклада Джемаль-паши главе НКВД необходимо остановиться на ряде принципиальных моментов, связанных с деятельностью этого турецкого лидера в Афганистане в 1920 – 1922 гг. Прежде всего, надо четко понимать, что появление Энвер-паши⁵ и Джемаль-паши в Москве

⁴ Младотурками называли членов турецкой националистической партии «Единение и прогресс» (Иттихад ве таракки). Они выступали за установление в Османской империи конституционного режима и проведения ряда буржуазных реформ. В 1908 – 1909 гг. младотурки осуществили буржуазную революцию, в результате которой пришли к власти. В 1913 г. руководство партии «Единение и прогресс» установило в Турции свою диктатуру. В Первой мировой войне младотурки пошли на союз с Германией, куда и бежали в 1918 г.

⁵ Энвер-паша (1881 - 1922) – турецкий политический и военный деятель. Один из руководителей партии «Единение и прогресс». В годы Первой мировой войны военный министр Османской империи. В 1918 г. бежал в Германию. В 1920 г. прибыл в Советскую Россию. Большевицкое руководство хотело использовать Энвера для «антиимпериалистической» пропаганды среди народов Востока. В 1921 г. возглавил басмаческое движение в Восточной Бухаре. Убит в бою с частями Красной Армии.

было результатом сложной внешне-политической комбинации главы германского рейхсвера генерала фон Секта⁶, который до середины 1920-х гг. не мог отказаться от прежних немецких планов использовать Афганистан в качестве плацдарма для антибританских операций против Индии. Несомненно, что германская поддержка укрепила позиции лидеров младотурков, когда они весной 1920 г. тайно прибыли в Москву для переговоров с большевиками.

Определенная независимость Джемалю перед советским и афганским правительствами определялась, по нашему мнению, и тем, что у него было больше шансов выжить в борьбе против «английского империализма», чем у Энвера, который, на наш взгляд, был обречен на скорую гибель. Так, у Джемаль-паши сохранились хорошие деловые отношения с Кемаль-пашой⁷, который не запрещал вернуться ему в Турцию. Кроме этого, он сохранил достаточно прочные связи с французскими политическими кругами, о чем свидетельствовал его визит в 1922 г. в Париж по приглашению французского правительства.

⁶ Сект Ганс, фон (1866 - 1936) – германский военный деятель. С 1885 г. – на военной службе в прусской армии. Окончил Академию генерального штаба. В период Первой мировой войны воевал на Восточном фронте, Балканах и в Турции. В начале 1919 г. командовал немецкими частями в Прибалтике. 1920 – 1926 гг. – начальник военного управления рейхсвера. Много сделал для возрождения вооруженных сил Германии в обход Версальского договора. В 1930 – 1932 гг. – депутат рейхстага. В 1934 – 1935 гг. – военный советник при Чан Кайши.

⁷ Мустафа Кемаль-паша Ататюрк (1881- 1938) – видный турецкий государственный и военный деятель. Активно участвовал в деятельности «Единения и прогресс». В 1919 – 1922 годах возглавлял национально-освободительное движение в Турции. В 1923 – 1938 гг. был первым президентом турецкой республики.

Таким образом, масштаб личности младотурецкого лидера и его огромная популярность в мусульманских странах сразу же предопределили установление между ним и большевиками **партнерских отношений**, особый статус которых Джемаль-паша старался поддерживать вплоть до своей гибели. Оценка его деятельности в Кабуле как «шпионской» является явно упрощенной и по своей сути ложной, так как многое из его начинаний в Средней Азии и Афганистане не было санкционировано в Москве перед его поездкой в Кабул.

На данный момент из-за ограниченного доступа исследователей к документам, освещающим пребывание Джемалю весной-летом 1920 г. в Москве, трудно судить о круге лиц, с которыми вел переговоры турецкий лидер, и, тем более, невозможно определить полный перечень условий «джентльменского соглашения», достигнутого между ним и большевиками. Степень секретности вокруг его миссии в Афганистан была столь высока, что даже советский полпред в этой стране Я.З. Суриц⁸ не смог добиться от НКВД информации о «полномочиях» Джемаль-паши в Кабуле. Полпред в одной из его телеграмм в Москву писал: «Сожалею, что до сих пор не получил обещанных указаний Москвы о наших взаимоотношениях [с] Джемалем» [1, ф. 071, 1920., оп.2, п. 102, л.9]. На базе ныне

⁸ Суриц Яков Захарович (1882 - 1952) - советский дипломат. В 1918 - 1919 гг. – представитель РСФСР в Дании. В 1919 - 1921 гг. - полпред РСФСР в Афганистане. До 1922 г. - уполномоченный НКВД по Туркестану и Средней Азии. В 1922 – 1923 гг. полпред в Норвегии. В 1923-1934 гг. – посол в Турции. В 1934 – 1937 гг. – посол в Германии. С 1937 г. советский посол во Франции. В 1946-1947 гг. был послом в Бразилии. В 1948 г. вышел в отставку.

рассекреченных архивных документов можно с уверенностью утверждать лишь то, что главной целью турецкого политика в Афганистане было оказание помощи Сурицу с целью открытия «афганского коридора» к Индии.

27 октября 1920 г. Джемаль-паша прибыл в Кабул и вскоре был принят эмиром Аманулла-ханом⁹. Явно желая показать «самостоятельность» своей миссии, турок не спешил устанавливать контакт с советским полпредом. Лишь после того как он был представлен 29 октября Сурицу афганской стороной, он 3 ноября нанес визит в советское посольство [1, ф. 071, 1920. оп. 2, п. 102, л. 9]. С этого момента турецкий лидер работал в тесном контакте с дипмиссией Советской России в Кабуле.

Аманулла-хан (чаще всего в присутствии министра иностранных дел Махмуда Тарзи¹⁰ и военного министра Мухаммада Надир-хана¹¹) в ноябре 1920 г. несколько раз встречался с

младотурецким деятелем для обсуждения советско-афганских отношений и его планов против Британской Индии [2, р. 241 - 244].

16 ноября первые результаты этих секретных переговоров были сообщены турком Сурицу, который отправил в Москву несколько телеграмм под грифом «Абсолютно секретно. Вне всякой очереди. Расшифровать под личным наблюдением адресатов». В шифровке № 249 посол кратко перечислил достигнутые при содействии Джемалю договоренности с афганской стороной. Так, Аманулла-хан согласился:

1. Привлечь младотурецкого лидера к реорганизации афганской армии и к организации обороны индо-афганской границы.

2. Предоставить ему право напрямую связываться с пуштунскими племенами Британской Индии.

3. Создать под руководством Джемалю в Кабуле антибританский Центральный комитет (ЦК) из представителей Индийского национального конгресса, Мусульманской лиги и халифатистов.

4. Установить дипломатические отношения с Бухарской народной республикой.

5. Предложить свергнутому бухарскому эмиру Алим-хану¹² прекратить борьбу с Красной Армией и выехать в Афганистан [1, ф.071, 1920, оп.2, п.102, л.221].

⁹ Аманулла-хан (1892 – 1960) – эмир (с 1926 г. – король) Афганистана в 1919 – 1929 гг. Провозгласил независимость своей страны от Англии. В 1921 г. заключил с Советской Россией договор о дружбе. Провел ряд прогрессивных реформ. В 1929 г. отрекся от престола из-за мощного восстания в стране. Эмигрировал в Европу. Умер 26 апреля 1960 г. в Швейцарии.

¹⁰ Махмуд Тарзи (1866-1935) – видный афганский государственный деятель и дипломат. Идеолог младоафганского движения. Тесть Амануллы-хана. В 1919-1921 и 1924-1927 гг. - афганский министр иностранных дел. С 1922 г. – посол во Франции. 1929 г. – эмигрировал из Афганистана вместе с Амануллой.

¹¹ Мухаммад Надир-хан (после коронации – Надир-шах) (1883 – 1933) – афганский военный и политический деятель. В 1919 – 1924 гг. – военный министр, реформатор афганской армии. В 1924-1926 гг. – посол во Франции (фактически был в почетной ссылке). С 1926 г. проживал в Ницце. В 1929 г. вернулся в Афганистан и с помощью пуштунских племен захватил Кабул и в октябре того же года провозгласил себя королем. В 1933 г. был убит амануллистом.

¹² Сеид Алим-хан (1880-1944) с сентября 1920 г. скрывался в Восточной Бухаре, пытаясь возглавить сопротивление частям Красной Армии. В 1921 г. эмигрировал в Афганистан, увезя с собой сотни тысяч каракулевых овец и увезя свою коллекцию драгоценных камней. Афганское правительство предоставило ему статус гостя и выделило денежное содержание.

Достигнутые результаты были значимы для Советской России и получены благодаря дипломатическим способностям турецкого политика в кратчайшее время. Однако их надо было закрепить, ратифицировав в Москве недавно подписанный Сурицем договор с Афганистаном и предоставив этой стране значительную военную помощь [4, с. 44]. В связи с этим Джемаль написал наркомму Чичерину

доклад о своих переговорах в Кабуле, копия которого впервые публикуется ниже¹³.

В тексте этого документа сохранена авторская орфография. Очевидные опечатки исправлены без комментариев. В квадратных скобках раскрыты сокращения. Курсивом выделены слова и фразы, добавленные в машинописный текст от руки.

Список литературы

1. Архив внешней политики МИД РФ (АВП РФ).
2. **Afghanistan Strategic Intelligence:** British record 1919–1970. Vol.1. Ed. by Annita L.P. Burdett. Slough: Archive Editions, 2002. – 1100 p.
3. **Гиленсен В.М.** Энвер-паша и Джемаль-паша в Советской России // Восток. 1996. № 3. С. 45-63.
4. **Панин С.Б.** Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. – М.: Иркутск, 1998. – 260 с.
5. **Тихонов Ю.Н.** «Революционная миссия» Джемаль-паша в Афганистане (1920–1922) // Vitaleus: Сб. статей, посвященный 70-летию В.И. Шеремета. – М., 2010. С. 288–302.

The list of references

1. **Arhiv vneshnej politiki MID RF (AVP RF).**
2. **Afghanistan Strategic Intelligence:** British record 1919–1970. Vol.1. Ed. by Annita L.P. Burdett. Slough: Archive Editions, 2002. – 1100 p.
3. **Gilensen V.M.** Enver-pasha i Dzhemal'-pasha v Sovetskoj Rossii // Vostok. 1996. № 3. S. 45-63.
4. **Panin S.B.** Sovetskaya Rossiya i Afganistan. 1919–1929. – M.: Irkutsk, 1998. – 260 s.
5. **Tikhonov Yu.N.** «Revolucionnaya missiya» Dzhemal'-pashi v Afganistane (1920–1922) // Vitaleus: Sb. statej, posvyashchennyj 70-letiyu V.I. SHeremeta. M., 2010. S. 288-302.

¹³ Подлинник доклада хранится в Архиве внешней политики Министерства иностранных дел Российской Федерации. Как и все бумаги, составленные Джемалем для советского руководства, он написан на французском языке. Каждый лист документа скреплен факсимиле турецкого лидера. Подпись – автограф.

ДОКУМЕНТ

Кабул 24 ноября 1920 года

ТОВАРИЩУ ЧИЧЕРИНУ

Доклад № 1

Существенною целью моего путешествия в Афганистан была подготовка и осуществление Индийской Революции, а также изыскание возможности использовать все силы, которыми располагает Афганистан и мусульманские элементы Туркестана для осуществления этой священной цели.

Для меня делом первой необходимости было объяснить молодому и неугомонному афганскому эмиру, что для того, чтобы иметь возможность спасти народности Востока от рабства и добиться осуществления полной независимости и прогресса Афганистана, необходима дружественная, сердечная и крепкая связь между Афганистаном и Правительством Советской России, и, благодаря этому объяснению, добиться существенной и очень важной материальной поддержки эмира. Его Величество Эмир Гази Аманулла Хан¹⁴ принял меня в своей столице с самым искренним радушием и соизволил дать мне 5 различных аудиенций. В течении этих продолжительных аудиенций я старался объяснить ему, что англичане являются самым большим «бичом Божьим» для народностей Востока и перечислил всевозможные способы для изгнания этого бича, повисшего над головой этих бедных народов.

Его Величество Эмир доказал принятием различных мер, начиная с его восшествия на престол, что причиной всех бед, от которых страдает его страна, являются англичане в продолжение целого века. Прослушав и продумав мою речь, он подтвердил правильность моих взглядов и принял мои различные предложения.

Существенные основы моих предложений были следующие:

1. Принципом существенной политики Правительства Советской России является спасение наций Востока от эксплуатации европейского империализма и предоставление им возможности быть единственными хозяевами своей судьбы. Потому то все народы Востока должны иметь полное доверие к Советскому Правительству и должны рассматривать его, как своего естественного союзника. Афганистан является единственной страной, обладающей довольно прочной силой и полной, недавно достигнутой, независимостью. Итак, если искренно дружеские отношения завяжутся между ним и Советским Правительством, то результатом этого явится восстание всего Востока в союзе против англичан. Основываясь на этой истине, я предлагаю найти возможность к исключению всех причин недоразумения между двумя странами и постараться найти основание к дружеской политике, основанной на взаимном доверии.

2. Единственным средством прекращения жестокостей английского империализма на Востоке является конец его владычества в Индии. Индусский¹⁵ народ выказывает пламенное желание скинуть ярмо англичан, которое он несет более полутора веков. Но эти несчастные люди не имеют никакой возможности раз-

¹⁴ Так в документе.

¹⁵ Так в документе.

бить головы своим палачам и выгнать их из своей страны, а придти на помощь нашим братьям Востока и попытаться раздавить черепа этих чудовищ – является нашим священным долгом.

Афганистан – это страна, лежащая ближе всех к Индии, и представляет из себя место, наиболее подходящее для приготовления революции в Индии. Итак, является необходимым с Вашей стороны разрешить создать «Центральный Комитет Индийской Революции» в Кабуле. Я предлагаю, чтобы этот «Центральный Комитет» был совершенно секретным, и приму меры, дабы англичане не были осведомлены о его существовании.

3. Является большой необходимостью, чтобы афганская армия была хорошо организована и чтобы ее обучение стояло на высоте современных армий, дабы иметь возможность защитить страну от возможности вероятного вторжения англичан. Для этой нужды я отдаю себя в Ваше распоряжение. Если основы организации, которые будут мною предложены, будут приняты и вооружение этой армии будет произведено теми средствами, которые я думаю достать, то афганская армия может быть рассматриваема, как важный фактор против англичан.

4. Для Афганистана расположение Белуджистана является естественным направлением для развития движения. Народ Белуджистана - преимущественно мусульмане и афганского происхождения¹⁶. Если этот народ сможет осуществить свой союз с Афганистаном, то это послужит для цивилизации и прогресса [этих] двух соседних стран. Благодаря этому союзу Афганистан будет иметь выход к морю, и он сможет достигнуть всех средств для возрождения страны, не будучи в необходимости прибегать к помощи какого-нибудь другого государства. Таким образом, расширение Афганистана должно идти в южном направлении. Распространение же Ваших намерений во всяком другом направлении будет политикой весьма вредной для Афганистана, так как это дает повод к обвинению Вас в империализме¹⁷.

Его Величество Эмир ответил следующее:

1. Со времени моего восшествия на престол я решил создать хорошие отношения с Советской Республикой. Прежде всего, я отправил в Москву Чрезвычайного Посла и Полномочного Министра и просил присылки русского посланника в Кабул¹⁸. После многих дискуссий около 2-х месяцев назад был подписан договор между моим министром иностранных дел и русским послом¹⁹. Теперь я жду

¹⁶ Явное преувеличение, так как только часть Белуджистана заселена пуштунскими (афганскими) племенами.

¹⁷ Речь идет о притязаниях Амануиллы-хана на часть территории бывшей Российской империи (Пенде и т.д.). Джемаль планировал «расширение Афганистана» за счет территории Британской Индии. Таким образом, ради союза Афганистана с Советской Россией против Великобритании турок предлагал Амануилле отказаться от территориального спора с Москвой.

¹⁸ Речь идет о Мухаммаде Вали-хане (?-1933) – афганском дипломате и военном деятеле. Генерал. В 1919 г. был назначен послом в Бухару и Советскую Россию. В октябре-ноябре 1919 г. провел переговоры в Москве об установлении постоянных дипломатических отношений между РСФСР и Афганистаном. Дважды встречался с Лениным.

¹⁹ Советско-афганский договор о дружбе был подписан Сурицем и Тарзи 13 сентября 1920 г.

присылки этого договора в Кабул после утверждения его президентом Советской Республики²⁰, дабы я тоже со своей стороны мог его утвердить.

Вы читали текст этого договора. Если обе договаривающиеся стороны будут с добрыми намерениями уважать этот договор, то последнее можно рассматривать как первый камень, положенный в основание хороших отношений, как Вы того желаете. Я жду единственной вещи от России – это территориальной неприкосновенности и полной независимости Бухары и Хивы. Если русское правительство отнесется внимательно, честно и корректно к этому вопросу, то между нами не будет никаких причин к возникновению жалоб. Полагаясь на Ваши уверения в том, что их независимость уже утверждена, я приказал губернаторам (главным начальникам) Герата и Мазари-Шарифа, чтобы Чрезвычайная Миссия нового Бухарского Правительства была направлена в Кабул тотчас же после того, как она достигнет нашей границы. Если наши чиновники и солдаты, находящиеся в Туркестане позволили бы себе действия, подрывающие дружеские отношения двух стран, ничего не стоило бы удалить их оттуда. Но гражданские и политические чиновники России должны впредь поступать более дружески и с большим расположением по отношению к моим подданным и чиновникам. Служащие обеих сторон должны выказать совместное почтительное уважение к дружественным намерениям обеих стран. Если будут поступать таким образом, и если условия, поставленные мною, будут соблюдены, можно будет подписать другой договор, который расширит настоящий и еще более укрепит будущие отношения.

2. Конец владычества англичан в Индии является важным и полезным для Афганистана. Я всегда слежу с благосклонностью за предприниманием²¹ революционных движений индусского народа и поддерживал, подбодряя их, в их стремлении к независимости. Разве Вы не видите, как я покровительствую индийским революционерам, ищущим пристанище в моей стране? Я могу дать Вам разрешение на создание «Центрального Комитета Индийской Революции» в Кабуле, но, как Вы то говорите, этот комитет должен быть крайне секретным на это время. Надо, чтобы англичане никоим способом не могли добиться сведений о его существовании. Если англичане узнают, что Афганистан сделался центром для распространения революции в Индии, они немедленно объявят нам войну. Если в это время наши военные приготовления не будут закончены, то Афганистан постигнет полное подавление и уничтожение на глазах их друзей. Вот почему я ставлю непременно условием полнейшую тайну этого начинания до окончания наших военных мероприятий.

3. Реформа афганской армии и ее систематизированное вооружение – это мой идеал. Для осуществления этого идеала Ваше присутствие в Кабуле для меня очень выгодно. Я Вас прошу помочь мне в деле реорганизации моей армии. Но одна реорганизация армии для нас недостаточна. Надо укрепить границу Афганистана с Индией по самым новейшим способам военной науки. Хотя после [заключения] настоящего договора Советское Правительство даст нам пять тысяч ружей, шесть противозенитных пушек, двенадцать аэропланов, необхо-

²⁰ Речь идет о Владимире Ильиче Ленине (1870 - 1924) – создателе большевистской партии и Советского государства. В 1917 - 1924 гг. главе правительства РСФСР и СССР.

²¹ Так в тексте.

димые материалы для установки телеграфной линии из несколько сот километров и построит завод для [изготовления] бездымного пороха в Кабуле – эти военные материалы никогда не будут достаточны для того, чтобы Афганистан сделался центром для распространения революционного движения в Индии. Итак, различные военные материалы, как ружья, скорострельные пушки, различное боевое снаряжение, употребляемое в современных укреплениях, различные второстепенные материалы для защиты, как, например, колючая проволока и т.д., которые будут достаточны для реорганизации вооружения подвижной армии и для защиты наших индийских границ и кои будут выяснены Вами и будут выданы нам Правительством Советской России независимо от их численности. Я могу позволить русскому офицеру-специалисту присутствовать при научных разработках для определения численности оружия и необходимых материалов для разных укреплений на границе [с Индией], но надо, чтобы этот офицер был бы одет в Вашу форму и чтобы он находился в Вашем квартале, дабы иметь возможность скрыть предприятие от английских шпионов. Другое средство репрессий, которое англичане могут употребить против Афганистана – это объявление экономической войны – они могут закрыть все границы Индии для разных видов торговли, но от этого пострадает, во-первых, афганский народ и, во-вторых, государственная казна; возможно, что удастся найти средство для смягчения страдания народа, но мы не будем иметь никакой возможности восстановить потерю доходов казны, большая часть которых состоит из косвенных налогов. Для того, чтобы Афганистан вышел победителем из подобного мероприятия англичан, нужно, чтобы численность доходов за два года афганской таможни была бы нам уплачена Советским Правительством. Годовой доход с наших таможен на границе с Индией круглым числом равняется двадцати миллионам рупий. За два года это будет равняться приблизительно 14 миллионов рублей. Если эти условия будут приняты Советской Республикой тотчас же по укреплению Индийской Границы и выплаты указанной суммы, я дам разрешение к открытию работы по организации ЦК Индийской Революции, который должен быть сформирован в тайне с этого времени в Кабуле. Тогда ЦК сможет предпринимать всякие революционные меры в Индии и на границах этой страны. Я не думаю, чтобы эти два условия были бы рассмотрены Советской Республикой, как горькая чаша, которую надо испить. Я уверен, что сами Вы убедитесь в правильности наших условий. Кроме этого, я могу теперь обещать следующее: основание в Кабуле большого индийского университета, проектированного индусами. Мы сможем употребить этот университет, как маску, дабы дать возможность участвовать в качестве профессоров и администраторов членам ЦК Революции, который будет создан под Вашим председательством и сможет создать постоянный контакт с Вами без привлечения постороннего внимания. Я подтверждаю тексты двух писем, которые Вы предлагаете послать – одно товарищу Ленину, другое – от нашего министра иностранных дел комиссару Чичерину, которое послужит солидным подтверждением этой новой фазы нашей главной политики. После перевода с персидского языка, мы их подпишем.

4. Народ Белуджистана действительно совершенно мусульманский и афганского происхождения – мы им покажем наши братские чувства, прибегнув на

помощь этим несчастным соотечественникам и принимая их детей в учебные заведения нашей страны. Что же касается их привязанности к своей родине, то это обстоятельство нужно ставить в конце нашего предприятия – «не убив медведя, шкуры не продавай». [...]

Вот, что Его Величество Эмир мне объяснил и какие условия формулировал. Я могу резюмировать в нескольких строках те существенные пункты, в которых мы с ним сошлись:

1. Организация и основание в Кабуле ЦК Индийской Революции под моим председательством, состоящий из делегатов политических организаций, находящихся в Индии (под условием, что существование ЦК будет тайное).

2. Изучить систему защиты границ Афганистана и определить количество вооружения и различных материалов для необходимых укреплений по этой системе защиты. Для определения количества материалов я уполномочен ввести в мой квартал офицера-специалиста Красной Армии, под условием, чтобы он носил турецкую форму.

3. Сорганизовать армию в Афганистане при помощи турецких офицеров на принципах, которые будут предложены с моей стороны, и по моей общей директиве.

4. Выписать из Турции специалистов-офицеров, которые будут нужны Афганистану, а также различных научных специалистов, частью из Турции, частью из России, Германии и Австрии.

Я не вижу никакой причины к тому, чтобы не поверить в искренность добрых намерений эмира. Я подтверждаю, что вмешательство политических и военных чиновников Афганистана в общественные дела Хивы, Бухары, Туркестана и Ферганы носили действительно подозрительный характер и давали почву для мало дружественного впечатления. Но принятие, как факта, недавнего изменения правительств Бухары и Хивы²², признание существования этих новых двух Республик, принятие моего предложения, заключающегося в отзыве военных и политических чиновников Афганистана, находящихся теперь в Фергане, разрешение въезда в Кабул дипломатической миссии Бухарской Республики, утверждение текста письма тов. Ленину, излагающего характер новых политических директив, согласие эмира со многими пунктами высказанных мною взглядов, принципиальное согласие возможности заключить в более или менее близком будущем более подробный и полный договор с Советской Республикой, создают достаточно убедительные доказательства в искренности последних решений эмира и в его полной доброжелательности. Я разделяю точку зрения эмира, заключающуюся в самом точном смысле слова в делах Индийской Революции в Кабуле, и кончая организацией афганской армии и укреплением индийских границ. Горький опыт, который он приобрел за время войны с англичанами за свою независимость, объявленную им около года тому назад, заставил эмира основывать свои предприятия на более солидных и верных началах. Не принятие во внимание истинной оценки того критического момента, который он пережил во

²² Речь идет о «революциях» в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате, осуществленных при поддержке Красной Армии в 1920 г. В результате, в Хиве была образована Хорезмская народная советская республика, а в Бухаре – Бухарская народная советская республика.

время паники, вызванной появлением аэроплана на горизонте Кабула – этих совершенно не известных для них машин, скидывающих бомбы, было бы полнейшей несправедливостью. Ввиду отсутствия средств защиты... он ... не мог сдерживать этой бешеной паники²³. Нужно признать, что после этих ужасных моментов афганский эмир ни разу не получил никакой материальной поддержки со стороны Русской Советской Республики, которую он считал единственным источником для утоления своих несчастий и нет основания его критиковать, когда он повел подобострастную политику с англичанами. Афганистан очень помог отбросить английские силы, продвинувшиеся до Чарджуя, Мерва²⁴ и Ашхабада, благодаря его объявлению войны англичанам²⁵. Эта оказанная им услуга должна была вызвать более милостивое и любезное внимание со стороны Советской Республики, во всяком случае было бы желательно провести «линию забвения» по всем ошибкам, содеянным обеими сторонами²⁶, и начать проводить дружественную политику, основанную на взаимном доверии, в интересах нашей общей цели. Если мне удастся разрешить эту интересную задачу, я был бы очень счастлив, оказав услугу для счастья собственной Родины и всем национальностям Востока и [в] реализации гуманитарных принципов Русской Советской Республики, служащих целью защиты от рабства всех народов света. В конце этой главы, относящейся до Афганистана, я предлагаю Русской Советской Республике следующее:

1. Утвердить немедленно договор, который Вы заключили с Афганистаном, и отправить его в Кабул для закрепления его эмиром²⁷.

2. Отправьте без промедления в Кушку один миллион рублей золотом, пять тысяч ружей, шесть противоаэропланых пушек и материалы для телеграфной линии, которые Вы обещали Афганистану согласно тексту договора.

3. Кроме того, пошлите большое количество колючей проволоки для укреплений на границе Индии, следуя Вашей собственной инициативе, до того, как она будет запрошена афганцами.

4. Если возможно, [надо] отправить в Кушку 24 скорострельные пушки [калибра] 7,5 см. с зарядными ящиками, повозками, упряжью ... и всеми принадлежностями, достаточными для формирования 6 батарей. Все эти материалы могут быть отправлены из Кушки с караваном, высланным афганским правительством.

²³ В ходе третьей англо-афганской войны 1919 г. английская авиация 17, 20, 24 мая бомбила Кабул. Кабульцы впервые увидели самолеты, поэтому разрывы бомб вызвали массовую панику среди них. Угроза налетов британской авиации на афганские города заставила Аманулла-хана пойти на подписание мирного договора с Великобританией.

²⁴ Ныне г. Мары.

²⁵ Речь идет об английской интервенции в Средней Азии (июнь 1918 – июнь 1919 гг.). Афганские войска начали боевые действия против Британской Индии 3 мая 1919 г. Война с Афганистаном и нестабильная обстановка в Индии заставили английское правительство отказаться от дальнейших авантюр в Средней Азии.

²⁶ Джемаль-паша дипломатично намекает на поддержку Афганистаном бухарского эмира Алим-хана и басмаческого движения в Средней Азии. К «ошибкам» советской стороны можно отнести угрозы туркестанских большевиков в адрес афганского эмира.

²⁷ Предварительный советско-афганский договор Суриц и Тарзи подписали в Кабуле 13 сентября 1920 г. Окончательный текст договора был подписан в Москве 28 февраля 1921 г. Ратификационными грамотами стороны обменялись 14 августа 1921 г.

5. Если возможно, пришлите 24 пулемета со всеми принадлежностями, необходимыми для формирования 6 отрядов.

6. Если возможно, отправьте все нужные средства для формирования двух полевых госпиталей. Эти госпитали должны быть разбиты в палатках – таким образом, Вы должны также прислать и палатки.

7. Дайте афганскому правительству еще две радиостанции того же типа, какая была Вами установлена в Кабуле.

8. Дайте формальные инструкции всем Вашим чиновникам, дабы они выказывали более дружественный прием по отношению [афганских] подданных и чиновников, путешествующих и живущих в России.

Если эти предложения будут приняты и приведены в исполнение в наикратчайший срок, они будут рассматриваемы, как неопровержимый знак доброжелательности и дружественного расположения со стороны Советской Республики, и это мне поможет направить политику Афганистана в нашу пользу.

Теперь позвольте мне Вам объяснить, что я думаю делать, основываясь на различных разрешениях эмира. Моя главная цель заключается в создании ЦК Индийской Революции в Кабуле. ЦК будет состоять из делегатов различных политических организаций, существующих в Индии. [...]

Я предложил им отправить чрезвычайного делегата, выбранного из членов ЦК каждой организации. По приезде этих делегатов в Кабул я их соберу на конгрессе для фундаментального изучения подготовки революции в Индии. Я предложу и постараюсь заставить их принять организацию ЦК Индийской Революции. Я проведу устав ЦК, касающийся внешних организаций и их задач. Если конгресс это примет, я предложу председательство ЦК. Общий секретарь будет избран из числа членов. Если к этому времени господин Рой²⁸ и его товарищи приедут в Кабул, я их заставлю принять участие в конгрессе, и, начиная с этого момента, ЦК может быть рассматриваем как уже существующий. В этом ЦК не будет никого из русских коммунистов, ни политических чиновников [Советской] Республики, ни чиновников и подданных Афганистана, так как различие их партий может угрожать цели предприятия.

Я ясно объяснил Москве, что желая произвести революцию в Индии под ее национальной окраской... знамя Индийского Ревкома должно быть под девизом «Индия – индусам». Исключительно под этим знаменем можно собрать всех героев Индии, всех ее ученых, ее патриотов, богачей, ремесленников, аристократов, землевладельцев. Одним словом, весь народ Индии без различия. Если мы попробуем поднять знамя коммунизма, как штандарт революции в Индии, бога-

²⁸ Манабендра Натх Рой (Мартин, Роберто Аллен, Вильягарсия, Роберт Аллен-Рой, Робертс, Мануэль Мендес) (1892-1954) – индийский революционер. В 1920 г. по мандату компартии Мексики направлен делегатом на II конгресс Коминтерна (КИ). В Москве встречался с Лениным. Входил в комиссию II конгресса по национальному и колониальным вопросам. 1920 -1921 гг. – представитель ИККИ в Ташкенте для работы в странах Востока. В Ташкенте основал компартию Индии. С 1924 г. член Президиума ИККИ от Индии. 1926-1927 гг. – член Дальневосточного секретариата ИККИ. 1927 г. – представитель ИККИ в Китае; член Восточного лендерсекретариата ИККИ. 1929 г. – исключен из КИ как «сторонник Троцкого». 1930 г. – вернулся в Индию. В 1931 – 1936 гг. отбывал тюремное заключение. После освобождения стал членом Индийского национального конгресса (ИНК). В 1940 г. исключен из ИНК. В 1940 г. создал Радикально-демократическую партию и стал ее генеральным секретарем. В 1948 г. распустил свою партию и отошел от политической жизни. В 1954 г. погиб.

чи, ремесленники, ученые, клерки, раджи и набобы возмутятся против нас и встанут на сторону англичан. Мы отлично знаем, что англичане способны воспользоваться подобным положением вещей. Последние предприятия интеллигентных революционеров в Индии, которые создали вопрос Калифата²⁹, чтобы возбудить ненависть народа против англичан, и не обнаружили никакого патриотического чувства в нации, должны послужить нам уроком. Поэтому то я нахожу вредным и даже опасным присутствие в ЦК русского политического чиновника, который может быть рассматриваем, как официальный знаменосец коммунизма. Чтобы не заставить впасть Афганистан в ответственное положение по отношению к революционному движению в Индии, я не желаю участия чиновника этой страны в ЦК. Я сам буду регулярно вводить в курс дела эмира и русского посла в Кабуле и ... излагать различные дискуссии и мероприятия [этого] комитета и буду пользоваться их мнениями. Во всяком случае, возможно, что представители индусских коммунистов будут приняты членами в ЦК.

Следуя изложенным решениям, мы не должны предпринимать решительных действия в Кабуле до окончания организации афганской армии и создания укреплений на индийской границе. Поэтому мы должны создать вспомогательный отряд в месте наиболее близком к индийской границе и Кабулу. Самый подходящий пункт для этого отряда есть станция Памир, которая находится у самой южной границы Ферганской области. [...] Предполагают, что возможно пройти в несколько дней от Памира до окрестностей Читрала и Кандгута, кроме нескольких месяцев в году. Благодаря географическому положению я решил выбрать с этих пор, как базу, станцию Памир для операций, связанных с революционным движением в Индии. Но чтобы иметь возможность воспользоваться этой местностью, необходимо обезопасить положение Ферганы. Перед моим приездом в Кабул я понял всю важность Памира и в письме, которое я послал из Кушки тов. Гопнеру³⁰, копия коего мною отправлена тов. Карахану³¹, я просил сделать все возможное и невозможное, дабы удовлетворить и утихомирить... басмачей Ферганы или вообще его население. Я не знаю получено ли мое письмо. К несчастью, на различные письма, посланные мною тов. Гопнеру и Карахану, я не получил ни одного ответа³². Я совершенно не представляю себе судьбы моих писем, но нужно во чтобы то ни стало найти средство для получения ответа на эти письма. В вышеупомянутом письме я предлагал некоторые меры для помощи Фергане³³. Здесь я их повторю еще раз, дополнив их еще некоторыми параграфами:

1. Заключить всеобщее перемирие.
2. Разрешить свободную торговлю.

²⁹ Так в документе. Ошибка перевода. Речь идет о движении халифата в Индии.

³⁰ Гопнер Давид Юльевич (1884 - 1925) – уполномоченный НКВД в Туркестане до 1921 г.

³¹ Карахан Лев Михайлович (настоящая фамилия Караханян) (1889 – 1937) – видный советский дипломат. В 1918 - 1921; 1922 - 1923; 1925 - 1934 гг. являлся заместителем наркома иностранных дел РСФСР – СССР. Курировал «восточное направление» в работе НКВД.

³² Из-за трудностей с доставкой советской дипломатической почты в Кабул Джемаль-паша получил ответ на свои послания лишь в начале января 1921 г. От Гопнера он получил сразу четыре письма. Писем Карахана к турецкому политику автор данной публикации в российских архивах так и не обнаружил.

³³ Ферганская долина являлась главным центром басмаческого движения в Средней Азии.

3. Удалить из Ферганы нескольких русских лиц, к которым со стороны населения недоброжелательное отношение.
4. Не назначать гражданских и военных чиновников, которые имеют обыкновение превышать свою власть и применяющих с чрезвычайным усердием революционные коммунистические доктрины.
5. Оставить в руках кадий³⁴ право решать вопросы о браках, разводах и наследствах, которые будут рассматриваться, следуя доктринам мусульманской религии.
6. Оставить старым собственникам их национализированные земли и признать права собственности.
7. Не делать реквизиций в Фергане.
8. Допустить в народные учреждения лиц не коммунистической партии, [по] степени способности каждого.

Если эти условия будут приняты Советской Республикой, Фергана будет в полной безопасности. Это верно, что правительство имеет средства к совершенному подавлению басмачей Ферганы, но тогда мы ничего не сможем добиться от этих славных людей, чтобы их использовать во время нашего наступления на Индию. По-моему, мы будем иметь большую нужду в их отваге. [...] Я отправил нескольких в Фергану в сопровождении одного из моих офицеров. Я приложил к моему докладу письмо, которое было мною им написано. После того как я полное подчинение и спокойствие колбашей³⁵, я отправлю второго турецкого офицера в Фергану и начну партизанские отряды, которые будут предназначены для революционного движения в Индии. Я поставлю во главе вспомогательного отряда в Памире своего товарища Бедри-Бея³⁶ и после его возвращения из Москвы в Кабул он будет направлен туда. В этом отряде могут находиться революционеры Индии и других стран. Необходимо создать типографию, различные склады оружия, снаряжения и разных сортов бомб и адских машин и станцию беспроволочного телеграфа. Там будут сформированы добровольческие отряды, состоящие из ферганцев³⁷ и индийских революционеров. Тогда будет очень легко создать маленькие отряды для вторжения на территорию Читрала и Кашмира, заставив их разрушать мосты, жел[езные] дороги, склады оружия и снаряжения, правительственные здания англичан, заставить их делать покушения на жизнь разных интересных личностей и распространить печатание революционной пропаганды среди народа и в войсках Индии. Кроме этого, будет возможно заставить приехать в Памир влиятельных лиц из Читрала, Канджута, Кашмира, испытанных в делах революции, дабы использовать их в революционной работе. Возможно, что некоторые из этих отрядов смогут пробиться до Лахора и в долины Пенджаба и там предпринять ряд сильных разрушений, которые могут тер-

³⁴ Кади – в мусульманских странах судья по законам шариата.

³⁵ Опечатка в тексте. Речь идет о руководителях басмаческих отрядов – курбаши.

³⁶ Осман Бедри-бей (1881-1927) – бывший начальник полиции г. Стамбула, доверенное лицо Джемалья, при котором он был начальником штаба и личным представителем в Москве, Ташкенте и Кабуле. До 1923 г. находился в Афганистане, где активно участвовал в разработке реформ Амануллы. В 1923 г. был удален из Афганистана по требованию советского полпреда Ф.Ф. Раскольников. Вернулся на родину.

³⁷ Речь идет об отрядах ферганских басмачей, которые Джемаль-паша хотел использовать для вторжения в Британскую Индию.

роризировать англичан. Если Вы примите мое предложение касательно формирования вспомогательного отряда в Памире, чтобы не запоздать с осуществлением [революции], я Вас прошу отдать нижеуказанный приказ тов. тов. Сокольникову³⁸ и Сурицу, которые вскоре должны вернуться в Ташкент: «Предложение Джемаль-паши, касающееся Ферганы, принято Москвой. Приступайте немедленно к необходимому. Собирайте в указанных им местах все материалы, оружие и все остальное, что будет затребовано Джемаль-пашой для создания складов в Памире и формирования добровольческих отрядов в Фергане. В общем, примите [к исполнению] просьбы Джемаль-паши». Для формирования добровольческих отрядов в Фергане турецких офицеров, находящихся в моем распоряжении будет недостаточно. Я желал бы, чтобы мне прислали еще нескольких турецких офицеров и много офицеров из татар и туркмен из Красной Армии. Эти татарские и туркменские офицеры должны быть тщательно выбраны из числа лучших и немедленно направлены в Фергану. Что касается до дел Ферганы и вспомогательного отряда на Памире, то на этот счет я Вам больше ничего сказать не могу, но главное в моем теперешнем предприятии [в Афганистане], опираясь на эти два вопроса, будет состоять в ускорении решений.

Одна из наиболее интересных глав, которую я хочу прибавить к моему докладу, - это та, которая касается племен, живущих на границе [Афганистана] с Индией³⁹. Из того, что я понял из разговора, который я имел с товарищем Сурицем, [этот] вопрос наиболее важный, который остался до сих пор открытым между Афганским Правительством и Правительством Советской России, - это вопрос вооружения этих племен и их применение в деле Индийской Революции.

Чиновники Советского Правительства желают, чтобы эти племена были бы вооружены и обмундированы собственными средствами. Афганское Правительство предполагает противное. Я считаю, что Афганское Правительство совершенно право - я не могу себе представить ни одного правительства и ни одной нации в мире, которая позволила бы [иностранным] чиновникам [третьего государства] распространять оружие и все виды снаряжения среди племен, живущих на его границе; [оружие], которое должно быть направлено для осуществления общей цели, [но] без того, чтобы это правительство никаким образом не вмешалось в это дело вооружения. Тем более, что эти племена будут той же расы, той же религии и того же языка, как и те, что населяют эту страну. Это вещь невиданная, неслыханная и даже невообразимая. Под предлогом, что ни африди, ни мессудийцы, ни момандийцы⁴⁰, ни вазирьы, ни другие не подчинены англичанам, ни афганцам, чиновники [третьего государства] никогда не будут иметь право вмешаться в дела этих племен без разрешения с обеих сторон. Мы можем просить и ждать жертв со стороны Аф-

³⁸ Сокольников Григорий Яковлевич (1888 – 1939) – советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1905 г. В 1919 – 1920 гг. – командующий 8-й армией Южного фронта, член РВС. С 1920 г. был председателем Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР и Туркбюро ЦК РКП (б), членом Туркбюро Коминтерна, а также командующим Туркестанским фронтом. В 1922 – 1926 гг. нарком финансов РСФСР. С 1926 г. заместитель председателя Госплана СССР. Репрессирован.

³⁹ Речь идет о пуштунских племенах, проживающих по обе стороны афгано-индийской (ныне – афгано-пакистанской) границы. Антибританское восстание пуштунских племен продолжалось и после заключения мира между Афганистаном и Великобританией в 1919 г.

⁴⁰ Ошибка при переводе. Речь идет о пуштунских племенах масудов и момандов.

ганистана, но это правительство имеет право иметь свои собственные цели, достижения которых никто не будет в праве ему запретить. Я не хочу сказать этим, что Афганское Правительство имеет определенное желание присоединить к Афганистану территории, принадлежащие этим племенам. Но я совершенно уверен, что Афганский Эмир предаёт особую важность дружбе и хорошим отношениям с этими племенами. Хорошо известно, что любовь народов может быть поколеблена и усилена посредством денег, оружия и всяким другими возможностями богатства, и если англичане до сих пор, в течение целого века, не смогли покорить Афганистан, то это, с одной стороны, благодаря отваге афганцев, с другой – благодаря помощи афганцам ... со стороны вышеуказанных племен.

Таким образом, вооружение и полнейшая реорганизация этих народностей является вопросом жизни и смерти для Афганистана. Тогда ружья и другое вооружение, которое им может быть дано для распространения между этими племенами, не может быть предназначено для других мест.

На свидании, которое я имел с ... Мехмед Надир Ханом - военным министром, я был утешен и доволен теми новостями и подробностями, которые касались тех военных реорганизаций, которые он хотел провести в этих племенах. Я совершенно уверен и убежден, что смогу прямо использовать эти племена в делах революции следующим образом:

Занимаясь непосредственно военной организацией этих племен и инспектированием их вооружения и обмундирования.

Входя в кадры афганской армии некоторые единицы, сформированные из добровольцев этих племен.

Входя в школы, которые я хочу основать в Кабуле, молодых начальников племен или людей, влиятельных среди них, что[бы] исчерпывающе инструктировать в искусстве управлять революционными и террористическими частями в странах, имеющих дружественное население, но враждебное правительство, давая им практические уроки по употреблению взрывчатых веществ и адских машин. Не нужно слишком обращать внимание на те известия, которые трактуют о недостатке доверия со стороны племен к афганскому государству; в нравах примитивных людей искать другие источники выгоды в том случае, если они не могут получить [ее] с этой стороны. Для меня реорганизация афганской армии и вооружение племен представляют из себя две нераздельные вещи и если мне поручено одно, то я займусь и другим. Я нахожу излишними и, пожалуй, вредными колебания Советского Правительства в выдаче Афганскому Правительству ружей, денег и всего того, что будет предназначено для вооружения племен.

В революционных начинаниях важен первый шаг, если нам удастся заставить наших естественных союзников сделать этот шаг, все остальное присоединится волей-неволей.

Те, которые хоть раз присоединяются к нам на нашем пути, будут вынуждены идти до конца за нами. Предприятия, которые рассматриваются сегодня как гибельные, оказываются завтра легкими и естественными. Те, кто поддадутся влиянию обыденных явлений среды, могут забыть в данный момент величие мировой важности нашей задачи и благодаря этому сбиться с пути. Мы вынуждены бесстрастно относиться к этим явлениям, не подпадая под их влияние, и

концентрировать все наши силы в самом важном пункте. Я могу посоветовать русским дипломатам не беспокоиться относительно дела, касающегося этих племен, и предполагаю, что это дело может быть без труда направлено в интересах нашего предприятия.

Заканчивая мой доклад, я прибавлю еще несколько строк. Эти последние строки посвящены вопросу организации «Центрального Комитета Индийской Революции». Как я сказал уже выше, Центральный Комитет будет сформирован в Кабуле. Самый важный для нас вспомогательный отряд для военных действий будет находиться в настоящее время в Памире. Этот отряд будет иметь своих представителей и различного рода склады оружия и другого снаряжения в Скобелеве⁴¹ или Коканде и Маргелане.

От Центрального Комитета будет послан один делегат в Ташкент в Турккомиссию⁴², другой – в Москву в Комиссариат Иностранных дел. Эти делегаты должны будут передавать желания ЦК и добиваться того, чтобы то, что просит ЦК было выдано и отправлено в Кабул. Они должны будут извещать о действиях, принятых ЦК [...] ЦК будет иметь специальных агентов в Берлине, Швейцарии, Америке и Японии – по одному в каждой из этих стран. Они будут [...] стараться создать в общественном мнении особый интерес к Индийской Революции, завоевать [общественное] мнение в пользу революционеров, открыть глаза общественному мнению на зверскую систему английской администрации в Индии и пропагандировать с возможной ясностью жестокость англичан при подавлении попыток к [получению] самостоятельности индийскими племенами⁴³. ЦК, естественно, будет иметь в большом количестве ружья, бомбы, снаряжение и т.п. в специальных складах, которые будут построены в Памире, Ташкенте, Фергане и Кабуле. Для начала необходимо иметь капитал, по крайней мере, в один миллион [рублей] золотом. Эти деньги должны быть переданы мне в Кабуле. Я уверен в конечной удаче моего предприятия, но требую от всех доброго желания, скорости и смелости.

У меня есть еще одно условие, которое должно быть принято во внимание, – это полнейшая централизация у меня или в ЦК всех вопросов и поступков, касающихся революции в Индии. Ни в Москве, ни в Ташкенте не одному лицу не должно быть поручено ничего, касающегося Индии. Все те лица, которые находятся в настоящее время в Москве и называют себя индийскими революционерами, должны быть мне подчинены. Органы пропаганды Советской Республики должны работать в полном контакте со мной и моими делегатами, и все те инструкции, которые эти органы захотят мне дать, будут мне переданы через посредство русского посла в Кабуле или через моих делегатов, которые будут в Москве и Ташкенте. Одним словом, я не могу допустить параллелизма, [так как] концентрация власти и ответственность является единственным путем к победе.

⁴¹ Скобелев – название г. Фергана в 1910 - 1924 гг.

⁴² Туркестанская комиссия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета народных комиссаров РСФСР.

⁴³ Так в тексте.

Я думаю подготовить для решающей борьбы всех людей с границ, начиная с Памира и проходя через Читрал, Пешавар и Белуджистан, окружить территории Кашмира, Канджута, Читрала и огромных долин Пенджаба.

С другой стороны, работа по пропаганде в центре Индии и внутренняя организация революции послужит к парализации подавляющих мероприятий англичан. Когда мы решим, что все готово, по единому слову приказа революция вспыхнет, и ее торжествующее пламя охватит границы и пронесется вовнутрь страны. Тогда то афганская армия нанесет решающий удар англичанам. Я не смогу назначить срока достижения этого идеала, но если Вы, русские революционеры, еще раз вспомните о том, что Вы предприняли и осуществили в столь короткий срок, преодолевая невероятные затруднения, Вы должны быть согласны с моим оптимизмом. Мой товарищ Бедри-бей уполномочен дать Вам разъяснения относительно различных параграфов моего доклада. Я питаю к нему полное доверие. Он делегирован к Вам, чтобы защитить и получить то, что я прошу, и что я предлагаю.

Заканчиваю лозунгом: «Революция в Индии удастся. Поживем - увидим».

А. Джемаль

РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 59. Л. 1 – 8 об. Машинописная копия.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

УДК 316(091)

ТИПОЛОГИЯ КАПИТАЛИЗМА В ВЕБЕРОВСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Д.В. Катаев

*Д-р социол. наук, Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, dmitrikataev@rambler.ru*

Статья посвящена анализу возможностей применения веберовской социологии к проблемам становления, развития и функционирования капитализма. Рассмотрены перспективы использования веберовских моделей в современном теоретическом дискурсе и сопряженность классического наследия Макса Вебера с современными теориями, имплицитно и эксплицитно ссылающиеся на его творчество.

Ключевые слова: капитализм, формальная рациональность, материальная рациональность, традиционализм.

THE TYPOLOGY OF CAPITALISM IN WEBERIAN PERSPECTIVE

D.V. Kataev

*Doctor of Sociology, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky
University, dmitrikataev@rambler.ru*

The article deals with the analysis of the possibilities of application of Weber's sociology to the problems of formation, development and functioning of capitalism. The perspectives of using Weber models in modern theoretical discourse and the conjugation of the classical heritage of Max Weber to the modern theories which are implicitly and explicitly linked to his work are considered in the article.

Keywords: capitalism, formal rationality, material rationality, traditionalism.

В условиях трансформационного дискурса, охватившего все сферы общественной жизни, особое значение приобретают новые подходы, направленные на осмысление социальной реальности, в том числе и от-refлексированной классики. Веберовская парадигма, ее теоретико-методологический потенциал не утратили своей актуальности, и их применение может стать одним из ключей к пониманию разновидностей

капитализма как прошлого, так и современности.

Вопрос о происхождении, основных признаках и перспективах развития рационального типа хозяйствования (капитализма) соответствующего типа организации, управления, нацеленных на максимальную эффективность, находился в центре внимания веберовской социологии. Вебер оставляет ставшую уже классической аналогию: «Как так называемый про-

гресс к капитализму со средневековья является однозначным масштабом модернизации экономики, так же и прогресс к бюрократическому чиновничеству является однозначным масштабом модернизации государства» [7, s. 320]. Таким образом, он диагностирует «социологическое родство» капитализма и бюрократии, которые в процессе взаимодействия влияли и способствовали взаимному развитию.

С одной стороны, рациональный институт государства с его системой права, гарантирующего и закрепляющего право собственности, с точным расчетом и прочими рациональными чертами способствовал становлению и развитию капитализма. С другой стороны, сама структурная форма организации государства является копией капиталистического предприятия. Современное капиталистическое предприятие нуждается «для своего существования в юстиции и управлении, чье функционирование <...> может быть рационально рассчитано, как рассчитывается предполагаемая мощность машины», в то время как современное государство само становится «предприятием», организованным «как фабрика» [7, s. 321].

М. Вебер выделяет три основных типа капитализма: рациональный капитализм, политический капитализм и традиционно-спекулятивный капитализм, каждый из которых он подразделяет на подтипы [8, s. 95-97]. Однако ключевой дихотомией, выраженной в формальной и материальной рациональности, однако уже в контексте экономических отношений, является противопоставление рационального и традиционно-спекулятивного капитализма.

Предпосылками капитализма являются: «капитализм имеется налицо там, где производственно-хозяйственное покрытие потребностей некоторой группы людей, независимо от рода этих потребностей, осуществляется путем предприятия; рациональное капиталистическое производство есть производство на основе капиталистического расчета. <...> Самой общей предпосылкой этого новейшего капитализма являются: 1) рациональный расчет капитала как норма для всех крупных промышленных предприятий <...>; 2) вольный рынок, то есть свобода рынка от нерациональных стеснений обмена <...>; 3) рациональная, т.е. строго рассчитанная и поэтому механизированная техника, как производства, так и обмена <...>; 4) рациональное, т.е. твердо установленное право. Чтобы капиталистический порядок мог функционировать рационально, хозяйство должно опираться на твердые правовые нормы суда и управления <...>; 5) свободный труд, т.е. наличие таких людей, которые не только имеют право свободно продавать на рынке свою рабочую силу, но и экономически принуждены к этому, <...>; 6) коммерческая организация хозяйства, под которой здесь разумеется широкое применение ценных бумаг для установления прав участия в предприятиях и прав на имущество, словом, возможность исключительной ориентировки при покрытии потребностей на рыночный спрос и доходность предприятия. В той мере, в какой коммерческая постановка вопроса прибавляется к указанным другим признакам капитализма, выступает с большей силой значение еще одного, до сих пор не затронутого мо-

мента, именно – спекуляции» [1, с. 254-257].

Данному типу рационального капитализма Вебер противопоставляет торгово-спекулятивный капитализм Египта, Вавилона, Античной Греции и Древнего Рима, средневековой Европы, а также средневековья Китая, Индии и мусульманского мира, которые в современной терминологии были аграрными обществами. Сама форма организации и структурные принципы традиционного общества (сословность, рабство и крепостничество, т.е. отсутствие вольного рынка труда, ориентация на личные качества, а не формально-рациональные) тормозили развитие рационального хозяйства.

Так, например, Вебер пишет, что нормальный (типичный) патримониализм создает препятствия рациональному хозяйству не только своей финансовой политикой, но прежде всего своей спецификой управления. С точки зрения финансовой политики, хозяйство направлено на содержание властного аппарата и гарантии привилегий, что во многом тормозит развитие свободной торговли и денежного хозяйства. Традиционализм, во-первых, препятствует установлению формально-рационального и калькулируемого устава (комплексу норм), обеспечивающего постоянную хозяйственную деятельность. Во-вторых, объективным тормозом развития рационального хозяйства выступает отсутствие профессионально обученного аппарата чиновников. В-третьих, сложности для возникновения рационального хозяйства представляют собой материальный произвол (ничем не регламентированная хозяйственная деятельность) и личностные

предпочтения властителя и штаба управления при принятии управленческих решений. В-четвертых, легитимность патриархализма и патримониализма обуславливают материальную (а не формальную, основанную на правовых нормах) ориентацию на утилитарные или социалистические «культурные» идеалы хозяйства в целом.

Следует также отметить, что в России не было создано предпосылок для возникновения рационального, или как его называет Вебер, «современного» капитализма. В произведениях ученого содержится множество ссылок на истоки, предпосылки и условия возникновения рационального капиталистического хозяйства, которые можно сгруппировать следующим образом:

1) экономические условия: создание стабильного массового рынка для населения, наличие свободного рынка товаров, услуг, фондового рынка, отделение домашнего производства от предприятия, существование формально-рациональной организации денежной системы, свободы предпринимательства, свободной торговли;

2) политико-институциональные условия: развитие и усиление национальных государств в эпоху меркантилизма с образованием системы рациональных норм в рамках институтов права, государственного управления и армии;

3) общественные условия: социальное возвышение торговой буржуазии, сначала преимущественно в античных городах, затем в период эмансипации в средневековых, политически и юридически независимых городах;

4) технологические условия: концентрация технических знаний на научной и, соответственно, рациональной основе, которые ориентированы экономически, т.е. на снижение транспортных и производственных издержек, развитие рациональных способов бухгалтерского учета, обеспечивающих максимальную точность расчета капитала;

5) социально-психологические условия: развитие «психофизического аппарата» человека, способствующего интенсивному и калькулируемому труду, а также образование особой этики труда, возникшей благодаря особому типу религиозной этики;

б) историко-ситуативные условия: резкий рост населения в Западных странах в XVIII и XIX веках; колонизация Америки, приток ценных металлов и т.д. [9, s. 271; 2, s. 126, 220-221, 266, 268].

Интерпретации предпосылок и условий возникновения капитализма не исчерпываются вышеназванными аспектами. Ряд интерпретаторов приводит гораздо большее количество условий, часто выходящих далеко за рамки веберовских текстов, другие, напротив, редуцируют теорию капитализма исключительно к причинному объяснению значения протестантской этики.

Ключевыми условиями являются, как подчеркивает Э. Гидденс [5], рациональная организация предприятия с рациональной бухгалтерией, отделение предприятия и домашнего хозяйства, рационально-капиталистическая организация труда как институциональная и социально-психологическая предпосылка. Это, в свою очередь, обуславливает появление рационального управления и

юрисдикции, поскольку возникает необходимость в четкой регламентации действий согласно трудовому договору и в трудовой дисциплине. Капитализм в социально-экономической концепции Макса Вебера имеет множество исторических проявлений, и в данном случае речь идет исключительно о современном или рациональном капитализме. Политический, торгово-спекулятивный капитализм существовал и существует и без данных предпосылок.

Таким образом, в работах Вебера не обнаруживается одного единственного типа капитализма. В его работах обнаруживаются такие типы как «разбойничий», «спекулятивный», «античный», «иррациональный», «патримониальный», «политический» и др. Ричард Сведберг предпринял достаточно удачную попытку систематизации типов капитализма в работе «Макс Вебер и идея экономической социологии» [6].

Резюмируя и обобщая веберовские экономические исследования, он конструирует тип западноевропейского капитализма, включающего: факторы (рациональное предприятие, рациональный учет, рациональная технология, рациональное право, рациональный дух, рационализация образа жизни, рациональная экономическая этика); предпосылки (рациональный расчет капитала, свободный труд, рациональные технологии, рациональное калькулируемое право, коммерциализация экономической жизни) и характеристики (рациональная организация труда, отсутствие разделения на внутреннюю и внешнюю экономику, современное государство, рациональное право, современная наука, рациональная

этика и образ жизни). Р. Сведберг выделяет в дальнейшем 3 основных (генеральных) типа, которые конкретизируются «субтипами»: тип рационального капитализма, который включает субтипы производственный и спекулятивно-финансовый, тип политического и тип традиционно-коммерческого капитализма.

Такая точка зрения во многом совпадает с мнением К. Касториадиса, с работами которого был, очевидно, знаком Давыдов. Как и для Вебера, и для его интерпретатора Давыдова, социализм и капитализм для греческого мыслителя – это две формы бюрократического господства, различающиеся лишь формой собственности, распределения и степенью централизации власти. «Русская революция, – пишет Касториадис, – привела к созданию нового типа режима подавления и эксплуатации с бюрократией, образовавшейся вокруг коммунистической партии, в качестве нового господствующего класса». Этот режим он обозначает как тотальный – соответственно тоталитарный бюрократический капитализм [4, s.18].

Экспликация веберовских типов капитализма у К. Касториадиса имеет менее четкие контуры, однако, как и М. Вебер, он выделяет принципы рациональной рыночной экономики, идентичные веберовским идеальнотиповым характеристикам, которые, как он считает, иллюзорны в либеральной олигархии западного общества: 1) совершенная конкуренция; 2) полная информация потребителей; 3) полная информированность производителей; 4) ликвидность факто-

ров производства; 5) рациональность издержек производства; 6) равновесие на глобальном рынке, т.е. полное использование производственных ресурсов [4, s. 93-95]. За исключением последнего пункта, такая трактовка совпадает с веберовским типом рационального капитализма, однако реализация такой модели возможна лишь при демократической организации экономики, которая включает в себя автономию индивидов как суверенных потребителей в условиях совершенной конкуренции, самоуправление производителей, свободное ценообразование и др.

Альтернативой торгового-спекулятивному, архаическому, криминальному капитализму 1990-х, имеющему криминальную природу и хищнический характер, основанному на «культе преступления, разврата и тотального бесстыдства» [2], выступает духовно-нравственное, этическое обновление идеала рынка, основанного на идеале русской реформации, как например, у С.Г. Булгакова [3]. Поэтому для становления рыночной экономики или предпринимательского капитализма необходима новая культурная модернизация с восстановлением ценностей творческого труда.

Таким образом, если с содержательной стороны многие аспекты веберовской теории капитализма следует рассматривать как часть истории социологии, то эвристические смыслы его социологии и перспективы отрефлексированной рецепции не утратили своей методологической и теоретической ценности.

Список литературы

- 1. Вебер М.** История хозяйства. Город. – М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 576 с.
- 2. Давыдов Ю.Н.** Куда пришла Россия? Два пути капиталистической эволюции // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Том II. – Вып. 1. – №4. С. 95-108.
- 3. Катаев Д.В.** Значение хозяйственной этики в работах С.Н. Булгакова и М. Вебера // Бартеневские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года. – Липецк: ЛГПУ, 2012. – С. 202-205.
- 4. Castoriadis C.** Autonomie oder Barbarei. Ausgewählte Schriften. – Lich/Hessen, 2006.
- 5. Giddens A.** Capitalism and Modern Social Theory: An Analysis of the Writings of Marx, Durkheim and Max Weber A. Giddens. – Cambridge: University Press, 1971.
- 6. Swedberg R.** Max Weber and the Idea of Economic Sociology. – NY., 1998.
- 7. Weber M.** Gesammelte politische Schriften. – Tübingen, 1988.
- 8. Weber M.** Wirtschaft und Gesellschaft. – Tübingen, 1980.
- 9. Weber M.** Wirtschaftsgeschichte. – Paderborn, 2012.

The list of references

- 1. Veber M.** Istoriya hozyajstva. Gorod. – M.: Kanon-press-C; Kuchkovo pole, 2001. – 576 s.
- 2. Davydov YU.N.** Kuda prishla Rossiya? Dva puti kapitalisticheskoy ehvolyu-cii // ZHurnal sociologii i social'noj antropologii. – 1999. – Tom II. – Vyp. 1. – №4. S. 95-108.
- 3. Kataev D.V.** Znachenie hozyajstvennoj ehtiki v rabotah S.N. Bulgakova i M. Vebera // Bartenevskie chteniya: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 200-letiyu pobedy Rossii v Otechestvennoj vojne 1812 goda. – Lipeck: LGPU, 2012. – S. 202-205.
- 4. Castoriadis C.** Autonomie oder Barbarei. Ausgewählte Schriften. – Lich/Hessen, 2006.
- 5. Giddens A.** Capitalism and Modern Social Theory: An Analysis of the Writings of Marx, Durkheim and Max Weber A. Giddens. – Cambridge: University Press, 1971.
- 6. Swedberg R.** Max Weber and the Idea of Economic Sociology. – NY., 1998.
- 7. Weber M.** Gesammelte politische Schriften. – Tübingen, 1988.
- 8. Weber M.** Wirtschaft und Gesellschaft. – Tübingen, 1980.
- 9. Weber M.** Wirtschaftsgeschichte. – Paderborn, 2012.

1. Редакция принимает материалы, соответствующие тематике журнала, отвечающие требованиям самостоятельного научного исследования (актуальность, научная новизна, достоверность сведений). Предоставляемые материалы не должны быть опубликованы ранее в других изданиях.

2. Статьи для рассмотрения возможности их публикации в журнале присылаются на адрес электронной почты: gicr-lspru@yandex.ru Редакция обязательно подтверждает получение рукописи в течение трех дней. Присылаемый материал регистрируется в редакции с указанием даты поступления, Ф.И.О. автора или авторов, места работы, контактов, названия материала.

3. К рассмотрению принимаются тексты объемом до 0,5 авторского листа (20 000 знаков с пробелами), оформленные в соответствии с предъявляемыми редакцией требованиями.

4. Автор/авторы направляют в редакцию следующие файлы:

- Файл со статьей. Название: Иванов_статья.
- Информация об авторе/авторах (**на русском и английском языках**).

Название: Иванов_справка.

Информация об авторах включает в себя: ФИО, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, сфера научных интересов, контакты (телефон, адрес электронной почты, почтовый адрес с указанием индекса, название статьи).

- Аспиранты и соискатели направляют в редакцию отсканированный отзыв научного руководителя с заверенной подписью. Название: Иванов_отзыв.

В отзыве обязательно наличие фразы о том, что статья рекомендована к публикации.

5. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана автором. **Материалы, не соответствующие выдвигаемым реакцией критериям, редакционной коллегией не рассматриваются.**

6. **Технические параметры:** текст набирается в программе Word: размер шрифта – 14, гарнитура – Times New Roman, межстрочный интервал – 1,5, поля – 2 см со всех сторон. Объем статьи – до 0,5 а.л. (20 000 знаков с пробелами). Абзацный отступ – 1 см.

7. **УДК** – выравнивание по левому краю.

8. **Заглавие статьи** – на русском и английском языках, выравнивание по центру, заглавные буквы, полужирный шрифт. Названия работ должны быть информативными, краткими и отражать суть тематического содержания материала.

9. **Инициалы и фамилия автора** – на русском и английском языках, выравнивание по центру, строчные буквы, полужирный шрифт.

10. **Аннотация** – на русском и английском языках, курсив, объем – до 10 строк. В тексте аннотации раскрывается не научная проблема, а содержание статьи – актуальность, предмет, объект, методы, научная новизна.

11. **Ключевые слова** – на русском и английском языках, 5-7 слов и словосочетаний.

12. **Список литературы** оформляется в алфавитном порядке. Каждый пункт должен включать в себя: фамилию и инициалы автора/авторов, заглавие работы, место издания, издательство, год издания, количество страниц для книг, диапазон страниц – для статей в журналах и сборниках. **Список литературы в обязательном порядке приводится также в соответствии с правилами транслитерации.**

13. **Ссылка** в тексте статьи включает в себя указание в квадратных скобках на номер цитируемой работы из списка литературы, а также через запятую – страницы. Пример: [5, с. 321], [1, с. 12; 8, с. 12-14].

14. **Таблицы** в тексте имеют сквозную нумеруются и заголовок, в тексте на таблицу дается ссылка, например: (см. табл. 5).

15. **Иллюстрации** следует представлять отдельным файлом и сопровождать подписями. В тексте должны присутствовать ссылки на иллюстрации, например: (см. рис. 2).

16. **Формулы** должны быть набраны в редакторе формул программы Word. Перенос формул допускаются на знаках «плюс» и «минус», реже – на знаке «умножение». Эти знаки повторяются в начале и в конце переноса. Формулы следует нумеровать (нумерация сквозная по всей работе арабскими цифрами). Номер формулы заключают в круглые скобки у правого края страницы.

Редактор-корректор – В.И. Буланова

Дизайн, графика – С.А. Бондарчук

Художественное и графическое редактирование,
компьютерная верстка – О.Е. Булхова

Перевод – О.А. Журавлева

Территория распространения – Российская Федерация.

Подписано в печать 01.03.2017 г.

Дата выхода в свет 31.03.2017 г.

Формат 70 × 108 1/16.

6,3 п. л.

Тираж 100 экз.

Заказ № 1285.

Свободная цена

Редакция журнала «Гуманитарные исследования Центральной России».

398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42.

<http://lspu-lipetsk.ru/giceros>

Отпечатано в отделе редакционно-печатной деятельности федерального государственного

бюджетного образовательного учреждения высшего образования

«Липецкий государственный педагогический университет

имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42

Editor-corrector V.I. Bulanova

Translation O.A. Zhuravleva

Design, graphics S.A. Bondarchuk

Art and graphical editing, desktop publishing O.Ye. Bulkhova

Distributed in Russian Federation.

Signed to print 01.03.2017.

Date of publishing 31.03.2017.

Sheet size 70 × 108 1/16.

6,3 printed sheets.

Number of copies 100.

Order no. 1285.

Free price

Editorial office: 42, Lenina St., 398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University Printshop: 42, Lenina St.,
398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia